

13(2)
3-57

П. Н. ЗЫРЯНОВ
В. В. ШЕЛОХАЕВ

Первая русская революция

**в американской
и английской
буржуазной
историографии**

П. Н. ЗЫРЯНОВ
В. В. ШЕЛОХАЕВ

Первая русская революция

**в американской
и английской
буржуазной
историографии**

Издательство
«Мысль»
Москва
1976

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Введение

Революция 1905—1907 гг. в России была первой народной революцией эпохи империализма, первой в истории буржуазно-демократической революцией, в которой на политическую арену в качестве гегемона выступил пролетариат, руководимый революционной марксистской партией нового типа.

Ленинская партия была единственной партией, которая имела четкую, научно обоснованную программу и тактику действия. Партия большевиков вела последовательную и бескомпромиссную борьбу против оппортунистической тактики мелкобуржуазных партий, творчески развивала марксистскую теорию, соединяя ее в ходе революции с массовым пролетарским и демократическим движением.

Героическая и самоотверженная борьба российского пролетариата оказала прямое и непосредственное воздействие на развитие крестьянского движения. В годы революции 1905—1907 гг. стал складываться союз рабочего класса и крестьянства в общенациональном масштабе. Усилились революционное движение в армии и флоте, долгое время являвшихся оплотом самодержавия, национально-освободительное движение народов национальных окраин России.

В ходе революции 1905—1907 гг. возникли Советы — невиданные в истории политические организации масс. Возникновение этих организаций — результат исторического творчества народа.

Первая народная революция эпохи империализма открыла новый период всемирной истории — период политических потрясений и революционных битв широких трудящихся масс. Несмотря на поражение, революция 1905—1907 гг. в России нанесла мощный удар по само-

державию, господствующим классам в целом, вписала славную героическую страницу в историю классовой борьбы. «Без «генеральной репетиции» 1905 года, — писал Ленин, — победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»¹.

Революция 1905—1907 гг. не только имела общероссийское значение, но и оказала огромное воздействие на рост революционных выступлений трудящихся масс во многих странах мира, вызвала мощный подъем национально-освободительного движения угнетенных народов Востока. Все это расшатывало мировую систему капитализма, приближало ее общий кризис.

«Советские люди, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России», — высоко чтут славный подвиг героев революции. История первой народной революции в России — неиссякаемый источник творческого вдохновения, школа политической борьбы для новых поколений революционных борцов. В наше время, когда международный рабочий класс завоевывает руководящую роль в широком и мощном общедемократическом антиимпериалистическом движении, исторический опыт первой русской революции, ленинские идеи о гегемонии пролетариата в революционной борьбе трудящихся масс приобретают особую актуальность»².

Советской исторической наукой за более чем полувековой период накоплен и проанализирован огромный фактический материал о революции 1905—1907 гг., создано большое количество работ³. В них глубоко и всесторонне раскрыты объективные и субъективные предпосылки первой народной революции, ее характер и движущие силы, показана расстановка классовых сил и по-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 9—10.

² «Коммунист», 1975, № 2, стр. 5.

³ В. Г. Егоров. Проблемы истории первой русской революции 1905—1907 гг. в советской историографии (20-е — начало 30-х гг.). Канд. дис. М., 1972; Н. И. Приймак. Советская историография первой русской революции 1905—1907 гг. (середина 30-х — 60-е годы); «Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России», ч. II. Л., 1967; «В. И. Ленин и история классов и политических партий в России» (М., 1970); И. Ф. Угаров, Н. Н. Яковлев. Первая русская революция 1905—1907 гг. в советской историографии. — «Очерки истории исторической науки в СССР», т. IV. М., 1966, стр. 411—426; «Основные итоги изучения истории первой русской революции за последние двадцать лет». — «История СССР», 1975, № 5.

литических партий на арене освободительного движения. Особое внимание было уделено изучению деятельности большевистской партии. Достижения советской исторической науки в изучении первой русской революции были обобщены в фундаментальных исследованиях — во втором томе многотомной «Истории КПСС» и шестом томе «Истории СССР с древнейших времен до наших дней»⁴.

Революция 1905—1907 гг. в России занимает немалое место и в буржуазной историографии. Обращение буржуазных историков к данной теме не случайно.

Первая русская революция неразрывно связана с борьбой пролетариата, который стоит в центре нашей эпохи и является самым передовым революционным классом современности⁵. Классовые битвы в мире капитала заставляют буржуазных идеологов внимательно присматриваться к урокам первой в мире народной революции в России. При этом для буржуазной и реформистской историографии характерно стремление хотя бы на бумаге «перестроить» ход, уроки и итоги этой революции.

Кроме того, интерес к событиям первой народной революции эпохи империализма со стороны буржуазных историков в большой мере обусловлен революционными процессами в развивающихся странах, сбросивших иго колониализма и продолжающих вести антиимпериалистическую борьбу. В данной связи революция 1905—1907 гг. в России служит своеобразной исторической «моделью» при изучении процессов, происходящих в странах так называемого «третьего мира». По мнению большинства западных буржуазных историков, претендующих на открытие «ключа» к решению важных проблем современности, социально-экономическая и политическая структура России в конце XIX—начале XX в. во многом якобы

⁴ «История Коммунистической партии Советского Союза в 6-ти томах», т. 2. Партия большевиков в борьбе за свержение царизма. 1904 — февраль 1917 года. М., 1966 (далее — «История Коммунистической партии Советского Союза»); «История СССР с древнейших времен до наших дней. В 2-х сериях. В 12-ти томах. Первая серия, т. 6. Россия в период империализма. 1900—1917 гг.». М., 1968 (далее — «История СССР с древнейших времен до наших дней»).

⁵ См. вступительное слово товарища М. А. Суслова на научной конференции, организованной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Академией общественных наук и Высшей партийной школой при ЦК КПСС на тему «Коммунистическое движение в авангарде борьбы за мир, социальное и национальное освобождение» (к 40-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала). — «Коммунист», 1975, № 11, стр. 7—8.

сходна с уровнем социально-экономического развития современных стран Азии, Африки и Латинской Америки. Предполагается, что изучение истории России на рубеже двух веков позволит лучше понять современную ситуацию в развивающихся странах, поможет выработать по отношению к ним более гибкую политическую линию, а также послужит и средством идеологического воздействия на эти страны. Подобные «сопоставления» и так называемые исторические параллели, которыми широко и, как правило, без учета конкретной исторической ситуации пользуются буржуазные авторы, преследуют вполне определенные классовые цели. В современных условиях общего кризиса всей капиталистической системы ее апологеты стремятся во что бы то ни стало сохранить давно уже пошатнувшееся влияние империализма в развивающихся странах, помешать выбору ими социалистической ориентации или по крайней мере задержать его.

Таким образом, уроки революции 1905—1907 гг. имеют огромное значение для современной идеологической борьбы.

Борьба против буржуазных теорий и концепций исторического развития была и остается в центре внимания марксистской науки.

В постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. в качестве важнейшей задачи общественных наук указывалось на необходимость «вести систематическую наступательную борьбу против антикоммунизма, давать обстоятельную критику современной буржуазной философии, социологии, историографии, права и экономических теорий апологетов капитализма; разоблачать фальсификаторов идей марксизма-ленинизма, истории развития общества, коммунистического и рабочего движения; давать решительный отпор проявлениям правого и «левого» ревизионизма, национальной ограниченности как в теории, так и в политике»⁶. Большое внимание дальнейшему развитию общественных наук в период развернутого строительства коммунизма было уделено XXIV съездом КПСС. Съезд определил основные направления исследований в области общественных наук⁷.

⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8, т. 9 (далее — «КПСС в резолюциях...»). М., 1972, стр. 351.

⁷ П. Федосеев. XXIV съезд КПСС и основные направления исследований в области общественных наук. — «Коммунист», 1972, № 1, стр. 56—77.

Советские историки стали больше уделять внимания вопросам борьбы против враждебной марксизму-ленинизму идеологии, активизировали работу по критике и разоблачению буржуазных и реформистских концепций в области исторической науки. В последние годы создан ряд монографических исследований, в которых дан критический анализ попыток буржуазных авторов извратить историю Февральской и Октябрьской революций 1917 г., историю советского общества⁸. В журналах систематически печатаются материалы с разоблачением антимарксистских концепций исторического процесса, и в особенности истории СССР.

Вместе с тем в постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. было подчеркнуто, что «борьба против буржуазных и реформистских теорий, против правых и «левых» ревизионистов, усилившаяся за последнее время, все еще не оперативна, не всегда учитывает изощренную тактику идейных противников. Авторы критических работ недостаточно своевременно реагируют на изменения в содержании, направленности и методах враждебной идеологии, не дают исчерпывающего ее опровержения. Еще не изжита декларативная критика немарксистских концепций, оторванная от позитивной разработки проблем»⁹. На недостатки работы советских историков по разоблачению антимарксистских и антисоветских концепций было указано и на совещании директоров институтов истории, руководителей ряда научных учреждений

⁸ Г. З. Иоффе. Февральская революция 1917 г. в англо-американской буржуазной историографии. М., 1970; В. И. Салов. Германская историография Октябрьской революции. М., 1960; Ю. И. Игрицкий. Мифы буржуазной историографии и реальность истории (Современная американская и английская историография Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1974. В монографии Ю. И. Игрицкого приведена подробная библиография работ советских авторов, специализирующихся в области критики буржуазной историографии Великой Октябрьской социалистической революции; Н. В. Наумов. Великая Октябрьская социалистическая революция во французской буржуазной историографии. М., 1975; М. Г. Жарков. Против буржуазной фальсификации истории Октября. Минск, 1975. Большое внимание критике современных буржуазных и реформистских концепций уделяют советские философы и социологи (см., например, Е. Д. Модржинская. Распад колониальной системы и идеология империализма. М., 1965; *ее же*. Ленинизм и современная идеологическая борьба. Изд. 2. М., 1972; С. И. Попов. Социал-реформизм: теория и политика. М., 1971, и др.).

⁹ «КПСС в резолюциях...», т. 9, стр. 346.

и ведомств, состоявшемся в марте 1973 г.¹⁰ Устранение отмеченных недостатков является одной из важнейших задач советских историков.

Почти не изучена в советской исторической литературе буржуазная историография первой русской революции 1905—1907 гг. До настоящего времени нет специальных исследований на эту тему, за исключением двух небольших статей¹¹. Отсутствие специальных исследований, посвященных критике современной буржуазной историографии первой русской революции, в значительной степени снижает эффективность борьбы с буржуазными теориями и концепциями революционного процесса, затрудняет комплексный критический анализ буржуазной историографии трех российских революций.

В данной книге предпринята попытка восполнить этот пробел. В основу исследования положен критический анализ вышедших за последние 15—20 лет работ английских и американских буржуазных авторов, в которых нашла отражение история революции 1905—1907 гг. в России.

Начиная с 50-х годов в английской и американской буржуазной историографии появились новые направления, теории и концепции социально-экономических и политических процессов, происходивших в России в конце XIX — начале XX в. Все они оказали большое влияние на последующее развитие этой историографии. Новейшие буржуазные концепции в отличие от откровенных антисоветских писаний эмигрантов и буржуазных авторов периода «холодной войны» более изощренны и завуалированы, нередко облечены в наукообразную форму. Однако при этом западная буржуазная историография, разумеется, не теряет своей классовой направленности, отражает в той или иной степени устремления командующих классов капиталистических стран. С помощью так называемых новых концепций и теорий буржуазные идеологи преследуют прежние цели — принизить исторические завоевания трудящихся СССР и других социалисти-

¹⁰ См. передовую статью «Советская историческая наука на современном этапе». — «Вопросы истории», 1973, № 5, стр. 3—14.

¹¹ *Е. Б. Черняк*. Английская и американская историография революции 1905—1907 годов. — «Вопросы истории», 1955, № 12; *Н. В. Романовский, А. Л. Угрюмов*. Революция 1905—1907 гг.: некоторые вопросы истории и современные буржуазные фальсификаторы. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 7.

ческих стран, опровергнуть основные закономерности исторического процесса или преуменьшить их значение, исказить историю борьбы народных масс за свое политическое и социальное освобождение.

Вплоть до 50-х годов в западной буржуазной историографии, в частности в английской и американской, имели широкое распространение в основном две концепции исторического развития пореформенной России. Они зародились еще в конце XIX — начале XX в. Авторы одной из них, так называемой концепции вестернизации (или «европеизации»), стремились свести историческое развитие России к последовательному заимствованию западных институтов, техники, образа жизни. В основном в рамки этой концепции укладываются и работы историков-эмигрантов.

Другая концепция, в формировании которой большую роль сыграли идеи русских славянофилов, народников, книга Т. Масарика «Дух России», исходила из исключительности русского пути развития.

В дальнейшем произошло известное переосмысление, а точнее, возник некий синтез обеих концепций. Первая из них послужила основой для концепции «революции извне», выдвинутой в 50-е годы американским историком Т. фон Лауэ. Как утверждает Лауэ, современная промышленность и «индустриально-городское общество» являются продуктом специфического развития стран Западной Европы, прежде всего Англии. Поскольку же капиталистическая промышленность и связанные с ней формы социального и политического устройства, по мнению Лауэ, являлись и являются наиболее передовыми и эффективными, то история «гинтерланда» (окраин) европейского мира в новейшее время представляет сплошную цепь «революций извне». Соприкасаясь с западным миром, правительства «окраинных» государств волей-неволей должны насаждать западные формы промышленности, появление которых влечет за собой быструю и неизбежную ломку системы традиционных отношений, институтов, ценностей. Происходит «революция извне». «Школьным примером» такой «революции» Лауэ считает события русской истории начиная с периода «виттевской индустриализации».

Концепция Лауэ, претендующая на глобальное применение, прямо и откровенно отводит западным странам роль лидера в мировой истории и по существу отказы-

вает остальному миру в самостоятельности исторического развития. В конечном счете Лауэ стремится противопоставить мировому революционному процессу «революции извне», якобы осуществляемые господствующей элитой, и изобразить национально-освободительные движения в качестве отрицательной реакции на вторжение западной цивилизации.

Следует подчеркнуть, что эта концепция своим острием направлена против марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, исторической закономерности смены низших формаций высшими. Т. фон Лауэ пытается свести историческое развитие общества новейшего времени к индустриализационному процессу с сопутствующими ему изменениями и по существу отрицает величайшее историческое значение классовой борьбы угнетенных масс, и особенно рабочего класса, за свое освобождение¹².

Т. фон Лауэ игнорирует тот бесспорный факт, что насаждение крупной капиталистической промышленности в России конца XIX — начала XX в. происходило в обстановке развития и углубления капиталистических отношений в городе и деревне. Недаром В. И. Ленин называл пореформенные десятилетия временем усиленного роста капитализма «снизу» и насаждения его «сверху»¹³. Такова закономерность развития капиталистических отношений в странах, по тем или иным причинам позже вступивших на путь капиталистического развития. Они переносят на свою почву уже сложившиеся в других странах формы промышленного производства, технической и хозяйственной организации, что позволяет им значительно быстрее совершать путь капиталистической эволюции. И это касается не только «окраинных» государств, но и таких стран, как Германия и США, переносивших в 30—40-х годах XIX в. на свою почву опыт английской промышленности. Разумеется, эти страны фон Лауэ, американец немецкого происхождения, не включает в состав «гинтерланда».

Таковы первые, что называется «бросающиеся в глаза», расхождения с фактами мировой истории субъекти-

¹² Подробный критический анализ названной концепции дан в статье И. Ф. Гиндина «Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ». — «История СССР», 1971, № 4.

¹³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 38.

вистской концепции Т. фон Лауэ, построенной на абсолютизации одной, хотя и важной, особенности капиталистического развития России и некоторых других стран. По ходу дальнейшего изложения нам еще придется, рассматривая предпосылки первой русской революции и ее значение, отмечать расхождения концепции «революции извне» с фактами русской истории.

Тезис о «революции извне» не получил широкого распространения среди западных историков. Из числа видных американских «россиеведов», пожалуй, только Л. Хеймсон отдал определенную дань этой концепции. Фон Лауэ так и не удалось основать «школу», и это было обусловлено рядом причин. Во-первых, концепция «революции извне», отводящая западному миру роль лидера, а остальным странам — роль более или менее прилежных учеников, оказалась неподходящей для идеологического экспорта в страны так называемого «третьего мира». Во-вторых, среди западных историков было еще велико стремление представить революционный процесс в России начала XX в. чисто «русским» явлением, а Лауэ в принципе не отрицал возможности «русского» поворота событий в других странах.

Но хотя концепция «революции извне» и не стала общим достоянием западных историков, она наложила известный отпечаток на их последующие теоретические искания, в частности на так называемую теорию «модернизации».

В отличие от лауэвской концепции теория «модернизации», сложившаяся к началу 60-х годов, является результатом коллективного творчества ряда западных историков и социологов (С. Блэка, У. Росту, Т. Парсонса, Р. Бендикса и др.). Теория «модернизации», казалось, удачно синтезировала идеи «вестернизации» и «русской исключительности». По мнению сторонников этой концепции, в истории каждой нации рано или поздно наступает сложный момент перехода от «традиционного», преимущественно аграрного общества к новому, индустриальному.

Согласно теории «модернизации», развитие любой нации, проходящей стадию «обновления», рассматривается в следующих аспектах: экономическое развитие, рост социальной мобильности, т. е. ликвидация всякого рода сословных и кастовых перегородок, участие населения «в принятии политических решений» (имеется в виду пе-

реход к той или иной форме парламентаризма) и развитие культуры. Однако следует отметить, что названные проблемы, как правило, рассматриваются изолированно друг от друга, в полном отрыве от производственных отношений, без учета соотношения классовых сил на том или ином отрезке исторического развития. При этом ряд важных проблем (характер собственности, социальная природа государства и др.) обычно лежит вне теории «модернизации».

Процесс «модернизации» не отождествляется сторонниками этой теории с простым пересаживанием западных институтов. Считается, что в процессе «модернизации» традиционные институты неизбежно налагают свой отпечаток на «современные». Модернизация — это не просто дублирование западных институтов¹⁴, подчеркивает С. Блэк.

Как полагают авторы этой концепции, процесс приспособления «традиционных» форм к современности имел место и в истории западных стран. Однако там он был более растяжим во времени и происходил постепенно. В странах же, подошедших к этому периоду позднее, он имеет тенденцию «сжиматься» во времени и принимать скачкообразную форму. Процесс «модернизации» становится взрывоопасным, «уязвимым», как пишет американский историк А. Адамс¹⁵. Другими словами, западные исследователи признают, что процесс мирной «модернизации» может быть прерван революционным взрывом. Однако мирный путь считается наиболее легким и эффективным, революция же преподносится как «одна из самых дорогих ошибок». При этом, разумеется, игнорируется вопрос о том, чьим классовым интересам отвечает тяжкой и мучительный для народных масс процесс эволюции. Размышляя над тем, насколько возможно избежать революции, Адамс замечает: «Эта возможность, если смотреть на нее в контексте сегодняшнего дня, имеет реальное значение и приложимость, особенно для развивающихся наций Латинской Америки, Африки и Азии, ищущих путей своей модернизации, за что отчаянно боролась Россия перед 1917 г.»¹⁶. Антиреволюционная

¹⁴ C. E. Black. No Political Alternative to Autocracy Had Adequate Support. — «Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution?». Ed. by Arthur E. Adams. Boston, 1965, p. 94—95.

¹⁵ Ibid., p. XIV.

¹⁶ Ibidem.

направленность теории «модернизации», таким образом, очевидна. Ее авторы пытаются опровергнуть марксистско-ленинское учение о революционной борьбе народных масс как движущей силе исторического прогресса. Сознательно отказываясь от такого действенного орудия исторического познания, как классовый анализ общественных явлений, авторы теории «модернизации» не желают признать, что именно революционное решение важнейших социальных вопросов отвечает интересам широких народных масс, а потому является наиболее радикальным и плодотворным¹⁷.

Как видим, в теоретическом подходе западных историков к проблемам истории России нового времени произошли определенные изменения. Постепенно отходит в прошлое теория «вестернизации», сложившаяся в пору расцвета колониальной политики западных стран, во времена активного проникновения западноевропейского капитала в экономику России. Лишь такие западные «ортодоксы», как Дж. Уолкин, еще отдают дань теории «вестернизации». Мощный рост мирового революционного процесса постепенно отодвигает на вспомогательные роли и теорию «русской исключительности». Бытующие ныне теории «революции извне» и «модернизации» направлены в первую очередь против революционного движения народных масс.

Западная буржуазная историография неоднородна. На нее налагают отпечаток известные традиции национальных исторических школ. Например, для английских историков характерен эмпиризм, сравнительная осторожность в выводах. Попытки найти компромисс различных точек зрения нередко приводят английских авторов к неприкрытому эклектизму. Американскую школу отличает стремление к генерализациям, порой не только поспешным, но и не замаскированным в своей политической направленности. В западной буржуазной историографии России присутствует еще один элемент — русские историки-эмигранты. В свое время они сыграли большую

¹⁷ Теория «модернизации» подверглась обстоятельной критике советских социологов на VI Всемирном социологическом конгрессе в Эвиане в 1966 г. (В. С. Семенов. Проблемы социальной жизни общества (обзор выступлений). — «Социология и идеология». М., 1969, стр. 191—193. См. также: Т. Д. Крупина. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России конца XIX — начала XX в. — «История СССР», 1971, № 1).

роль в становлении западного «россиеведения», снабдив его рядом меньшевистских, эсеровских и прочих концепций и положений, до сих пор бытующих в западной литературе. Растратив вывезенный за рубеж идеологический багаж, они стали отходить на задний план. Бесконечное воспевание старой России и сетование по поводу «упущенных» возможностей уже не отвечали задачам новых «теоретических» исканий западных буржуазных историков. В связи с этим Т. фон Лауэ однажды с раздражением упомянул об «эмигрантской ностальгии», затемняющей предмет исследования¹⁸.

Английская и американская немарксистская историография неоднородна и по своей политической окраске. Ее крайне правое крыло представлено такими авторами, как печально известный Л. Шапиро, Л. Страховский, А. Мурхед¹⁹. Писания этих авторов, проникнутые самым оголтелым антисоветизмом, не могут рассматриваться как предмет серьезного критического разбора. Довольно близко к ним примыкают такие историки, как англичанин Дж. Кип, американцы Дж. Токмаков, Дж. Кларксон, Дж. Уолкин. С другой стороны, в условиях наступившей в последние годы разрядки международной напряженности в английской и американской историографии (в первой — больше, во второй — меньше) выявилось объективистское направление. Таких историков, как Л. Хеймсон, Л. Кочен, М. Перри, и других отличает большее, чем их коллег, внимание к действительным фактам истории. Не отказываются они и от диалога с советскими историками, хотя и не выходят при этом за рамки концепций и схем буржуазной историографии. Наконец, третья группа буржуазных историков, не афишируя своих политических привязанностей и даже на словах выступая против «мутных ручейков идеологической приверженности»²⁰, ведет упорную борьбу против марксистско-ленинского понимания истории, против марксистско-ленинского учения о смене социально-экономических формаций, о классовой борьбе, о революционном движении народных масс. К этой, самой многочисленной группе историков, в част-

¹⁸ *Th. H. von Laue. The Chances for Liberal Constitutionalism. — «Slavic Review», vol. XXIV, N 1, 1965, March, p. 34.*

¹⁹ *L. Schapiro. The Communist Party of the Soviet Union. New York, 1960; A. Moorehead. The Russian Revolution. New York, 1958.*

²⁰ «Slavic Review», vol. XXIV, N 1, 1965, p. 34.

ности, принадлежат такие «генераторы идей» западного «россииведения», как Т. фон Лауэ и С. Блэк.

Вооружившись теориями «революции извне» и «модернизации», западные буржуазные историки пытаются опорочить опыт революционного движения в России, принизить значение революционного творчества народных масс, реабилитировать российскую буржуазию, стремившуюся к сговору с самодержавием. Именно с этой целью многие западные историки обращаются к событиям первой русской революции.

Советские историки не могут пройти мимо этих попыток исказить историю первой народной революции XX в. Борьба за достоверность исторического знания, за его объективность — важная сфера идеологической борьбы²¹. Необходимость дальнейшего повышения роли общественных наук «в наступательной борьбе против антикоммунизма, в критике буржуазных и ревизионистских теорий, разоблачении фальсификаторов идей марксизма-ленинизма»²² была подчеркнута в документах XXV съезда КПСС. «В борьбе двух мировоззрений не может быть места нейтрализму и компромиссам,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду.— Здесь нужна высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям»²³.

Настоящая работа ставит своей задачей дать критический анализ современной английской и американской буржуазной историографии первой русской революции по следующим основным проблемам: предпосылки революции движение народных масс, роль буржуазии и буржуазно-либеральных партий, царизм в годы революции и, наконец, историческое значение первой русской революции.

²¹ См. доклад академиков П. Н. Федосеева и Ю. П. Францева на заседании Секции общественных наук президиума АН СССР 3 и 6 января 1964 г. — «История и социология». М., 1964, стр. 20.

²² «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы». М., 1976, стр. 66.

²³ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, стр. 89.

Что привело к пятому году?

Ни одно историческое событие не существует отдельно, вне контекста истории. Революции происходят на почве реальных противоречий конкретной исторической действительности. От подлинного научного анализа этой действительности зависит и правильное объяснение причин и характера первой народной революции эпохи империализма. Большинство буржуазных английских и американских историков далеки от такого научного анализа объективных предпосылок революции 1905—1907 гг. Умалчивание или просто игнорирование социально-экономических предпосылок первой русской революции приводит к произвольной трактовке и фальсификации движущих сил этой революции, роли в ней классов и политических партий. Исходя из разного рода так называемых теорий и концепций исторического развития России на рубеже двух веков, буржуазные «россиеведы» пытаются дать свое объяснение причин революции 1905—1907 гг., которое по своей сути и классовому содержанию противоречит подлинным фактам исторической действительности.

В связи с этим представляется необходимым хотя бы вкратце рассмотреть эти концепции, чтобы показать, в какие «полотна» английские и американские советологи пытаются вписать события первой русской революции. Следует при этом подчеркнуть, что, несмотря на известное обновление и приспособление этих концепций к бурно развивающейся современной эпохе, их классовая сущность и направленность остались неизменны. Все они (одни более откровенно, другие завуалированно) своим острием нацелены против революционного движения трудящихся масс, против современного революционного процесса в целом.

1. Теория «вестернизации»: борьба государства и «общества»

Концепция «вестернизации», призванная оправдать позицию русской либеральной буржуазии, учитывала главным образом политические предпосылки революции и по существу игнорировала социально-экономические. Выше отмечалось, что определенную роль в разработке этой концепции сыграли белоэмигрантские историки, которые перенесли в нее и ряд идей русского либерализма. Основу либеральной дореволюционной историографии составляла идея борьбы государства и «общества»¹ (в понятие «общества» включались либеральная буржуазия, либеральные помещики и «цензовая» интеллигенция; рабочие и крестьяне молчаливо выносились за черту этого «общества»). При этом центральным был тезис о надклассовости и надсословности самодержавия и бюрократии. «Бюрократия живет и действует вне общества и над ним»², — писал В. М. Гессен.

Эти идеи перекочевали в английское и американское «россиеведение». Они нашли отражение в «Истории России» Г. В. Вернадского³, но наиболее отчетливо прозвучали в книге американского историка и дипломата Дж. Уолкина. Развивая мысль о том, что сословия были искусственно созданы русским государством в процессе проведения политики «вестернизации», он подчеркивает, что царь сохранил свое «положение вне и над всеми классами. С дворянством он не имел иной связи, кроме службы. Теория монарха как первого среди пэров была чужда русской традиции»⁴. В России, продолжает Уолкин, государство было всегда сильным, а «общество» — слабым и пассивным. Однако к началу XX в., по мнению Уолкина, баланс сил стал не только «выравниваться», но и изменяться в пользу «общества». Благодаря постепен-

¹ Н. И. Лазаревский. Лекции по русскому государственному праву, т. II, ч. I. СПб., 1910, стр. 232; *Ив. Блинов*. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905, стр. 19, 358.

² В. М. Гессен. Вопросы местного управления. СПб., 1904, стр. 19.

³ G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 263. Первое издание книги Г. В. Вернадского вышло еще до войны, но оно до сих пор широко используется в качестве учебного пособия в некоторых университетах США и других стран.

⁴ J. Walkin. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. Political and Social Institutions Under the Last Three Czars. London, 1963, p. 29.

ному распространению просвещения «общество» стало организовываться и превращаться в реальную силу. Однако последние цари не желали признать этот факт, не хотели уступить «обществу» часть своих «полномочий», будучи «ослепленными былой славой самодержавия». В результате стало нарастать общественное недовольство, которое и вылилось в события 1905 г.⁵

Приведенная схема держится на двух тезисах — на тезисе о надклассовости русского самодержавия и тезисе о борьбе государства и «общества». Первый из них, как будет показано ниже, прочно удерживается в немарксистской литературе. Второй тезис также еще не забыт окончательно. В недавно изданной в Англии монографии преподавателя Тель-Авивского университета Ш. Галай он снова фигурирует в качестве главной предпосылки революции 1905 г.⁶

Таким образом, в основе концепции «вестернизации» лежит явно устаревший идейный багаж, широко распространенный в русской дореволюционной либеральной историографии. Сторонники этой концепции, как правило, далеки от понимания подлинных причин первой русской революции, выступают в роли откровенных фальсификаторов исторического развития России. Достаточно сказать, что в отличие от русских либералов и современных сторонников концепции «вестернизации» сами цари не отрицали связь между самодержавием и поместным дворянством. Как известно, Екатерина II именовала себя «казанской помещицей»; Александр III повелел собравшимся на коронацию волостным старшинам следовать «советам и руководству» предводителей дворянства⁷; Николай II, заполняя бланк Всероссийской переписи населения, отметил свою принадлежность к землевладельцам — помещикам. Как подчеркивал В. И. Ленин, «царь сам помещик и дворянин...»⁸.

Самую тесную связь с классом помещиков сохраняла и правящая бюрократия, что по существу вытекало из самой структуры государственного механизма, которая не обеспечивала последовательного продвижения с низших административных постов на самые высшие. Движение

⁵ Ibid., p. 183—186.

⁶ Sh. Galai. The Liberation Movement in Russia. 1900—1905. Cambridge, 1973, p. 1—3.

⁷ «Московские ведомости», 24 мая 1883 г.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 135.

к высотам бюрократической иерархии начиналось только с уездного уровня. Но и в уезде административная власть сосредоточивалась в руках местного предводителя дворянства. Его первыми помощниками были земские начальники, согласно закону также назначавшиеся из среды местного дворянства⁹. Отсюда, из уезда, начинались те «коридоры власти», которые позволяли поместному дворянству проводить в ряды бюрократии своих представителей и добиваться проведения такой политики, которая всецело отвечала их интересам. 19 губернаторов Европейской России, занимавшие эти посты в 1914 г., в свое время избирались на должность уездного предводителя. Четверо, не побывавшие в этой должности, в прошлом служили земскими начальниками. Для вице-губернаторов эти цифры составляли соответственно 15 и 13¹⁰. До 1905 г. эти показатели были значительно выше. В свою очередь из числа губернаторов и вице-губернаторов вербовались более важные сановники, вплоть до министров. Эти люди самой своей карьерой были обязаны поддержке и доверию местных дворянских корпораций.

Как видим, самодержавие не было надклассовым и надсословным, оно опиралось на определенную часть «общества» — поместное дворянство, с которым было связано самыми тесными узами. Но и за вычетом реакционного дворянства либеральное «общество» отнюдь не объединяло под своей эгидой все общественное движение России начала XX в., как это пытаются представить буржуазные историки.

В отличие от стран Западной Европы в России еще накануне революции развилось мощное рабочее движение, возглавляемое последовательно революционной партией нового типа. «...Рабочий класс России показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя, — мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму, — писал В. И. Ленин. — Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и антидемократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции»¹¹. Как ни старались либералы представить себя в роли «общенацио-

⁹ «Полное собрание законов Российской империи». Собр. 3, т. 9, № 6196. «Положение о земских участковых начальниках».

¹⁰ Подсчет произведен по «Списку высших чинов местных установлений МВД», ч. II. СПб., 1914.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 220.

нальных» лидеров, граница между либеральным лагерем и лагерем революционной демократии становилась все четче и резче. Либералы по мере роста и усиления революционного движения масс все настойчивее искали компромисса с самодержавием, против которого последовательно и бескомпромиссно сражался революционный лагерь, возглавляемый российским пролетариатом и его авангардом — большевистской партией. Уже в 1901 г. видный либерал Д. Н. Шипов изыскивал такие средства разрешения конфликта, которые не толкнули бы страну «на путь политической борьбы» и вызвали бы «сочувствие царя»¹². Советские историки справедливо отмечают, что «чем активнее и самостоятельнее действовал революционный народ, и прежде всего пролетариат, тем слабее звучали оппозиционные ноты в речах буржуазных либералов, тем очевиднее становился их поворот в сторону контрреволюции»¹³. В качестве гегемона надвигавшейся революции выступил российский пролетариат, а либеральная буржуазия продолжала колебаться между революцией и реакцией. Не буржуазное «общество», а народ являлся определяющей силой в борьбе с самодержавием.

Таким образом, реальная действительность предреволюционных лет не укладывается в искусственные схемы борьбы государства и «общества». Самодержавие имело тесные связи с определенными группировками привилегированных классов, прежде всего с поместным дворянством. Общество же — в широком и подлинном смысле этого слова — было расколото на три политических лагеря. В России, писал В. И. Ленин, «*борются и будут бороться три* главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса»¹⁴.

¹² Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, стр. 149.

¹³ Г. М. Деренковский, Л. А. Слепов, С. В. Тютюкин. Первая народная революция эпохи империализма. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 1, стр. 38.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 172.

2. Концепция «революции извне»: усиленная индустриализация

В конце 50-х — начале 60-х годов в буржуазной историографии наметилась тенденция к переходу от неприкрытых фальсификаторских концепций истории России конца XIX — начала XX в. к более наукообразным, завуалированным теориям. Концепция «вестернизации», откровенно игнорировавшая социально-экономические предпосылки революции в России, роль народных масс в революционном процессе, стала подвергаться определенным изменениям, ибо перестала по существу удовлетворять запросы западного читателя. Однако отдельные узловые моменты концепции «вестернизации» почти без изменения перешли в новейшие буржуазные теории. Речь скорее может идти не о полном отказе от концепции «вестернизации», а лишь об ее известном обновлении и модернизации. Так, упоминавшийся Т. фон Лауэ, оставаясь верным концепции борьбы государства и «общества», попытался дать ей новую интерпретацию, наполнив ее социально-экономическим содержанием. Как утверждает Лауэ, в 90-е годы XIX в. Россия переживала второй период индустриализации (первый он относит ко времени Петра I). Однако промышленный капитализм западноевропейского типа, по мнению Лауэ, не приживался в России, архаичное русское общество не было готово к индустриализации. В России, доказывает американский историк, по существу не было классов капиталистического общества. Крестьянство было средневековым, рабочие были «крестьянами», буржуазия вовсе отсутствовала, а средние слои городского населения состояли из купечества, мещанства и почетных граждан¹⁵. Вторжение виттевской индустриализации в это «неевропейское» общество, продолжает Лауэ, привело его в расстройство. Недовольство охватило чуть ли не все слои населения. «Быстрая индустриализация и следующая за ней вестернизация... — пишет Лауэ, — породили недовольство, которое в значительной степени подтолкнуло революцию 1905 г.»¹⁶ Отчасти это положение поддерживает и

¹⁵ Th. H. von Laue. The Chances for Liberal Constitutionalism. — «Slavic Review», vol. XXIV, N 1, March 1965, p. 41—43.

¹⁶ Th. H. von Laue. Count Witte and Russian Revolution of 1905. — «The American Slavic and East European Review», vol. XVII, N 1, 1958, p. 28.

Л. Хеймсон. «Промышленный гигант, построенный Витте, — пишет он, — стоил слишком дорого и не мог поддерживаться обнищавшим и недовольным крестьянством, а щедрые субсидии промышленности и протекционистские тарифы оттолкнули от самодержавия его давнего союзника — поместное дворянство...»¹⁷

Итак, важнейшей предпосылкой первой русской революции оказывается, по мнению ряда буржуазных историков, проводившаяся в 90-е годы политика насаждения крупной капиталистической промышленности. Революция 1905—1907 гг. оказывается отрицательной реакцией на насильственное вторжение западных форм жизни. Борьба государства и «общества» трактуется как столкновение между «революционерами» в вицмундирах и страной, не приемлющей их нововведений.

Подобная трактовка причин революции 1905—1907 гг. является глубоко тенденциозной, противоречащей исторической действительности. Сторонники «революции извне», произвольно выпячивая на первый план так называемую виттевскую индустриализацию и рассматривая ее в качестве «основополагающей» предпосылки революции, по существу игнорируют всю совокупность внутренних объективных социально-экономических предпосылок первой русской революции. В конечном итоге это приводит к отрицанию закономерности революции вообще, подмене классовой борьбы трудящихся масс реформами «сверху» по воле монарха и министров.

Как же обстояло дело в действительности?

Политика насаждения крупной капиталистической промышленности, проводившаяся самодержавием в течение последних полутора десятков лет до революции, действительно вызывала протесты со стороны представителей поместного дворянства, хотя в годы революции эти «протестанты», в том числе давний противник Витте С. Ф. Шарапов, не только не примкнули к освободительному движению, но и подстрекали правительство на крайние репрессивные меры.

Вместе с тем насаждение промышленности отнюдь не исчерпывало всего содержания внутренней политики правительства в предреволюционные десятилетия. Началу «эры Витте» предшествовал закон о земских начальниках

¹⁷ L. Haimson. *The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism*. Cambridge, Mass., 1955, p. 198.

1889 г. В следующем году была проведена земская контр-реформа. В 1893 г. правительство специальным законодательным актом ограничило право продажи, залога и досрочного выкупа крестьянских наделов. «По своему значению эта реакционная мера может быть поставлена на первое место после закона о земских начальниках, восстанавливавшего вотчинную власть в деревне»¹⁸, — пишет советский исследователь Е. М. Брусникин. В отличие от «виттевской» индустриализации, которая привлекала внимание многих известных «россиеведов», это направление внутренней политики царизма не пользуется вниманием среди западных исследователей. Но поскольку оно историческая реальность, то встает вопрос о соотношении двух, казалось бы, несовместимых направлений внутренней политики самодержавия. Было ли что-то объединяющее их или же правая рука самодержавия не ведала, что делает левая?

Чтобы понять существо политики царского правительства, необходимо обратиться к действительным историческим процессам в предреволюционной России. Искусственно арханзируя русское общество начала XX в., Лауэ не затрудняется поиском доказательств. Его заключения почти сплошь умозрительны. Следуя своей концепции «отсталости» и «революции извне», он предпочитает судить о русском обществе по «Своду законов».

В последнем действительно не говорилось ни о буржуазии, ни о рабочем классе, а упоминались лишь дворяне, купцы, почетные граждане, мещане, цеховые и т. д. Но «Свод законов» уже в момент его составления в 1830 г. приблизительно на полвека отставал от жизни. К России же XX в. просто невозможно подойти с мерками первой половины XVIII в. Накануне первой русской революции в России сложилась крупная национальная буржуазия. Текстильные магнаты Московского промышленного района (Морозовы, Прохоровы, Рябушинские, Бахрушины, Коншины, Коноваловы, Третьяковы и др.) владели своими предприятиями в третьем — четвертом поколении и вели свою генеалогию чаще от мелких крестьянских скупщиков, чем от старых московских купцов¹⁹. На-

¹⁸ Е. М. Брусникин. Крестьянский вопрос в России в период политической реакции (80—90-е годы XIX в.). — «Вопросы истории», 1970, № 2, стр. 37.

¹⁹ Н. Ф. Гиндин. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. — «История СССР», 1963, № 2, стр. 62—63;

ряду с буржуазией сложился и многочисленный рабочий класс.

Ко времени начала активной политики правительства по насаждению крупной промышленности Россия уверенно шла по пути капиталистического развития. Развитие капитализма «снизу» ставило под удар средневековые дворянские привилегии, всю систему помещичьего хозяйства. С целью ограждения последнего и были проведены реакционные законодательные меры 80—90-х годов. Однако сама по себе эта политика имела для самодержавия известные издержки. Страна была вовлечена в орбиту мирового капиталистического хозяйства и политики, и усиленное сдерживание развития капиталистических отношений могло привести к оттоку средств за рубеж, ухудшению торгового баланса и внешнеполитическим поражениям. В интересах самодержавия, а следовательно, в конце концов в интересах помещиков приходилось «сдерживать» саму политику сдерживания капиталистического развития. Правительство направило свои усилия к поощрению предпринимательства в области крупнокапиталистической тяжелой промышленности. Тем самым, казалось, покрывались «издержки» реакционно-охранительного курса.

В реальном историческом контексте виттевская политика была не «революционной», а консервативной в своей основе, не стимулом к прогрессу, а прививкой от прогресса, отвечающей интересам «укрепления самодержавия, политических и экономических привилегий помещиков». Эта политика еще более усилила разрыв в экономическом развитии между различными районами, увеличила «ножницы» между крупной и средней промышленностью²⁰. Как и предпринятая уже после революции попытка П. А. Столыпина решить аграрный вопрос в интересах помещиков, «виттевская» индустриализация про-

его же. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ. — «История СССР», 1971, № 4, стр. 205; В. Я. Лаверычев. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861—1900). М., 1974.

²⁰ И. Ф. Гиндин. Социально-экономические итоги развития российского капитализма и предпосылки революции в нашей стране. — «Свержение самодержавия» М., 1970, стр. 43, 72; Л. П. Минарик. Связь крупнейших земельных собственников России с промышленностью к началу XX в. — «Тезисы докладов и сообщений XIII сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Вильнюс — Каунас, сентябрь 1971 г.)». М., 1971, стр. 167—171 и др.

водилась за счет ограбления народных масс, и прежде всего крестьянства, и, естественно, усиливала его недовольство. Политика индустриализации привела также к быстрому росту и сплочению на крупных предприятиях рабочего класса, поставленного в самые тяжелые условия капиталистической эксплуатации. В целом двойственная политика правительства приводила совсем не к тем результатам, на которые надеялось самодержавие. Не соответствует фактам и утверждение буржуазных авторов, что якобы народные массы вели борьбу против нововведений правительства в области промышленности. Вступая на путь революционной борьбы, народные массы отнюдь не устремлялись против новейших форм промышленности, против нового во имя сохранения старого. Наоборот, реализация ближайших требований революционной демократии, и прежде всего программы-минимум РСДРП, гарантировала наиболее быстрый и наименее болезненный для народных масс путь капиталистического развития, расчищала дорогу для пролетарской борьбы против капитализма, за победу нового социалистического строя.

3. Искусственные схемы теории «модернизации» и конкретно-историческая действительность

В рамках теории «модернизации» западные авторы попытались синтезировать все ранее выдвинутые в английской и американской буржуазной историографии теории и концепции, обновить и дополнить их новыми положениями и аргументами. Так, рассматривая предпосылки революций 1905—1907 и 1917 гг., американский историк А. Адамс пишет, что их непосредственными причинами явились «глубокое социальное и экономическое напряжение, бедственная война, упрямый и аполитичный царь и политические лидеры, исполненные фанатической решимостью совершить революцию». «Если же смотреть глубже, — продолжает автор, — революции имели место потому, что Россия не смогла быстро и вполне ответить на те требования перемен, которые накапливались после 1861 г.»²¹

²¹ «Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution?». Boston, 1965, p. VII.

Выше уже отмечалось, что теория «модернизации» учитывает ряд аспектов общественного развития. Однако на практике буржуазные историки рассматривают прежде всего две основные проблемы: «социальную мобильность» и переход от «традиционных» институтов к «современным».

Вторая из названных проблем затрагивает прежде всего характер правительственной деятельности и направление эволюции государственного строя империи. В современной английской и американской буржуазной историографии тезис о борьбе государства и «общества», доведенный Уолкином до крайних логических пределов, все реже выдвигается на передний план. Зато целиком сохранился взгляд на Русское государство как на надклассовую силу. Более того, некоторые американские историки идут еще дальше, рассматривая самодержавное государство не только как надклассовую, но и как активную творческую силу. В рамках теории «модернизации» это положение развил С. Блэк. «Самодержавное государство в России, — пишет он, — играло роль, сходную не только с ролью среднего класса в наполеоновской империи во Франции, но и с ролью самураев в Японии, младотурков в Османской империи, армейских офицеров в Египте и европейски образованных политиков в сегодняшней Африке»²². Согласно этой точке зрения, царизм являлся основным рычагом «модернизации» России.

Вместе с тем придавая самодержавию роль активного созидателя, западные авторы автоматически отвергают историческую роль народных масс. Поставив проблему роста «социальной мобильности», авторы теории «модернизации» по существу лишь обобщили бытовавшие ранее в западной литературе представления о социальной структуре России начала XX в., об эволюции крестьянства, о российском рабочем классе.

Одним из отправных пунктов большинства западных исследователей является тезис о том, что в России не было сложившегося пролетариата как класса капиталистического общества. Так, Дж. Уолкин считает, что «виттевская» индустриализация наложила свой неизгладимый отпечаток на русского рабочего. Поскольку русская крупная промышленность в отличие от западноевропейской, и особенно английской, не развивалась органически

²² Ibid., p. 95.

из мелкой и кустарной, то и свои основные кадры она должна была черпать не из городской, а из крестьянской среды. Как полагает Уолкин, «вплоть до 1917 г. подавляющее большинство рабочих оставалось крестьянами, зарегистрированными в сельских обществах, и владельцами наделной земли». «Не имея возможности до 1906 г. порвать узы с деревней и постоянно обосноваться в городе, — продолжает Уолкин, — они во всяком случае не понимали преимуществ городской жизни и приходили на работу в города только из крайней нужды. Значительная часть из них оставалась сезонными рабочими, возвращающимися регулярно в деревню на полевые работы... Только незначительное меньшинство полностью порвало свои узы с деревней и жило вместе с семьями постоянно в городах»²³.

Этот же тезис присутствует и в работах Т. фон Лауэ, который безапелляционно заявляет, что «употребление термина «пролетариат» совершенно неправильно в русских условиях»²⁴. С. Блэк, рассуждая о чертах характера русского рабочего, выводит их из условий большой крестьянской патриархальной семьи. Эти черты характера в начале XX в., по его мнению, еще не успели сколько-нибудь значительно измениться под влиянием городской жизни, т. е. рабочий по существу сохранял психологию патриархального крестьянина²⁵.

Последнее утверждение несправедливо по отношению не только к рабочим, но и к крестьянам, поскольку игнорирует начавшееся в первые же пореформенные десятилетия быстрое распадение больших крестьянских семей. Однако о крестьянстве речь пойдет ниже. В данном же случае важно подчеркнуть, что концепция «крестьян-рабочих» восходит к народническим, либерально-буржуазным и мелкобуржуазным течениям, к «легальному марксизму» и меньшевизму. Именно в последовательной и бескомпромиссной борьбе с этими течениями родилась и развивалась ленинская концепция исторической роли российского пролетариата как гегемона русской революции и авангарда мирового революционного процесса.

Либеральные народники Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов, Н. А. Каблуков, А. В. Пешехонов, В. В. Водовозов и др. отрицали наличие в России пролетариата, по-

²³ J. Walkin. Op. cit., p. 98—99.

²⁴ «Slavic Review», vol. XXIV, N 1, March 1965, p. 43.

²⁵ «Imperial Russia after 1861...», p. 94.

добного западноевропейскому. Так, Н. А. Каблуков писал, что если на Западе труд на фабриках составляет для рабочего единственный источник существования, то в России «рабочий считает труд на фабрике подсобным занятием, его более тянет к земле»²⁶. Аналогичной точки зрения придерживался и А. В. Пешехонов, который заявлял, что «русский рабочий в массе своей есть вместе с тем и русский крестьянин, а русский крестьянин часто вместе с тем и русский рабочий»²⁷.

Народническая точка зрения получила поддержку в трудах представителей либеральной буржуазии — С. Н. Прокоповича, С. В. Бернштейна-Когана, М. И. Туган-Барановского и др. Данные либеральных народников были некритически использованы эсерами и меньшевиками²⁸, а позднее были подхвачены англо-американской буржуазной историографией.

Нетрудно заметить, насколько устарелой является концепция «крестьянина-рабочего», несостоятельность которой уже давно доказана в русской марксистской литературе, прежде всего в трудах В. И. Ленина. В работах В. И. Ленина мы находим примеры глубокого и всестороннего анализа проблемы становления и развития русского рабочего класса.

В пореформенный период в России развитие капиталистических отношений шло, как подчеркивал Ленин, «с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века»²⁹. Высокие темпы развития промышленности обусловили значительные темпы роста фабрично-заводского пролетариата. С 1865 по 1890 г. его ряды выросли с 706 тыс. до 1 432 тыс., а за последующее десятилетие — до 2 792,3 тыс. человек. В конце XIX в. промышленный пролетариат, транспортные, сельскохозяйственные и другие рабочие страны составляли около 10 млн. человек³⁰. Это было меньше, чем в развитых капиталистических странах. Однако разница была незна-

²⁶ Н. А. Каблуков. Лекции по экономии сельского хозяйства, читанные в Московском университете в 1895/1896 гг. М., 1897, стр. 13.

²⁷ А. В. Пешехонов. Крестьянин и рабочий в их взаимных отношениях. — «Русское богатство», 1898, № 8, стр. 179.

²⁸ Ник. Гиммер. К характеристике российского пролетариата. — «Современник», 1913, № 4.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 498—499, 582.

чительной: в Англии в 1901 г. насчитывалось 14,3 млн. лиц наемного труда, во Франции в 1906 г. — 9 663 тыс. рабочих и служащих, в Германии в конце XIX в. было 10,5 млн. промышленных и сельскохозяйственных рабочих³¹.

Буржуазные историки игнорируют то обстоятельство, что значительная часть российского пролетариата была сосредоточена на крупных промышленных предприятиях. По концентрации пролетариата Россия превосходила такие развитые капиталистические страны, как Германия и даже США. Так, в России на крупных предприятиях (свыше 500 рабочих) было занято 45,2%, а в Германии — лишь 15,3% общего числа промышленных рабочих³².

Следует также подчеркнуть, что на крупных и крупнейших промышленных предприятиях (например, Путиловский, Балтийский судостроительный, Коломенский машиностроительный, Сормовский и др.) было сосредоточено не только значительное число рабочих (более 5 тыс. человек на каждом), но и наиболее квалифицированная, высокоразвитая, способная к организации часть рабочего класса России. Концентрация пролетариата увеличивала во много раз силу российского рабочего класса в борьбе с самодержавием и капитализмом.

Не соответствует действительным историческим фактам и утверждение буржуазных авторов о том, что русские рабочие не представляли собой особого класса, отличающегося от крестьянства. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в России сложился «особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей, как материальных, так и духовных»³³.

Советскими исследователями на конкретно-историческом материале убедительно доказано, что уже к 80-м годам XIX в. большинство рабочих было оторвано от земли. Так, среди фабричных рабочих Центрально-промышленного района на время уходило с фабрики на полевые работы лишь 20% рабочих, причем уход их был вынужденным, поскольку земельный надел сохранялся за семь-

³¹ К. И. Суворов. Перемещение центра мирового революционно-го движения в Россию. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 1, стр. 53.

³² Там же, стр. 54.

³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 547.

ей фабричного рабочего в принудительном порядке. Уход на полевые работы не исключал рабочих из состава постоянных. Следовательно, уже в 80-х годах в этом центре русской промышленности почти все занятые рабочие были постоянными³⁴.

Еще более наглядно процесс отрыва рабочих от земли и складывания кадров постоянных рабочих протекал в начале XX в. По данным Ю. И. Серого, связь с собственным хозяйством сохраняли примерно 10% металлургов, 20% шахтеров и несколько больше рабочие железных и марганцевых рудников Юга России. На городских заводах процент рабочих, связанных с землей, был ниже среднего показателя³⁵.

Разумеется, не во всех районах страны удельный вес рабочих, окончательно порвавших связь с землей, был одинаков. Принимая во внимание специфику развития отдельных отраслей промышленности и формирования в них постоянных кадров рабочих, Л. М. Иванов пришел к общему выводу о том, что семьи рабочих накануне 1917 г. давали примерно 50—60% промышленных рабочих России, причем потомственные рабочие были наиболее широко представлены в тяжелой промышленности крупных городов и в тех отраслях промышленности, которые существовали длительное время (прежде всего в текстильной)³⁶. Эти и другие данные, приводимые со-

³⁴ Б. Н. Васильев. Социальная характеристика фабричных рабочих. — «Рабочий класс и рабочее движение в России». М., 1966; М. Г. Меерович. О происхождении промышленных рабочих Ярославской губернии (конец XIX—начало XX в.). — «Вестник МГУ. История», 1969, № 6; Н. Ф. Оруева. Состав и положение рабочих Ярославской и Костромской губерний в начале XX века. — «Ученые записки Омского пед. ин-та», 1965. Вып. 22. Серия ист.; Э. В. Матвеева. Формирование пролетариата в текстильной промышленности Костромской губернии (80—90-е гг. XIX в.). — «Ученые записки Костромского пед. ин-та». Вып. 24. История Костромы, 1971; Н. В. Кириленкова. Ослабление семейно-родственных связей московских текстильщиков с землей и его значение в процессе формирования кадров пролетариата (1895—1904). — «Ученые записки Московского обл. пед. ин-та». 1970, т. 281. Вып. 13. История СССР; М. К. Рожкова. Формирование кадров промышленных рабочих в 60-х — начале 80-х годов XIX в. М., 1974; И. Ф. Угаров. Формирование и состав московского пролетариата накануне революции 1905—1907 гг. — «Вопросы истории», 1975, № 8, и др.

³⁵ Ю. И. Серый. Рабочие Юга России в период империализма (1900—1913). Ростов-на-Дону, 1971.

³⁶ Л. М. Иванов. Преимущество фабрично-заводского труда в формировании пролетариата в России. — «Рабочий класс и рабочее движение в России». М., 1966, стр. 140.

ветскими исследователями, убедительно показывают, что в России сложились постоянные кадры фабрично-заводских рабочих.

Психология промышленного рабочего, живущего в условиях большого города с его оживленной экономической и политической жизнью, не могла не отличаться от психологии крестьянина. В рабочей среде складывалась новая революционная мораль. Социальные контрасты города разрушали пропагандируемые церковью представления о единении всех верующих в религии, толкали рабочих на путь классовой борьбы. «Чем больше город, — сетовал один из священников, — тем больше в нем экономических контрастов, тем труднее священнику объединить своих прихожан в одну семью, сблизить их, внушить им убеждение, что все ведь мы одинаковые дети одного небесного отца»³⁷. Патриархальная набожность крестьянина в рабочей среде сменялась религиозным индифферентизмом и даже атензмом³⁸. Передовые слои русских рабочих еще до 1905 г. начинали освобождаться от патриархальной веры в царя³⁹. Накануне первой русской революции российский пролетариат представлял собой сложившийся класс, противопоставлявший себя господствующим классам.

Между тем концепция «крестьян-рабочих», несмотря на свою несостоятельность, сохраняет в буржуазной историографии довольно прочные позиции⁴⁰. Рабочее движение рассматривается в качестве своеобразного «продолжения» крестьянского. Именно в деревне, по мнению большинства английских и американских историков, лежат истоки первой русской революции.

Аграрный вопрос действительно входил в число важнейших вопросов первой русской революции, хотя не исчерпывал ее содержания. Трактовка его в англо-американской немарксистской литературе также отличается односторонностью и тенденциозностью, несмотря на по-

³⁷ «Церковный вестник», 20 января 1905 г., ст. 69.

³⁸ М. М. Персиц. Атензм русского рабочего (1870—1905). М., 1965.

³⁹ В. Ф. Шишкин. Так складывалась революционная мораль. М., 1967, стр. 240—242.

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Т. Д. Крупина, Д. А. Колесниченко, А. М. Соловьева. История рабочего класса и пролетарской борьбы в России в современной буржуазной историографии. — «Вопросы истории», 1965, № 3.

пытки отдельных авторов объективистски подойти к существу аграрной проблемы.

Еще в 30-е годы была издана (а позднее переиздана) книга американского историка Дж. Т. Робинсона «Сельская Россия при старом режиме». Анализируя причины революционного движения крестьянства, Робинсон подразделяет их на экономические и политические. К первым он относит крестьянское малоземелье, нехватку лугов, лесов, высокие арендные цены, недостаток аренды, низкий уровень оплаты сельскохозяйственного труда, тяжесть налогов, недород хлебов в 1904—1905 гг. Нищета и голод, как считал американский историк, порождали антагонизм между крестьянами и привилегированным классом помещиков. «Рядом с полями почти каждой голодной деревни, — писал Робинсон, — лежали владельческие угодья, которые так и притягивали крестьян прийти на них с плугом». Приведя подробный перечень внешних причин крестьянского недовольства, Робинсон не вскрыл их классового содержания, в результате чего западный читатель мог составить представление, будто противоречия между крестьянами и помещиками укладывались в такие антитезы, как голодный и сытый, бедный и богатый, малоземельный и многоземельный.

Политических причин крестьянских волнений Робинсон почти не раскрыл, сочтя их второстепенными. Лишь вскользь он упомянул о крестьянском бесправии, не отметив его тесной связи с тяжелым положением крестьянства, зажатого в тиски полукрепостнической эксплуатации со стороны помещиков. «Экономические трудности требовали перемен, — делал вывод американский автор, — крестьянская традиция и революционная пропаганда предлагали средство; официальные исследования (имеется в виду Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. — *Авт.*) и нерешительность правительства вызывали бурю; и вскоре начались сильнейшие со времени Пугачева аграрные волнения»⁴¹. Недостатки книги Робинсона во многом определялись уровнем исторических знаний 30-х годов. Робинсон показал нищету российской деревни, но не выявил сохранявшихся в ней полукрепостнических пережитков, уживавшихся и переплетавшихся с развивавшимися капитали-

⁴¹ G. T. Robinson. Rural Russia Under the Old Regime. A History of the Landlord — Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. Berkley and Los Angeles, 1967, p. 144, 152—155.

стическими отношениями. Не уделил Робинсон должного внимания крепостническим пережиткам в системе правовых отношений в деревне. И тем не менее подход американского автора к вопросу о предпосылках революции в деревне в отличие от реакционных писаний белоэмигрантов в этот период носил в известной мере объективный характер.

Последующее развитие буржуазной историографии аграрного вопроса в первой русской революции пошло по пути фактического затушевывания классовых противоречий между крестьянством и помещиками. Дворянское землевладение быстро сокращалось, оптимистично уверяет Дж. Кларксон, к 1905 г. в руках дворянства было «всего» 52 млн. десятин земли, его роль в организации экономической деятельности быстро падала и «уже не могла больше поддерживать их все еще существующие политические привилегии»⁴². Но и последние, отмечает Уолкин, «ограничивались такими предметами, как право устанавливать майораты, право закладывать имущество в Дворянский поземельный банк, преимущества, гарантированные законом при выборах в земство, право занимать должности земских начальников и активно участвовать в местной администрации при посредстве предводителей дворянства». Все это Уолкин преподносит как сущие пустяки, которые не могут помешать ему сделать вывод о том, что на повестку дня встало «окончательное исчезновение дворянства как сословия»⁴³.

Один из этих «пустяков» — майораты — предохранял от дробления помещичьи имения. Согласно подсчетам А. М. Анфимова, еще в XIX в. майоратным правом была ограждена от раздробления и отчуждения земельная площадь размером свыше 3 млн. десятин. В основном это были крупные помещичьи латифундии⁴⁴. Следующий «пустяк» — право занимать должности земских начальников — давал в руки помещику дворянству полный административный контроль над крестьянами. Что же касается уездного предводителя дворянства, то он не только имел немалое влияние на назначение и перемещение земских начальников, но и состоял членом всех

⁴² G. D. Clarkson. A History of Russia. New York, 1961, p. 375.

⁴³ J. Walkin. Op. cit., p. 76, 80.

⁴⁴ А. М. Анфимов. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969, стр. 45—46.

уездных присутствий и по существу являлся руководителем уезда.

Выводы Кларксона и Уолкина подытоживает С. Блэк. «В последние десятилетия империи, — пишет он, — дворяне потеряли многое из своего особого положения и, за исключением относительно немногих семейств с огромным состоянием, не получали больших выгод от своих формально оставшихся привилегий в эволюционирующем индустриальном обществе»⁴⁵.

В связи с искусственным и усиленным «раздворянием» западными историками предреволюционной России стала меняться и их оценка предпосылок аграрного движения 1905—1907 гг.

Американский историк-аграрник Л. Волин, возглавлявший восточноевропейский отдел министерства сельского хозяйства США, отмечал, что на условиях освобождения крестьян в 1861 г. сильно сказалось «давление помещичьих интересов». Крестьяне получили меньше земли, чем они обрабатывали для собственных потребностей при крепостном праве. Отводимые крестьянам земли были худшего качества, в ряде мест крестьяне лишились выгонов и сенокосов. «В этом и в других отношениях процесс наделения землей был исходной причиной продолжительной экономической зависимости освобожденных крестьян от их бывших господ... — писал Волин. — В этом был источник возмущений и конфликтов, отравлявших отношения освобожденных крестьян и помещиков»⁴⁶. Не остался не замеченным американским историком и грабительский характер проводившейся правительством выкупной операции в пореформенный период. Экономическое оскудение крестьянства Л. Волин в конечном счете объяснял «недостаточностью земельных наделов во многих районах, усугубляемой быстрым увеличением населения и тяжелым налоговым гнетом»⁴⁷. Как видим, из этой формулировки выпала вскользь упоминаемая автором «экономическая зависимость» пореформенного крестьянства от помещиков.

Не входя в рассмотрение форм кабальной зависимости крестьян от помещиков, Волин большое внимание уделил односторонне освещаемой им проблеме крестьян-

⁴⁵ «Imperial Russia after 1861...», p. 93.

⁴⁶ L. Volin. The Agrarian Situation Was Improving. — «Imperial Russia after 1861...», p. 68.

⁴⁷ Ibid, p. 70.

ской общины. По его мнению, правительство, руководствуясь фискальными соображениями, передало общине чуть ли не весь объем власти над крестьянином, которой раньше пользовался помещик. В свою очередь над общиной, крестьянским «миром» господствовали местные чиновники. Община, как считает автор, была во многом виновата в усилении «естественной инертности» крестьянина. Систематические переделы «поддерживали в сознании крестьянина идею уравнительного землевладения в соответствии с требованиями грубой, примитивной справедливости». В результате крестьянин видел единственный выход из своего бедственного положения в расширении своего землевладения за счет помещиков, а не в улучшении земледелия на наличных землях. Правда, признавал Волин, «некоторые владения были слишком малы, чтобы на них можно было осуществить какое-либо улучшение хозяйства»⁴⁸.

Концепцию Л. Волина, как представляется, можно обобщить следующим образом: крестьяне имели мало земли и были задавлены тяжестью налогов, но в том, что они в своей массе не искали экономических путей улучшения своего положения, а лишь пассивно накапливали недовольство, повинны правительственная политика правовой и административной изоляции крестьян и традиционная крестьянская община.

Аграрный вопрос в России на рубеже двух веков, в значительной степени «облегченный» Волиным, у других западных историков получил еще более упрощенное толкование. Два фактора — правительственная политика и крестьянская община — стали абсолютизироваться и выдвигаться на первый план. «Главным принципом правительственной политики было изъятие у крестьян большей доли их продукции, а отнюдь не активное стремление к увеличению этой продукции»⁴⁹, — пишет американский историк А. Гершенкрон. Сравнивая два направления политики правительства — в области промышленности и в отношении крестьянства, он заключает: «Обозревая аграрную политику России, невозможно упустить из внимания роковые ошибки, объясняемые умственной ленью и ограниченностью. Но в то же время, прослеживая курс индустриальной эволюции страны, поражаешься

⁴⁸ Ibid., p. 68—73.

⁴⁹ A. Gerschenkron. Industrial Progress Was Improving the Economic System. — «Imperial Russia after 1861...», p. 77.

искусству, дерзости и упорству, с которым проводились акции, которые могли компенсировать, если не превысить, многие колебания и промахи в области сельского хозяйства»⁵⁰.

А. Адамс тоже сосредоточивает основное внимание на ошибках и промахах правительства, в результате которых крестьянин был прикреплен к земле, поработен «миром», задавлен налогами, «фактически принесен в жертву индустриализации». Крестьянство, по мнению Адамса, превратилось в «огромный резервуар», в котором накапливалось недовольство и таились «постоянные смуты». Однако само по себе крестьянство, полагает Адамс, было «политически не эффективным». Решающая роль в модернизации России отводится Адамсом все же правительству и бюрократии, несмотря на то что они не смогли ответить на «требования перемен»⁵¹.

По-видимому, большинство американских и английских авторов согласны с категорическим заявлением Лауэ о том, что «крестьянский двор и деревня были неспособны к конструктивному социальному и политическому действию, по крайней мере поскольку речь идет о суперструктуре современной цивилизации и государственности»⁵².

Упрощенное, тенденциозное толкование аграрного вопроса в американской буржуазной литературе доходит до того, что Дж. Токмаков начинает отрицать даже крестьянское малоземелье как «причину аграрных беспорядков». По его мнению, русский крестьянин был даже более обеспечен землей, чем его западноевропейский собрат, аграрная же проблема в России заключалась в господстве традиционных общинных отношений⁵³.

Следует, однако, отметить, что в последнее время в буржуазной историографии проявилась тенденция к более правильному освещению предпосылок революции в деревне. Видимо, неслучайно в 1967 г. была перенздана книга Робинсона. В 1972 г. вышла статья английской исследовательницы М. Перри, продолжившей традиции Робинсона. Перри использовала работы В. И. Ленина

⁵⁰ A. Gerschenkron. *Continuity in History and Other Essays*. Cambridge, Mass., 1968, p. 248.

⁵¹ «Imperial Russia after 1861...», p. X, XII, VII.

⁵² «Slavic Review», vol. XXIV, N 1, March 1965, p. 42.

⁵³ G. Tokmakoff. *Stolypin's Agrarian Reform: an Appraisal*.—«The Russian Review». Stanford, 1971, vol. 30, N 2, p. 125.

«Аграрная программа русской социал-демократии», «Пролетариат и крестьянство», материалы II и III съездов РСДРП, работы советских историков А. В. Шестакова, С. М. Дубровского и др. Это позволило автору более объективно подойти к изложению предпосылок революционного движения в деревне. Она выдвигает комплекс причин, в том числе условия реформы 1861 г., растущее малоземелье, связанное с приростом населения, прогрессирующую «экономическую зависимость крестьянства от дворян-землевладельцев», тяжесть налогов. Все это вызывало, пишет Перри, «обнищание и пауперизацию массы русского крестьянства».

Перри разделяет пресловутую концепцию «крестьян-рабочих», но дает ей свою интерпретацию. Если другим авторам она служит для того, чтобы показать рабочее движение в качестве «продолжения» крестьянского, то Перри истолковывает ее в плане растущей связи между городом и деревней. «Крестьяне-рабочие», по мнению автора, проводили в деревне городские идеи и отношения. М. Перри считает, что в начале XX в. уже не было прежней изоляции крестьянства в общинах, замкнутость последних была разрушена под влиянием быстрой индустриализации, развития коммуникаций и растущей мобильности населения. «Таким образом, — заключает автор, — поколение, участвовавшее в крестьянском движении 1905 года, кое в чем отличалось во взглядах от того, которое столь апатично отнеслось к народническому «хождению» в 70-е годы»⁵⁴.

Разумеется, с рядом выдвинутых Перри положений невозможно согласиться, не говоря уже о воспринятой ею концепции «крестьян-рабочих». В частности, Перри сильно преувеличивает значение демографического фактора. Формы кабальной эксплуатации крестьянства были обусловлены прежде всего грабительским характером реформы 1861 г., прирост населения только усиливал тяжесть этой эксплуатации. И тем не менее М. Перри все же в ряде случаев определенно расходится с основным направлением современной англо-американской буржуазной историографии.

В рамках теории «модернизации» аграрный вопрос, как мы видели, сводится к тормозящему влиянию кре-

⁵⁴ М. Perrie. The Russian Peasant Movement of 1905—1907: Its Social Composition and Revolutionary Significance. — «Past and Present» N 57. Oxford, November 1972, p. 123—125.

стьянской общины и к ошибкам правительственной политики. Именно в них усматривается главное препятствие «модернизации» крестьянства и роста его «социальной мобильности». Отрицая способность русского крестьянства к созидательной деятельности, западные буржуазные авторы считают, что только активные действия правительства могли решить аграрный вопрос. Последнее же не ответило на «требование перемен». Вместо того чтобы содействовать «модернизации» крестьянства, оно сделало ставку на общину. В результате пришел «пятый год».

Нетрудно заметить, насколько упрощенным и тенденциозным выглядит такое освещение аграрного вопроса в России начала XX в. Игнорирование полукрепостнических пережитков, связанных с сохранением помещичьего землевладения, потребовалось буржуазным историкам для того, чтобы «доказать» возможность «мирной модернизации». В самом деле, если успехи «модернизации» крестьянской массы зависели от того или иного направления правительственной политики по отношению к общине, то отпадает необходимость в глубоких революционных преобразованиях, оказывается достаточным просто переменить курс правительственной политики, исправить «ошибки». В частности, Дж. Токмаков прямо «подгоняет» аграрный вопрос под столыпинскую реформу.

Невозможно, однако, «вычесть» из аграрного вопроса помещичье латифундиальное землевладение, широко практиковавшее полукрепостнические формы эксплуатации широких крестьянских масс. «Главной и основной помехой развитию производительных сил сельского хозяйства России, — писал В. И. Ленин, — являются пережитки крепостничества, т. е. отработки и кабала прежде всего, затем крепостнические подати, неравноправность крестьянина, приниженность его перед высшим сословием и т. д. и т. д.»⁵⁵.

Реформа 1861 г. не только не ликвидировала полукрепостнических форм эксплуатации крестьянства, но и закрепила часть их. Кабальные методы принуждения особенно усилились в связи с наступлением мирового сельскохозяйственного кризиса последней четверти XIX в. Капиталистические помещичьи хозяйства (в основном южных и западных губерний) пытались преодолеть кри-

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 125.

зис путем вложений капиталов, повышения производительности земли, перехода к новым культурам. Однако многие помещики центральных губерний в большей или меньшей степени использовали другие средства. Они полностью или частично свертывали свои запашки и переходили к сдаче земли в аренду на самых кабальных условиях (испольщина, отработки и т. д.). Потери в связи с мировым сельскохозяйственным кризисом таким образом перелagались на крестьян⁵⁶. В результате двойной эксплуатации — со стороны помещиков и государства — положение крестьянства к началу XX в. стало нестерпимым, а аграрный вопрос достиг небывалой остроты.

Экономический гнет дополнялся произволом местной администрации. Повествуя о деспотической власти правительственной бюрократии, западные историки не склонны замечать, что эта власть осуществлялась при помощи дворян и отвечала прежде всего их классовым интересам. Дело в том, что структура местного управления дореволюционной России в поперечном разрезе разделяется как бы на три пласта — сословно-крестьянский (община, волость, волостной суд), сословно-дворянский (земские начальники, уездные съезды, уездные предводители дворянства) и бюрократический (губернское управление). Первый, низший пласт администрации был резко отграничен от двух последних и придавлен ими. Дворянская же администрация была тесно связана с бюрократией, но в то же время проявляла по отношению к ней известную самостоятельность. В ряде случаев проводимая ею на уездном уровне политика не совсем совпадала с официальной правительственной. Например, известно, что в конце XIX в. правительство отказалось от политики максимального сдерживания переселенческого движения. Однако переселение из многих уездов Тульской губернии было фактически невозможно вследствие целенаправленных мер дворянской администрации⁵⁷. Местное дворянство опасалось, что отток рабочих рук из уезда понизит арендные цены.

Что же касается крестьянской общины, то она являлась далеко не единственным и не первым по значению

⁵⁶ А. М. Анфилов. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX в.). М., 1969, стр. 179—181.

⁵⁷ Вл. Розенберг. Земские начальники. — «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», т. I. СПб., 1904, стр. 173.

пережитком докапиталистической эпохи. Община, несомненно, задерживала развитие земледельческой культуры. Однако в условиях жесточайшего гнета со стороны государства и помещиков массе крестьянства было не до нововведений: все заботы сводились, как правило, к тому, чтобы «перебиться» и «продержаться» до нового урожая. Вопреки Токмакову, семейный надел в 5—10 десятин выпаханной земли вовсе не был эквивалентен такой же площади культурных угодий в какой-либо западноевропейской стране. Труд же на наделной земле часто был главным источником пропитания сравнительно большой крестьянской семьи, взноса податей и компенсации убытков от зимнего найма на помещичьи работы. В таких условиях передельная община, несмотря на свои недостатки и издержки, все же обеспечивала минимальное приложение трудовых сил своих членов. Средний крестьянин мог существовать, лишь ухватившись за общину.

Не основаны на серьезном изучении общинных порядков и утверждения англо-американских историков, будто крестьянин был задавлен «миром». Наоборот, мирская, общинная организация нередко защищала своих членов от произвола правительственных чиновников и дворянской администрации. Поэтому некоторые земские начальники и вынашивали грандиозные планы ареста целых сельских сходов. Поскольку арестовать целый сход технически было сложно, земские начальники иногда штрафовали всех его участников⁵⁸.

Подобные факты являются еще одним свидетельством того, насколько накалена была обстановка в деревне накануне 1905 г. Крестьянство, заинтересованное в полной ликвидации помещичьего землевладения, было спо-

⁵⁸ «Нужды деревни по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности», т. I, стр. 172; Госархив Челябинской области, ф. 144, оп. I, д. 10, л. 4—5. В последнее время в советской литературе заметно возрос интерес к проблеме общины. Разные точки зрения по этому вопросу были высказаны в статьях Ю. Г. Алексеева (в кн. «В. И. Ленин и проблемы истории». Л., 1970), И. Д. Ковальченко «В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России» («Вопросы истории», 1970, № 3) и В. П. Данилова «К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России» (в кн. «Проблемы социально-экономической России». М., 1971). Вопрос о крестьянской мирской организации рассматривается в статье П. Н. Зырянова «Некоторые черты эволюции крестьянского «мира» в пореформенную эпоху». — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Вильнюс, 1974, стр. 380—387.

собно стать на сторону самой последовательной буржуазно-демократической революции.

Однако к началу XX в. русское крестьянство было еще в значительной степени раздробленным, разобщенным. Община являлась слишком мелким местным союзом. Забитое и разобщенное крестьянство не могло самостоятельно повести широкую и решительную борьбу против помещиков и самодержавия. Только союз с революционным рабочим классом мог придать крестьянскому движению поистине общенациональный размах.

Огромную роль в формировании революционного союза пролетариата и крестьянства играла деятельность партии большевиков. Уже в первую Программу партии, принятую в 1903 г., были включены требования, отвечающие интересам крестьян. В дальнейшем создание прочного союза рабочего класса и крестьянства постоянно находилось в центре внимания большевистской партии.

Союз рабочего класса и крестьянства придавал русской революции подлинно народный, демократический характер, открывал перед революционным движением в России необычайно широкие горизонты⁵⁹.

Вопреки утверждениям буржуазных авторов, именно этот союз, а отнюдь не повороты в политике помещичье-дворянского самодержавия мог привести к действительному обновлению страны.

Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на всю свою ограниченность, оказалась вехой в историческом развитии России. Она означала вступление России в период более свободного и гораздо более быстрого развития капитализма. «19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи»⁶⁰, — писал В. И. Ленин.

Вместе с тем особенности реформы наложили свой отпечаток на дальнейшее экономическое развитие страны. Проведенная в интересах помещиков, она сохранила

⁵⁹ Подробнее см.: «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 г.)». М., 1975, стр. 93—102.

⁶⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.

массу крепостнических пережитков. Важнейшими из них были помещичье землевладение и охранявшее его интересы царское самодержавие.

Претерпевая затянувшийся процесс капиталистической эволюции, помещичье землевладение сдерживало развитие капиталистических отношений в аграрном строе страны. Оно навязывало российской деревне наиболее медленный и мучительный для народных масс тип капиталистической эволюции.

Наиболее быстро процесс перестройки помещичьего хозяйства на капиталистический лад происходил в западных, юго-западных и южных губерниях, наименее обремененных наследием крепостнической эпохи. В центральных же губерниях России помещичье хозяйство в наименьшей мере было готово к капиталистической эволюции. И именно здесь в наибольшей мере господствовали отработки и прочие кабальные формы эксплуатации крестьянства⁶¹. Эти отношения обеспечивались всем правовым строем российской деревни. «...Без известной гражданской неполноправности земледельца (как-то: принадлежность к низшему сословию; телесное наказание; отдача на общественные работы; прикрепление к наделу и т. д.) отработочная система была бы немыслима»⁶², — писал В. И. Ленин.

Вместе с тем крестьянское хозяйство отнюдь не стало придатком помещичьего. Даже опутанное сетью полукрепостнической эксплуатации, оно сохраняло способность к самостоятельному развитию, являлось по преимуществу носителем буржуазно-крестьянской тенденции аграрной эволюции. Такова была социально-экономическая основа усиливавшейся первой социальной войны в деревне — крестьян против помещиков. Кризис земледелия к концу XIX в., писал Ленин, «обострился невероятно сильно именно потому, что процесс освобождения России от средневековья слишком затянулся, что отработки и кабала слишком долго «зажились». Они отмирали после 1861 года до того медленно, что новому организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества»⁶³.

⁶¹ И. Д. Ковальченко, В. И. Ленин о характере аграрного строя капиталистической России. — «Вопросы истории», 1970, № 3, стр. 50.

⁶² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 314.

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 125—126.

В то же время в деревне намечались контуры и второй социальной войны—трудового крестьянства и батрачества против кулаков-мироедов⁶⁴. Однако существующие социально-экономические и правовые условия деревенской жизни ставили на повестку дня прежде всего ликвидацию помещичьего землевладения — главной опоры российского самодержавия.

Быстрое развитие капиталистической промышленности, рост «городского» капитализма не представляли непосредственной угрозы помещичьему хозяйству. Более того, стремясь компенсировать «издержки» своей аграрной политики, правительство оказывало содействие развитию капиталистической промышленности. В результате после реформы 1861 г. развитие промышленности стало происходить все более ускоренными темпами, а в 90-е годы произошел скачок в индустриальном развитии страны, удвоилась железнодорожная сеть, сложилась крупнокапиталистическая промышленность⁶⁵. Для российского капитализма была характерна ранняя концентрация промышленного производства, что объяснялось рядом особенностей экономического развития (государственная поддержка тяжелой промышленности, перенесение с Запада готовых форм крупного машинного производства и т. д.). В 80-е годы XIX в. появились первые монополистические объединения⁶⁶.

Пользуясь политическим бесправием народа, капиталисты прибегали к самой нещадной эксплуатации рабочих масс. В начале XX в. Россия вступила в стадию империализма, который обострил все присущие капитализму противоречия: между трудом и капиталом, между городом и деревней, между метрополией и колониями и т. д.

К началу XX в. в России созрели и политические предпосылки буржуазно-демократической революции. Крупнейшим пережиточным явлением оставалось царское самодержавие. Сделанный в 60-е годы шаг по пути к буржуазной монархии был слишком неуверенным, а в

⁶⁴ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 6. М., 1968, стр. 24.

⁶⁵ Там же, стр. 20.

⁶⁶ Подробно об этом см.: В. И. Бовыкин. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; И. Ф. Гиндин. В. И. Ленин об общественно-экономической структуре и политическом строе капиталистической России. — «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М., 1970, стр. 257.

80-е годы наметились обратные тенденции. Самодержавие проводило политику всеобщего усмирения, вмешивалось во все стороны общественной жизни, активно препятствовало классовой организации и борьбе пролетариата.

Особенности исторического развития России в период империализма были таковы, что борьбу против самодержавия не могла возглавить российская буржуазия. Ее связывали с самодержавием щедрые правительственные заказы и субсидии, она пользовалась царящим в стране беспорядком для извлечения «российской сверхприбыли», перед ее глазами был опыт международного революционного рабочего движения, она знала силу революционного пролетариата и видела в нем своего классового врага. В условиях, когда на арену борьбы в качестве самостоятельной политической силы выступил российский пролетариат, буржуазия не только не могла возглавить надвигающуюся буржуазно-демократическую революцию, но и проявила четко выраженную тенденцию к сделке с самодержавием за спиной народа и за счет народа.

На роль вождя буржуазно-демократической революции самой логикой исторических событий выдвигался российский рабочий класс, возглавляемый партией большевиков во главе с В. И. Лениным, сама логика вещей толкала крестьянские массы на союз с пролетариатом⁶⁷.

В начале XX в. в России резко обострились противоречия между помещиками и крестьянами, между трудом и капиталом, между самодержавием и народами национальных окраин, между самодержавием и всем народом. Однако одно, генерализующее противоречие, по словам В. И. Ленина, «глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»⁶⁸.

⁶⁷ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, стр. 5.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 417.

Революционное движение российского пролетариата в изображении буржуазных и реформистских авторов

На всем протяжении революции 1905—1907 гг. российский пролетариат являлся гегемоном освободительного движения, главным двигателем всех революционных событий. Между тем большинство английских и американских историков крайне тенденциозно освещает борьбу пролетарских масс в годы первой русской революции. Буржуазные историки категорически отрицают руководящую роль рабочего класса в революции, стремятся ограничить революционное пролетарское движение рамками 1905 г. и игнорируют значение борьбы рабочего класса на втором этапе революции — в 1906—1907 гг. Рассматривая же рабочее движение в 1905 г., английские и американские буржуазные историки по существу сводят его к экономической борьбе, анализу чисто экономических требований, умалчивают о том, что с первых дней революции 1905 г. российский пролетариат выдвинул и политические требования.

Именно органическое сочетание экономических и политических требований, характерное для рабочего движения России в начале XX в., делало его массовым, придавало ему наступательный характер.

Не выдерживает критики и тезис буржуазных авторов о том, что в 1906—1907 гг. рабочие якобы «склонялись вообще отойти от всяческой политики»¹. Достаточно сказать, что только в первой четверти 1906 г. в забастовочном движении участвовало более 269 тыс. рабочих. Основное ядро революционного пролетариата сохранило боевой дух, в борьбу включались новые слои рабочих².

¹ J. L. Keep. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 265.

² М. С. Волин, Г. М. Деренковский, Д. А. Колесниченко, С. В. Тютюкин, В. В. Шелохаев. О гегемонии пролетариата в первой русской революции. — «История СССР», 1973, № 4, стр. 49, 52.

Игнорируя или преуменьшая значение пролетарской борьбы на втором этапе революции, английские и американские «россиеведы» тщетно пытаются не только отрицать гегемонию пролетариата на всем протяжении первой русской революции, но и опровергнуть марксистско-ленинское положение о руководящей роли рабочего класса на современном этапе исторического развития.

Критика английской и американской буржуазной и реформистской историографии по основным, наиболее актуальным проблемам рабочего движения в революции 1905—1907 гг. имеет большое значение для современного мирового рабочего и коммунистического движения.

Критический разбор буржуазных теорий и концепций позволяет вскрыть не только их научную несостоятельность, но и всю тщетность попыток буржуазных авторов исказить всемирно-историческую роль рабочего класса.

1. Стихийность и сознательность в рабочем движении

Проблема соотношения стихийности и сознательности в движении народных масс входит в число основных проблем истории первой русской революции. Советские историки не отрицают наличия обоих названных элементов в массовом народном движении. Они рассматривают развитие революционного процесса в 1905—1907 гг. под углом зрения диалектического взаимодействия этих начал. В конечном счете проблема сводится к взаимоотношению широкого массового народного движения и его пролетарского авангарда во главе с партией большевиков³.

Известно, что первая русская революция привела к громадному росту сознательности российского рабочего класса. В. И. Ленин, подводя итоги революции и намечая новые задачи партии, писал: «Будучи представительницей наиболее передового, наиболее революционного класса современного общества, — пролетариата, на деле доказавшего в русской революции свою способность к роли вождя в массовой борьбе, — социал-демократия обязана всеми мерами содействовать тому, чтобы эта роль осталась за пролетариатом и в той новой стадии революционной борьбы, которая наступает, — в стадии,

³ Подробнее см.: «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 г.)». М., 1975.

характеризующейся гораздо большим, чем прежде, перевесом сознательности над стихийностью»⁴.

Как мы уже видели, американские и английские буржуазные историки рассматривают проблему стихийности и сознательности под углом зрения таких понятий, как «крестьяне-рабочие» и «русский бунт». Почти все они склонны к абсолютизации элементов стихийности в революционном рабочем движении. Начало этому было положено еще Г. В. Вернадским, который пытался доказать, что программы политических партий (Вернадский имел в виду прежде всего социалистические партии. — *Авт.*), разработанные интеллигентами либо в ссылках, либо в эмиграции, «выражали не реальные нужды народа, а скорее теоретические декларации».

Вернадский стремился оторвать социал-демократию от рабочего движения, доказать несовпадение их целей: рабочие стихийно выступали за «реформы», а социалисты толкали их к свержению правительства. В конечном итоге, считал кадетский историк, победила стихийная тяга к «реформам»: рабочие якобы были вполне удовлетворены манифестом 17 октября 1905 г. Характерно, что и после трех русских революций Вернадский считал возможным настаивать на жизненности и «народности» царских подачек, насильственно вырванных именно героической борьбой российского рабочего класса, и идее так называемой «искусственности» революции⁵. Насколько эта точка зрения Вернадского противоречит действительным фактам, будет показано ниже.

С. Шварц также рассматривает рабочее движение в отрыве от социал-демократического. Социал-демократия, отмечает он, была «значительной силой в политической жизни страны», тем более «удивительна слабость ее связей с рабочими массами»⁶. (Могла ли социал-демокра-

⁴ В: *И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 144.

⁵ *G. Vernadsky*. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 261, 267.

⁶ *S. M. Schwarz*. The Russian Revolution of 1905. The Workers' movement and the formation of Bolshevism and Menshevism. Chicago and London, 1967, p. 51.

Соломон Шварц — участник революции 1905 г. В тот период он примыкал к большевикам, затем перешел к меньшевикам. Ко времени своей работы над книгой о первой русской революции Шварц уже успел пересмотреть и некоторые концепции меньшевиков: он считает слишком «революционными» некоторые действия меньшевиков, порицает их за то, что они в ряде случаев поддавались влиянию большевиков. Книга С. Шварца была написана задолго до того,

тия быть «значительной силой», не опираясь на массовое рабочее движение? На этот вопрос Шварц не отвечает). Выдвинув тезис о слабой связи РСДРП с рабочим движением, Шварц тотчас делает оговорку, что уже в самом начале революции меньшевики якобы были «ближе к массам». Тем не менее та и другая фракции, по мнению Шварца, недооценили значения гапоновского движения.

Гапоновское движение, считает Шварц, свидетельствовало о стихийной тяге рабочих к легальной организации. Стремление показать подобное тяготение проходит красной нитью через всю разбираемую книгу. Меньшевики, как полагает Шварц, быстрее поняли истинное значение гапоновского движения, первые завязали контакты сначала с местными деятелями этого движения, а потом и с самим Гапоном⁷. Большевики же решили принять участие в шествии лишь по необходимости и в самый последний момент⁸. Нагляднее всего, по мнению Шварца, стихийное стремление рабочих к легальной организации проявилось во время выборов в комиссию сенатора Н. В. Шидловского, официальной целью которой было изучение причин рабочих «беспорядков». Во-первых, пишет Шварц, все рабочие депутатии единодушно требовали у Шидловского открытия отделений гапоновской организации, закрытых после 9 января. Во-вторых, рабочие проявили «огромный интерес» к выборам и даже на некоторых предприятиях провели их досрочно. Подобный оборот дела, уверял Шварц, застал врасплох большевиков, и они запоздали со своей идеей бойкота выборов. Меньшевики тоже не совсем уловили настроения рабочих, использовали выборы только как «платформу для агитации». Выборы уполномоченных были сорваны. Между тем, «если бы состоялись выборы депутатов и комиссия начала действовать, имея в своем составе рабочих, собрание выборщиков превратилось бы в своего рода палату представителей петербургских рабочих»⁹. И Шварц как бы сожалеет по поводу этой «упущенной» возможности.

как была издана в 1967 г. Гуверовским институтом войны, революции и мира. В целом работа Шварца представляет реформистское направление в западной историографии истории России.

⁷ Ibid., p. 60, 63—64.

⁸ Ibid., p. 69—70.

⁹ Ibid., p. 88—92, 123.

Вслед за Вернадским и Шварц оценивает массовое рабочее движение 1905 г. как «стихийное или полустихийное»¹⁰. Сходится он с ним и в утверждениях о так называемом стихийном реформизме рабочего движения. В отличие от Вернадского Шварц лишь пытается приблизить меньшевизм к рабочему движению, оправдать реформистские «легализаторские» тенденции меньшевизма.

Английский историк Дж. Кип полагает, что настроение народных масс в начале революции определялось двумя основными показателями: глубоким недовольством и «широко распространенным стремлением к более уравнительному социальному порядку». В данном случае автор не делает различий между крестьянами и рабочими, и стихийная тяга последних к социализму фактически приравнивается к уравнительным традициям в крестьянском общинном землепользовании. В связи с этим Кип делает вывод, что хотя крестьяне и рабочие могли откликаться на политические лозунги, но весьма часто они этих лозунгов не понимали, поскольку «в их глазах всепоглощающее значение имели социальные вопросы»¹¹.

Выдвинутые положения автор стремится подкрепить примерами из январских событий 1905 г. По его мнению, чувства большинства гапоновских последователей нашли адекватное выражение в начальных словах петиции, где говорилось, что рабочие идут к царю искать «правды и защиты». Что же касается конкретных требований петиции, то, как считает английский автор, «едва ли часть из тех, кто шел ко дворцу, понимала их смысл». Они были включены в петицию в результате переговоров меньшевиков с Г. Гапоном и его последователями. «Вообще же влияние социал-демократов было невелико», — пишет Кип. Хозяином положения был Гапон, и социал-демократы были вынуждены подчиниться его требованию «идти в хвосте процессии». Показателем этого, по утверждению Кипа, является то, что во время расстрела был убит один член партии и один ранен¹².

Английский буржуазный историк вынужден признать, что «Кровавое воскресенье произвело глубокое воздействие на политическую ориентацию десятков тысяч рус-

¹⁰ Ibid., p. 131.

¹¹ J. L. Keep. Op. cit., p. 152.

¹² Ibid., p. 156—157, 158.

ских рабочих. Оно рассеяло все, что оставалось у них от крестьянского образа мыслей, и открыло их умы для революционной пропаганды»¹³. Однако подобные высказывания у Кипа уживаются с крайне тенденциозной общей оценкой рабочего движения как преимущественно стихийного и с так называемой концепцией «крестьян-рабочих». Кип вопреки очевидным фактам пытается убедить читателя в том, что под влиянием событий 9 января и усиленной социал-демократической агитации рабочие стали верить в революцию столь же наивно и бессознательно, как прежде верили в царя. Описывая митинги осени 1905 г., Кип замечает: «Почти всегда царило настроение наивного идеализма, вера в революцию как способ немедленного удовлетворения всех насущных нужд. Это несколько напоминало атмосферу гапоновских собраний перед шествием к Зимнему дворцу — с той существенной разницей, что тон теперь стал радикально левым»¹⁴. Однако к концу 1905 г. рабочие стали уставать, они изверились в революции, как прежде изверились в царе. И далее Дж. Кип делает общий вывод, к которому он стремился подвести читателя всем ходом своего повествования: «Что-то явно не клеилось в социал-демократическом подходе к политическим проблемам. В корне всех забот была слабость партии как организации — недостаток естественных органических связей между ее лидерами и теми, на представительство чьих интересов они претендовали»¹⁵.

В изображении Кипа движение российского пролетариата оказывается глубоко и непреодолимо стихийным и даже темным, неспособным на сознательную защиту своих классовых интересов, одинаково подверженным различным идейным влияниям. С другой стороны, социал-демократия изображается в виде узкой секты, преследующей чисто политические цели и игнорирующей «коренные» (т. е. экономические) интересы рабочих.

Кип не одинок и в своем стремлении оторвать партию социал-демократов от рабочего класса. Недавно в Англии вышла книга израильского историка Ш. Галая, который вопреки фактам утверждает, что якобы либеральный «Союз освобождения» явился инициатором освободительного движения в стране.

¹³ Ibid., p. 154.

¹⁴ Ibid., p. 218.

¹⁵ Ibid., p. 265, 266.

Согласно искусственно сконструированной Галаем схеме, освобожденцы первыми установили «деловые» отношения с Гапоном, «информировали гапоновское окружение о политической обстановке и о целях «Союза освобождения»», что «послужило каналом, по которому возбужденное состояние общества передалось к рабочим»¹⁶. В результате, утверждает Галай, 9 января социал-демократы «опоздали на поезд», а в петицию были включены требования из программы «Союза освобождения»¹⁷.

Английский историк Л. Кочен более объективен в своих оценках, хотя и отдает определенную дань традициям крайне правого направления в буржуазной историографии, представителем которого является Кип. Как и Кип, он полагает, что январское движение рабочих Петербурга было чисто стихийным и даже отчасти крестьянским. В начале января 1905 г. реальной политической силой в Петербурге была многотысячная гапоновская организация, а не социал-демократы, насчитывавшие несколько сот членов. Не критически используя воспоминания Гапона, Кочен пытается доказать, что большевики якобы изгонялись с гапоновских собраний, а их листовки и прокламации уничтожались. Правда, при этом автор вынужден признать, что в петицию был включен ряд социал-демократических требований. Кип объясняет этот факт результатом переговоров Гапона с меньшевиками. Кочена, очевидно, такое объяснение не устраивает. Петиция принималась на массовом митинге, и Кочен считает, что она в очень значительной степени передавала чувства русского рабочего¹⁸. Таким образом, если у Кипа не сошлись концы с концами в одном месте, то у Кочена вскрылось противоречие в другом. Как могли петербургские рабочие изгонять большевиков со своих митингов и в то же время принимать их программные требования? Вместе с тем Кочен отмечает, что после январских событий усилился процесс политической активизации масс, укрепилось влияние социал-демократии, движение ширилось, социал-демократия пускала глубокие корни. Показателем этого, считает Кочен, было то, что «под влиянием большевиков» рабочие делегаты бойкотировали выборы

¹⁶ *Sh. Galai. The Liberation Movement in Russia. 1900—1905. Cambridge, 1973, p. 237.*

¹⁷ *Ibid.*, p. 239, 241.

¹⁸ *L. Kochan. Russia in Revolution. London, 1966, p. 73—76.*

в комиссию Шидловского¹⁹. Однако английский историк тут же впадает в новое противоречие. По его мнению, между социал-демократами и рабочими существовали серьезные расхождения: социал-демократы на первое место выставляли политические лозунги, а рабочие — экономические. Кочен пишет далее о «неудаче социал-демократов в утверждении политического влияния» и объясняет ее «чисто внешней» связью партии с массами, слабостью корней, пущенных социал-демократами в рабочую среду еще до революции²⁰.

Правда, Л. Кочен признает, что осенью 1905 г. политические лозунги заняли большее место в требованиях рабочих, нежели в предшествующие месяцы. Однако и осенью, по его мнению, преобладало стихийное движение рабочих²¹.

Приведенные точки зрения английских и американских историков по вопросу о стихийности и сознательности в рабочем движении 1905 г., как мы видели, различны по некоторым отдельным пунктам. Однако во многом они сходятся. Прежде всего названные авторы находят мнимое противоречие между интересами рабочих и требованиями социал-демократической программы. По мнению Вернадского, рабочие стремились к реформам, а их толкали к революции. Шварц видит главное устремление рабочих к созданию легальных организаций для защиты своих экономических интересов. Кип и Кочен считают, что в глазах рабочих всепоглощающее значение имели социально-экономические вопросы, а социал-демократы выдвигали на первый план политические лозунги. Цель этих построений очевидна: оторвать социал-демократию от рабочих масс. Для «доказательства» чаще всего используется более или менее произвольная трактовка фактов гапоновского движения.

Западные буржуазные авторы признают рост влияния социал-демократии после событий 9 января. Однако они пытаются ограничить это влияние рамками «временного союза», продолжают твердить о «слабости корней» социал-демократии в рабочем движении. С. Шварц в соответствии со своими симпатиями делает оговорку насчет того, что меньшевики были ближе к массам, чем большевики. В целом конец 1905 — начало 1906 г., по мнению

¹⁹ *L. Kochan. Op. cit., p. 81, 85.*

²⁰ *Ibid., p. 83.*

²¹ *Ibid., p. 90—91, 97.*

большинства буржуазных историков, ознаменовались прекращением «временного союза», полным или частичным выходом рабочих из-под влияния социал-демократии, победой стихийности.

История давно доказала, что Программа РСДРП отвечала коренным интересам рабочего класса и всего трудового населения России. Социал-демократическая программа-минимум включала в себя не только требования радикальной буржуазно-демократической революции, но и весь комплекс социально-экономических мероприятий, осуществимых в рамках буржуазной демократии и вплотную подводящих массы к социалистической революции²². Разумеется, осуществление этих мероприятий во всей их полноте требовало прежде всего решения общеполитического вопроса, свержения самодержавия и установления демократической республики. Сама логика классовой борьбы подводила рабочих к пониманию этой истины. Этому способствовала и социал-демократическая пропаганда. Многолетняя и неутомимая борьба социал-демократии привела к созданию передового слоя сознательных рабочих. Последнее десятилетие рабочего движения, подчеркивал Ленин в 1905 г., выдвинуло тысячи передовых пролетариев — социал-демократов, которые порвали с верой в царя. «Оно воспитало десятки тысяч рабочих, у которых классовый инстинкт, окрепший в стачечной борьбе и в политической агитации, подорвал все основы такой веры»²³. К моменту революции социал-демократия пустила глубокие и прочные корни в рабочем классе. Даже Кип вынужден признать, что на ряде промышленных предприятий подпольные социал-демократические организации «существовали уже с десятков и более лет»²⁴.

Конечно, между уровнем сознания авангарда рабочего класса и его основной массы существовал еще довольно значительный разрыв. За десятками тысяч передовых сознательных рабочих, отмечал Ленин, «стояли сотни тысяч и миллионы трудящихся и эксплуатируемых, унижаемых и оскорбляемых, пролетариев и полупролетариев», у которых еще сохранялась наивная вера в «доброе» монарха. «Они не могли идти на восстание, они спо-

²² См. «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 60—66.

²³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 217.

²⁴ J. L. Keep. Op. cit., p. 156.

собны были только просить и умолять»²⁵. Это обеспечило временный успех гапоновского движения. Однако крайне ошибочно и неправомерно сравнивать, как это делают буржуазные авторы, влияние гапоновской и социал-демократической организаций исходя только из формального сопоставления их численности. Известно, что первая была рыхлой идейно и организационно. Социал-демократы же распространяли свое влияние далеко за пределы собственной организации, в том числе и среди рядовых членов гапоновского собрания²⁶.

В гапоновские «отделения» были направлены большевистские агитаторы из числа рабочих. Среди них были слесарь Путиловского завода большевик А. П. Серебровский, рабочий Товарищества Российско-Американской мануфактуры М. Г. Александров, рабочий Трубочного завода В. Г. Белоусов, рабочий Невского судостроительного завода К. И. Леонов и многие другие²⁷.

Автором знаменитой петиции 9 января был не только Г. Гапон. Петиция являлась плодом коллективного творчества²⁸. Активную роль в ее обсуждении принимали большевики, приходившие на собрания гапоновцев. На митингах и собраниях выступали В. А. Шелгунов, Н. Г. Полетаев, Е. М. Ярославский, А. Я. Харик и многие другие. Речи большевиков «встречались сочувственно»²⁹. В результате в петицию были включены почти все экономические и политические требования социал-демократической программы-минимум вплоть до лозунга Учредительного собрания. Все это говорит о том, что уже на начальном этапе революции рабочие не ограничивались только экономическими требованиями, политические требования социал-демократической программы находили в

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 217.

²⁶ Р. А. Мойжес. К предистории 9 января 1905 года (О некоторых причинах распространения гапоновщины в Петербурге). — «Вестник ЛГУ», 1960, № 2. Серия истории, философии, литературы. Вып. I. Подробно борьба большевиков против гапоновщины получила освещение в кандидатской диссертации Л. М. Максимовой «Борьба большевиков против гапоновщины как разновидности «полицейского социализма» в России (1900—1905 гг.)». М., 1970.

²⁷ С. Н. Семанов. Кровавое воскресенье. Л., 1965, стр. 76—124; А. А. Фрайман. Девятое января 1905 года. Л., 1955, стр. 21—25.

²⁸ Подробнее см.: А. Шилов. К документальной истории «петиции» 9 января 1905 года. — «Красная летопись», 1925, № 2, стр. 19—36.

²⁹ «Третий съезд РСДРП». Сб. документов и материалов. М., 1955, стр. 170.

их среде самый живой отклик. Вряд ли можно серьезно говорить о том, что политические требования петиции были заимствованы из программы «Союза освобождения». Влияние либералов на рабочих Петербурга было неизмеримо слабее, чем социал-демократов, да и программа «Союза освобождения» была окончательно сформулирована только в марте 1905 г.³⁰ Кроме того, как явствует из воспоминаний одного из деятелей «Союза», В. В. Хижнякова, к моменту переговоров между освобожденцами и Г. Гапоном петиция была уже составлена³¹.

Большевикам не удалось предотвратить шествие к Зимнему дворцу, и они решили принять в нем участие. Однако утверждение о том, что социал-демократы шли в «хвосте процессии», искажает подлинную картину событий. Большевики шли и гибли вместе с рабочими. Среди убитых социал-демократов были М. П. Волков, Г. Г. Ханцев, М. Л. Бердичевская, М. В. Казанцев. На стихийно возникавших митингах большевики призывали к оружию. Вечером того же дня в Петербурге были воздвигнуты баррикады³².

Признавая рост влияния социал-демократии после 9 января, буржуазные историки не «замечают» тех качественных сдвигов, которые произошли в сознании рабочего класса. По их мнению, рабочие по-прежнему тяготели к созданию легальных организаций в рамках существующего самодержавного строя для защиты экономических интересов. В связи с этим, как уже отмечалось, всячески муссируются требования некоторых отсталых в политическом отношении групп рабочих о воссоздании отделений гапоновского собрания.

Большевики использовали кампанию по выборам в комиссию Шидловского для разоблачения маневров царизма и для мобилизации масс вокруг лозунгов партии. На совещании Петербургского комитета РСДРП с представителями 45 промышленных предприятий были выработаны условия, на которых рабочие соглашались участвовать в комиссии Шидловского: свобода слова и собраний, неприкосновенность личности и жилища, освобождение арестованных товарищей³³. Во всей истории с

³⁰ «Освобождение». 1905, № 69—70, стр. 305—307.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1093 (П. Е. Щёголева), оп. 1, д. 235, л. 1—4.

³² «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, стр. 26.

³³ Там же, стр. 33.

выборами в комиссию Шидловского важнейшее значение имеет тот факт, что большевистская резолюция была принята представителями передового отряда петербургского пролетариата — металлистами, что основные ее пункты вошли в требования, сформулированные общегородским собранием выборщиков (эти факты признает и Шварц, хотя старается преуменьшить их значение)³⁴. На следующий день после предъявления Шидловскому требований рабочих по призыву ПК РСДРП забастовали металлисты, подав тем самым сигнал к всеобщей политической стачке³⁵. Что же касается требований об открытии гапоновских отделений, то они являлись данью уже прошедшему этапу рабочего движения и в дальнейшем не повторялись. Поднявшись на новую ступень революционной активности, рабочие создали новые, действительно революционные формы своей организации.

Не выдерживает критики и тезис о том, что меньшевики были ближе к массам. В трагические январские дни большевики не вели переговоров с Гапоном, а вступили в прямой диалог с рядовыми членами его организации, они возглавили борьбу передового отряда рабочих-металлистов и повели за собой основную массу столичного пролетариата.

На всем протяжении первой русской революции движение рабочих возглавлялось социал-демократией. Это был не «временный союз», а прочное единство пролетарской революционной армии с ее авангардом. И это единство не распалось к концу 1905 г., как уверяет большинство буржуазных авторов. В 1906—1907 гг. РСДРП стала еще более массовой партией, насчитывавшей к V съезду 150 тыс. членов и 145 организаций³⁶.

В ходе революции 1905—1907 гг. неизмеримо выросло классовое сознание пролетариата. «В огне революционных битв пролетариат России закалился и окреп, окончательно выделился в самостоятельную политическую силу, занявшую ведущее место в освободительном движении»³⁷.

³⁴ S. Schwarz. Op. cit., p. 115—117.

³⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 33; Л.: М. Крейдлина. Петербургский комитет РСДРП и выборы в комиссию Шидловского. — «Вопросы истории КПСС», 1972, № 2, стр. 116—120.

³⁶ «История СССР», 1973, № 4, стр. 50.

³⁷ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 231.

2. Соотношение политических и экономических форм борьбы

Проблема стихийности и сознательности в рабочем движении органически связана с вопросом о соотношении экономических и политических требований в классовой борьбе пролетариата. Господствующая ныне среди большинства буржуазных западных историков точка зрения по этому вопросу сложилась в последнее десятилетие. До этого времени преобладало мнение Г. В. Вернадского, который утверждал, что основной целью прокатившейся в 1905 г. волны забастовок были «скорее политические, нежели экономические реформы»³⁸. При этом Вернадский утверждал, что цели и интересы рабочих совпадали с целями всей оппозиции (в нее автор включает революционные и либеральные партии), которая вела борьбу за политические реформы. Заявления о стихийной тяге рабочих к «реформам» потребовались Вернадскому для того, чтобы доказать сугубо либеральный, а не глубоко народный, демократический характер революции 1905—1907 гг.

Тезис Вернадского не выдерживал первого же соприкосновения с фактами рабочего движения 1905 г. Кроме того, его точка зрения о сугубо политическом характере рабочего движения в России вступила в явное противоречие с концепцией «крестьян-рабочих», сторонники которой пытаются замкнуть пролетарское движение 1905 г. в чисто экономические рамки. В последние годы представителям большинства буржуазных историков стала более импонировать точка зрения С. Шварца, который, как показано выше, «уводил» рабочее движение из сферы политики к чисто экономической борьбе.

Такую оценку Шварц дает всему забастовочному движению первой половины 1905 г., в том числе и стачке в Иваново-Вознесенске³⁹. Экономические забастовки, по мнению Шварца, преобладали вплоть до начала октября, политические же лозунги рабочие якобы включали в свои требования лишь «для красоты документа»⁴⁰.

Трактовка вопроса о соотношении экономических и политических мотивов в пролетарском движении, данная Шварцем, во многом совпадает с освещением этой проб-

³⁸ G. Vernadsky. Op. cit., p. 264.

³⁹ S. Schwarz. Op. cit., p. 135.

⁴⁰ Ibid., p. 137—138.

лемы в книгах С. Харкейва, Дж. Кипа и Дж. Уолкина. Так, Харкейв безапелляционно заявляет, что «рабочий класс интересовался главным образом экономическими улучшениями»⁴¹. Дж. Кип и Дж. Уолкин также утверждают, что рабочее движение в России носило по преимуществу экономический характер⁴².

Все приведенные высказывания существенно искажают подлинную картину рабочего движения в 1905—1907 гг. Буржуазные авторы акцентируют внимание читателя лишь на одной стороне проблемы, а именно на экономической борьбе рабочих за улучшение своего материального положения. При этом из их поля зрения вполне сознательно выпадает другая, наиболее важная сторона вопроса — рост классовой сознательности российского пролетариата в ходе революции, подъем рабочего движения на новую, более высокую ступень своего развития.

Уже январские события в Петербурге убедительно показали высокую политическую сознательность рабочего класса. «Пролетарское движение, — писал Ленин, — сразу поднялось на высшую ступень... Стачка и демонстрация стали на наших глазах превращаться в *восстание*»⁴³. В январе стачки произошли в 66 городах, в них приняло участие, по далеко не полным официальным данным, 444 тыс. рабочих, в 10 раз больше среднегодового уровня предшествующего десятилетия. Высокая революционная активность рабочего класса оказала влияние на формы и методы его борьбы. Политическая, а не экономическая стачка, вопреки утверждениям буржуазных авторов, стала одним из основных средств мобилизации широких масс на решительную борьбу с самодержавным строем, на вооруженное восстание. В январе в политических стачках участвовало 123 тыс. человек, всего же за три первых месяца революции — 206 тыс. В январе — апреле 1905 г. в стачках участвовало 810 тыс. пролетариев⁴⁴. Большая часть этих стачек была непосредственным откликом на события 9 января и имела

⁴¹ S. Harcave. First Blood. The Russian Revolution of 1905. New York — London, 1964, p. 111.

⁴² J. L. H. Keep. Op. cit., p. 159; J. Walkin. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. Political and Social Institutions Under the Last Three Czars. London, 1963, p. 205.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 252.

⁴⁴ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 6, стр. 121.

огромное значение в пробуждении революционной энергии всего народа.

Сила январского движения заключалась в его массовости. В авангарде движения шли металлисты — наиболее сознательная и организованная часть пролетариата, сильнее всего охваченная влиянием большевиков. «Авангард с максимальной энергией начал движение, «раскачивая» остальную массу»⁴⁵. События всколыхнули и увлекли за собой текстильщиков, химиков, пищевиков и многие другие отряды рабочих.

Бездоказательное утверждение буржуазных историков о сугубо экономическом характере рабочего движения в первый период революции 1905—1907 гг. преследует вполне определенные цели: противопоставить друг другу экономическую и политическую форму борьбы пролетариата, с одной стороны, и оторвать рабочее движение от социал-демократии — с другой. Однако факты свидетельствуют (и в работах советских историков подробно показано это), что экономическая борьба рабочих, в силу ряда обстоятельств преобладавшая в начале революции, была органически связана уже в самой начальной фазе движения с политической борьбой пролетариата против существующего строя. Как уже отмечалось, именно тесная взаимосвязь экономической и политической борьбы являлась наиболее характерной чертой рабочего движения в годы первой русской революции.

«Совершенно очевидно теперь, — писал В. И. Ленин, — какова именно взаимозависимость экономической и политической стачки: без их тесной связи действительно широкое, действительно массовое движение невозможно; конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень»⁴⁶.

Искусственно противопоставляя политические и экономические забастовки, буржуазные и реформистские историки делают выводы об обнаружившейся будто бы у российского пролетариата тяге к чисто экономической

⁴⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 387.

⁴⁶ Там же, стр. 399.

борьбе. Когда же конкретные факты ставят под сомнение подобное разделение, когда в одной и той же забастовке сочетаются политические и экономические требования, западные авторы, явно испытывая затруднения, отделяются ничем не подкрепленными заявлениями, будто политические лозунги были включены «для красоты документа». В действительности же, как показано советскими историками, российский пролетариат в 1905 г. выдвинул новую, более высокую форму движения — массовую революционную стачку, в которой органически сочетались экономические и политические требования. Массовая революционная стачка последовательно охватывала различные районы страны и отрасли промышленности, приводила в целом ряде случаев к прямой вооруженной борьбе против самодержавия. Характерной особенностью массовой революционной стачки являлось то, что она приобретала общенародное значение, ибо пролетариат выступал в ней как гегемон демократических масс. Массовая революционная стачка была неразрывно связана с политическими демонстрациями и вооруженным восстанием⁴⁷.

Предельная острота социальных противоречий в России, возросший под влиянием агитационно-пропагандистской деятельности большевиков уровень пролетарского сознания с логической неизбежностью приводили рабочий класс к новым, более высоким формам массового движения. Яркий пример массовой революционной стачки представляет собой борьба иваново-вознесенских текстильщиков в мае—июле 1905 г., которую вопреки очевидным фактам многие западные «россиеведы» изображают чисто экономической.

Известно, что общегородская стачка в Иваново-Вознесенске продолжалась 72 дня — с 12 мая по 25 июля 1905 г. В стачке приняло участие около 70 тыс. рабочих. Во главе ее стоял избранный рабочими общегородской стачечный комитет, который носил название «Собрание уполномоченных депутатов» и стал фактически первым в России Советом рабочих депутатов. Свыше трети депутатов были большевиками. В Совет в качестве депутатов от рабочих входили члены Иваново-Вознесенского комит-

⁴⁷ Подробнее см.: *Н. А. Иванова. Революционная массовая стачка в России (1905—1907, 1912—1914 гг.)* (Рукопись кандидатской диссертации). М., 1969; «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 г.)», стр. 111—146 и др.

тета большевиков С. И. Балашов, Н. А. Жиделев, М. И. Голубова, Ф. Н. Самойлов, П. П. Постышев и др. Активными руководителями стачки были рабочие большевики Е. А. Дунаев, Н. П. Грачев, М. Н. Лакин и др. Они выступали перед многотысячной массой бастующих, распространяли большевистские листовки и бюллетени, пропагандировали экономические и политические лозунги⁴⁸. В предъявленных требованиях говорилось о немедленном созыве Учредительного собрания, выбранного на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права, 8-часовом рабочем дне, свободе союзов и стачек, свободе слова и собраний, уничтожении фабричной полиции и тюрем при фабриках, ликвидации обысков, унижающих достоинство рабочих, о безусловно вежливом обращении администрации с рабочими и т. д. Иваново-вознесенские рабочие на практике сочетали экономическую и политическую формы борьбы, что придавало стачке широкий размах и обеспечивало ей поддержку со стороны не только рабочих всего региона, но и демократических, трудящихся слоев городского и сельского населения.

Стачка иваново-вознесенских рабочих, прошедшая под руководством большевиков, являлась блестящим образцом применения на практике тактики социал-демократии, разработанной III съездом РСДРП⁴⁹. Она сыграла огромную роль в революционизировании пролетариата всего Центрально-промышленного района. «Иваново-Вознесенская стачка, — писал Ленин, — показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих. Брожение во всем центральном промышленном районе шло уже непрерывно усиливаясь и расширяясь после этой стачки»⁵⁰.

На протяжении весны и лета стачечная волна захватила в той или иной степени все промышленные районы России. Отличительной особенностью забастовочного движения этого периода было увеличение удельного веса политических стачек. Если в марте в них участвовало

⁴⁸ Подробно см.: «Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 году». Сб. документов и материалов. Иваново, 1955; «Первый Совет рабочих депутатов. Иваново-Вознесенск, май — июль 1905 г.». Ярославль, 1971.

⁴⁹ «Революционное движение в России весной и летом 1905 года». Документы и материалы, ч. I. М., 1957, стр. 468

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 314.

менее 30% всех бастующих, то в последующие месяцы (апрель—август) — от 50 до 75%⁵¹. Таким образом, утверждения буржуазных авторов о сугубо экономическом характере рабочего движения в первой половине 1905 г. явно не соответствуют историческим фактам.

В то же время в англо-американской литературе существует тенденция изображать всеобщую забастовку в октябре 1905 г. исключительно как политическую акцию, почти нацисто лишенную экономических мотивов. При этом буржуазных авторов мало смущает явное противоречие их концепции: если вплоть до осени 1905 г. рабочие вели в основном экономическую борьбу, то почему Октябрьская стачка вдруг приобрела чисто политическое содержание? Вряд ли они не видят этого противоречия. Однако выйти из этого противоречия, как мы увидим, невозможно, не повредив сложившейся в буржуазной историографии общей концепции первой русской революции.

Шварц расценивает Октябрьскую стачку как общенациональную и преимущественно политическую. Он считает, что в октябре 1905 г. была достигнута «решающая» победа над царизмом. Манифест 17 октября дал возможность рабочим легально приступить к созданию своих представительных организаций, после чего рабочее движение вернулось в экономическое русло. Искажая факты, Шварц пытается доказать, что развитию рабочего движения, «развязыванию революции» помогали только меньшевики, большевики же были «пассивны», чуть ли не удерживали движение⁵². Насколько это утверждение противоречит исторической действительности, уже говорилось и будет сказано ниже.

По мнению Кипа, лишь в октябре рабочее движение приняло политическую окраску. Однако инициатива при этом принадлежала не индустриальным рабочим, а «квалифицированным и культурным» слоям, более других связанным с «образованным обществом» (читай: с либеральной буржуазией. — *Авт.*), — печатникам, пекарям, железнодорожникам, телеграфистам и другим, которые менее всего напоминали «пролетариат в марксистском смысле». Именно они, по мнению автора, явились и заст-

⁵¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 85.

⁵² S. Schwarz. *Op. cit.*, p. 143.

рельщиками всеобщей забастовки в октябре. Этот тезис, выдвинутый Кипом, призван отлучить значительные категории наемного труда от промышленного пролетариата, сузить социальную базу рабочего движения в 1905 г. Следует отметить, что точка зрения Кипа не нова, ибо он повторяет общее положение буржуазной социологии о якобы неправомерности включения в состав рабочего класса пекарей, печатников, железнодорожников и т. д., которые произвольно зачисляются в состав так называемых средних слоев⁵³.

Кип явно преуменьшает роль социал-демократов в организации Октябрьской стачки, не жалеет красок на изображение «атмосферы сочувствия», которой окружило забастовщиков «образованное общество». Понимая всю пользу сделанной стачечниками работы, фабриканты, по его утверждению, сплошь и рядом добровольно оплачивали им пропущенные в октябре дни⁵⁴. Лишившись же поддержки «общества», рабочие, по мнению Кипа, растеряли и свои завоевания.

С этой точкой зрения вполне солидарны американские историки Дж. Уолкин и Дж. Кларксон. Первый из них утверждает, что в «первые месяцы после 9 января большинство рабочих оставалось глухо к революционным лозунгам социал-демократических агитаторов». И только осенью 1905 г., когда выросла «политическая температура» либерального общества, «рабочие стали с одобрением прислушиваться к революционным речам и экономические требования временно отошли на задний план»⁵⁵. Кларксон усиленно подчеркивает роль «бизнесменов» в Октябрьской забастовке. Политически инертная и консервативная русская буржуазия волей американского историка оказывается чуть ли не лидером движения в октябре 1905 г.⁵⁶

Л. Кочен подчеркивает рост политических мотивов в рабочем движении во второй половине 1905 г., однако

⁵³ Критический разбор этих буржуазных концепций см.: «Современный капитализм и буржуазная социология». М., 1965; Ю. Н. Семенов. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. Критический очерк американских и английских теорий. М., 1965; В. С. Семенов. Социология и проблемы современности. М., 1967, и др.

⁵⁴ J. Keep. Op. cit., p. 219, 222.

⁵⁵ J. Walkin. Op. cit., p. 205.

⁵⁶ J. D. Clarkson. Op. cit., p. 383.

утверждает, что после манифеста 17 октября забастовочное движение стало ослабевать⁵⁷.

Таким образом, согласно выводам буржуазных авторов, в октябре 1905 г. рабочее движение под сильнейшим влиянием либерального «общества» приобрело почти исключительно политический характер. Тем самым смазывается классовое содержание Октябрьской стачки и проводится мысль, будто политическая направленность рабочего движения зависела от союза с другими социальными силами, и прежде всего с либеральной буржуазией; сами же рабочие лишь приблизились к уровню понимания необходимости создания легальных организаций, выступающих в защиту их материальных интересов в рамках существующего строя.

Подобная трактовка вопроса неоригинальна. Еще в 1910 г. Ю. О. Мартов утверждал, будто главной причиной успехов стачечного движения в 1905 г. было «сочувствие» либералов, которые якобы побуждали фабрикантов платить рабочим заработную плату во время стачки. В действительности подобные факты носили единичный характер⁵⁸. В октябре 1905 г. буржуазия не менее, чем царизм, была напугана размахом революции. В адрес правительства летели телеграммы с просьбой «оградить» промышленников и торговцев от «разорительных последствий» забастовок⁵⁹. «Все умеренные элементы общества, — вспоминал Д. Н. Шипов, — принуждены были стушеваться, отступить на задний план и оказались бессильными внести умиротворение в возбужденное настроение широких и разнообразных общественных кругов»⁶⁰.

Всеобщая стачка в октябре 1905 г. помимо своей острой политической направленности имела и экономическое содержание. В. И. Ленин, отвечая на вопрос, какие цели преследовала Октябрьская стачка, писал: «Экономические и политические вместе. Экономические касались *всего* пролетариата, всех рабочих и отчасти даже всех трудящихся, а не одних только наемных рабочих.

⁵⁷ *L. Kochan. Op. cit.*, p. 94

⁵⁸ «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 г.)», стр. 126.

⁵⁹ Подробно см.: *И. М. Пушкарева. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975, стр. 176—177.*

⁶⁰ *Д. Н. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, стр. 332.*

Политические цели касались всего народа, вернее всех народов России. Политические цели состояли в освобождении всех народов России от ига самодержавия, крепостничества, бесправия, полицейского произвола»⁶¹. Октябрь дал 190 тыс. только экономических стачечников⁶² (не считая тех, у кого сочетались экономические и политические требования). Проанализировав данные об успешности экономической борьбы трудящихся за три месяца высшего подъема стачечной борьбы (январь, май и октябрь), В. И. Ленин пришел к выводу, что «не «атмосфера сочувствия», не симпатии буржуазии, а сила натиска играла решающую роль и в экономической борьбе»⁶³. Активной организующей силой в период подготовки и проведения Октябрьской забастовки выступили социал-демократы, и прежде всего большевики.

Весной 1905 г. III съезд РСДРП на основе ленинских идей выработал большевистскую стратегию и тактику революционной борьбы рабочего класса. Съезд постановил развернуть пропаганду самостоятельных классовых требований пролетариата, активизировать работу всех легальных и полулегальных рабочих обществ, союзов и других организаций, обеспечивая в них преобладающее влияние социал-демократии⁶⁴. Выполняя решения съезда, большевики вели широкую работу по подготовке всероссийской забастовки. 6 октября собрание представителей большевистских организаций Казанской, Ярославской и Курской железных дорог постановило начать забастовку⁶⁵. Забастовку действительно начали железнодорожники, но совершенно нет оснований противопоставлять их основной массе промышленных рабочих. Рабочие железнодорожных мастерских и депо, в основном металлисты, по характеру своего труда практически не отличались от рабочих крупных заводов. Именно рабочие железнодорожных мастерских, среди которых преобладающим влиянием пользовались большевики, дали сигнал к всеобщей забастовке, прекратив работу 7 октября⁶⁶.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 62.

⁶² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 405.

⁶³ Там же, стр. 406.

⁶⁴ См. «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 107—127.

⁶⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 95.

⁶⁶ В. Кириллов. Большевики во главе массовых политических стачек в период подъема революции 1905—1907 гг. М., 1961, стр. 242—243.

Выступая активными организаторами Октябрьской стачки, большевики придерживались тактики «левого блока», отнюдь не вступая в союз с буржуазией и буржуазно-либеральными партиями⁶⁷.

Всероссийская политическая стачка полностью подтвердила правильность большевистской стратегии и тактики в революции, продемонстрировала роль пролетариата как гегемона всех трудящихся и эксплуатируемых. В октябре 1905 г. продолжали расти и укрепляться союз рабочего класса и крестьянства, боевое единство пролетариата и трудящихся национальных окраин России. Октябрьская стачка придала небывалый размах национально-освободительному движению угнетенных царизмом народов, являвшемуся одной из составных частей буржуазно-демократической революции. Именно российский рабочий класс, возглавляемый революционной марксистской партией нового типа, а не либеральная буржуазия (как это тщетно пытаются доказать буржуазные авторы) выступал в 1905—1907 гг. в роли вождя всех трудящихся масс многонациональной России.

3. Происхождение и историческое значение Советов

Как мы видели, в английской и американской буржуазной историографии существует ярко выраженная тенденция оторвать основную массу пролетариата от его авангарда — большевистской партии, экономическую борьбу за улучшение своего материального положения от политической, направленной на коренное изменение всего существующего строя. Но как быть с Советами, которые возникли в результате революционного творчества трудящихся масс и в которых бок о бок работали профессиональные революционеры, имевшие огромный опыт политической борьбы, и беспартийные рабочие? Ответ на этот вопрос порождает новые противоречия в концепциях буржуазных авторов, вынужденных так или иначе освещать деятельность Советов в 1905 г.

Следует отметить, что трактовка этого вопроса в буржуазной историографии крайне субъективна, свидетель-

⁶⁷ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 108—112; Л. М. Иванов. Бойкот булыгинской Думы и стачка в октябре 1905 г. (К вопросу о расстановке борющихся сил). — «Исторические записки», т. 83, стр. 137—158.

ствуем о неспособности буржуазной историографии дать подлинно научное освещение проблемы Советов рабочих депутатов. В английской и американской буржуазной историографии довольно четко прослеживается тенденция к искажению классовой сущности Советов, их деятельности в годы первой русской революции в целом. Большинство авторов пытаются свести историю Советов 1905 г. к истории одного Совета — Петербургского (Вернадский⁶⁸, Дж. Уолкин⁶⁹, Шварц⁷⁰ и др.), умалить творческую инициативу трудящихся масс в создании Советов. Кроме того, буржуазные авторы преувеличивают роль меньшевиков в создании Советов, тенденциозно освещая при этом роль В. И. Ленина и большевистской партии. Наиболее ярко эта точка зрения проявилась в работе Шварца, который стремится доказать, что инициаторами создания Советов и их руководителями были меньшевики. При этом американский автор пытается протащить тезис о том, что якобы «большевики косо смотрели на самое существование Совета». Больше того, уверяет Шварц, они добивались его роспуска, а некоторые и насильственного разгона. Шварц грубо искажает взгляды В. И. Ленина на Советы рабочих депутатов, высказанные вождем революции в 1905 г. в ряде работ. Так, согласно домыслам Шварца, Ленин под давлением большевиков якобы отказался от основных положений, сформулированных им в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» (в которой говорилось о Совете как о «политически-руководящем революционном центре»⁷¹). Лишь в 1906 г., считает Шварц, Ленин вернулся к идее Совета как зародыша революционного правительства.

В отличие от большевиков, уверяет Шварц, «меньшевики чувствовали огромную важность Совета и хотели усилить и сохранить его как возможную основу движения, которое в конечном счете преобразит социал-демократическую партию в массовую рабочую партию»⁷². Следует обратить внимание на приводимое Шварцем сравнение позиций большевиков и меньшевиков в отношении Совета. Большевики видели в Совете зародыш революционного правительства, меньшевики — основу

⁶⁸ G. Vernadsky. Op. cit., p. 265—267.

⁶⁹ J. Walkin. Op. cit., p. 205.

⁷⁰ S. Schwarz. Op. cit., p. 173.

⁷¹ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 66.

⁷² S. Schwarz. Op. cit., p. 178—195.

будущего ликвидаторского движения. Сравнение явно не в пользу меньшевиков, принижавших значение Советов и стремившихся втиснуть их в узкие рамки социал-реформизма.

Более развернутая характеристика Совета содержится в книге Кипа. Английский историк вносит корректив в концепцию Шварца, пытавшегося представить Совет исключительно меньшевистским изобретением. Во-первых, считает Кип, идея «независимой организации» существовала среди рабочих еще со времен комиссии Шидловского. В октябре, по мнению Кипа, эти устремления были оживлены агитацией «околопартийных лиц и групп», полулибералов-полусоциалистов типа Г. С. Хрусталева-Носаря. И лишь потом меньшевики воспользовались плодами их деятельности, призвав к созданию «рабочего комитета». Таким образом, Совет стал «зародышем общенационального возбудителя революции».

При этом Кип вполне солидарен со Шварцем в его попытках доказать враждебность большевиков к Советам. Признавая на словах факты активной деятельности большевиков в Советах, Кип вместе с тем утверждает, что между «теоретическими установками» и практической работой большевиков существовали расхождения: на словах большевики отрицали участие в Советах, а на практике вынуждены были так или иначе вести в них работу. По мнению автора, Совет был «аморфным органом, который с готовностью подчинялся внешнему влиянию»; этим и воспользовались социал-демократы, большевики и меньшевики. В результате, утверждает Кип, Петербургский Совет оказался во власти «сравнительно небольшой группы людей, с головой ушедших в мистику революции». Всю историю Петербургского Совета после манифеста 17 октября он изображает как сплошную цепь неудач. Как следует из изложения Кипа, Совет начал терпеть неудачи и терять престиж в «глазах среднего рабочего», как только вышел из единой системы оппозиционных сил, начав борьбу «на два фронта» — с правительством и фабрикантами⁷³. Среди американских буржуазных историков точка зрения о «единой системе оппозиционных сил», просуществовавшей якобы до 17 октября 1905 г., укоренилась довольно прочно, что приводит к

⁷³ J. Keep. Op. cit., p. 228—242.

весьма забавным курьезам некоторых не столь эрудированных авторов. Так, Э. Тэйлор, автор популярной книги о европейских событиях первой четверти XX в., безапелляционно утверждает, что в Петербургский Совет якобы входили даже «умеренные конституционалисты», а после их ухода Совет был разгромлен правительством⁷⁴.

Из буржуазных авторов лишь Л. Кочен более осторожен в оценках роли либералов и меньшевиков в создании Петербургского Совета. Он подчеркивает, что Совет стихийно создали сами рабочие. Более объективно освещает он и отношение большевиков к Совету: «Ленин впервые проявил интерес к движению за Советы в начале ноября 1905 г., незадолго до возвращения в Россию. Он отверг проводившееся некоторыми большевиками противопоставление: либо Совет, либо партия». Наконец, Кочен подчеркивает большое политическое значение Петербургского Совета, который, по его словам, представлял как бы «альтернативное правительство». «Начав с ограниченной цели распространения всеобщей забастовки, — пишет английский историк, — рабочий класс силой своего давления припер правительство к стене». Подчеркивает Кочен и факт распространения Советов по другим городам, появление Советов крестьянских и солдатских депутатов.

Однако Кочен сходится с другими авторами в оценке экономических мероприятий Совета. «Ахиллесову пяту» Совета Кочен усматривает в его стремлении возглавить борьбу рабочих за 8-часовой рабочий день. Совет как бы сам подтолкнул предпринимателей на ответные меры, начались локауты, и «единство Совета было ослаблено». Таким образом, Совет, согласно версии Кочена, сразу же стал уязвим, выйдя за рамки политической борьбы, вступив в конфликт со своими недавними «союзниками».

Следует отметить в концепции Кочена и еще один момент, который свидетельствует о том, что английский историк отнюдь не отказался от господствующих в буржуазной историографии представлений о российском пролетариате. Исходя из так называемой концепции «крестьян-рабочих», Кочен склонен выводить идею Совета из «сельскообщинной традиции совещания деревенских старейшин»⁷⁵.

⁷⁴ E. Taylor. The Fall of the Dynasties. The Collapse of the Old Order. 1905—1922. New York, 1963, p. 65, 67.

⁷⁵ L. Kochen. Op. cit., p. 96—100.

Таким образом, несмотря на некоторые расхождения в трактовке проблемы Советов, буржуазных историков объединяют стремление принизить способность народных масс к самостоятельному историческому творчеству, попытки «оторвать» от Советов большевистскую партию, преувеличить роль меньшевиков и даже «приобщить» либералов к созданию Советов⁷⁶.

Однако как бы ни пытались буржуазные авторы принизить роль Советов, им не удастся затушевать их подлинное историческое значение. Советы представляли собой высшее достижение революционного народного творчества, являлись органами восстания и революционной власти. Они, подчеркивал Ленин, не выдуманы какой-либо партией, а возникли по инициативе самих рабочих⁷⁷. Их создание явилось логическим результатом всего предшествующего развития классовой борьбы пролетариата⁷⁸.

В период высшего подъема революции и назревания вооруженного восстания революционные массы, и прежде всего рабочие, ощутили жгучую потребность в таких органах, которые должны были стать руководящими центрами вооруженной борьбы пролетариата и крестьянства против царизма. Такими органами и явились Советы. Поэтому принципиально неверно выводить Советы из так называемых правительственных экспериментов (комиссия Шидловского) и гапоновских организаций. Если же часть выборщиков в комиссии Шидловского стала депутатами Совета, то это прежде всего связано с тем обстоятельством, что многие из них являлись общепризнанными руководителями стачечной борьбы пролетариата.

Движение за создание Советов вышло из самой жизни и практики революционного пролетариата, и, конечно, нельзя серьезно воспринимать заверения Хрусталева-Носаря или меньшевиков, будто Петербургский Совет

⁷⁶ Подробно об этом см.: *Н. Н. Демочкин*. Под флагом меньшевистских идей (Заметки о современной буржуазной историографии Советов 1905 года). — «История СССР», 1966, № 5.

⁷⁷ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 299.

⁷⁸ Подробнее об этом см.: *Н. Н. Демочкин*. Советы 1905 года — органы революционной власти. М., 1963. Обзор советской исторической литературы о Советах имеется в статье Н. Н. Яковлева «О Советах 1905 года». — «Вопросы истории», 1965, № 12, стр. 34—44; *В. Г. Егоров*. Генезис Советов рабочих депутатов 1905 г. в исторической литературе 20-х годов. — «Вопросы историографии и истории СССР». Воронеж, 1969, стр. 130—148; *В. И. Злобин*. Историко-партийная историография первой русской революции. — «Вестник Моск. ун-та». Сер. 9. История, 1975, № 3, стр. 32—50.

возник по их инициативе или их стараниями. Если человек выдает себя за повелителя земных недр, то лишь очень наивные люди могут поверить, что извержение вулкана началось по его «приказу».

Не выдерживает критики и тезис буржуазных авторов о «враждебности» большевиков в отношении к Советам. Большевики высоко оценили революционную инициативу народных масс и приняли все меры к тому, чтобы придать ей наиболее организованные формы, поднять массы до понимания классовых задач пролетариата в демократической революции. Большевики приняли самое активное и непосредственное участие в создании Советов. Из 135 депутатов Петербургского Совета с правом решающего голоса 40 были большевиками. Большевистский ЦК РСДРП делегировал в исполком в качестве официальных представителей партии А. А. Богданова, Д. С. Пестеловского, А. И. Рыкова. От Петербургского комитета РСДРП в исполкоме были Б. М. Книуняц (Радин), В. П. Ногин, П. А. Красилов, Н. В. Крыленко⁷⁹. Активную роль в создании Совета в Москве сыграл Московский комитет РСДРП во главе с В. Л. Шанцером и М. И. Васильевым-Южиным⁸⁰. Большевики играли важную роль в создании Советов и в ряде других городов. Известно, что из 62 Советов, возникших в период первой русской революции, 47 возглавлялись большевиками или находились под их влиянием⁸¹.

Что же касается факта количественного преобладания меньшевиков в ряде Советов, то он объясняется конкретно-исторической ситуацией, сложившейся осенью 1905 г. После манифеста 17 октября некоторая часть отсталых рабочих, главным образом мелких кустарных предприятий, временно была увлечена иллюзиями о возможности мирного развития революции. Именно эта часть рабочих

⁷⁹ Н. Н. Демочкин. Советы 1905 года — органы революционной власти, стр. 62—63; *его же*. Партия и Советы в 1905 г. (Руководящие органы революционной власти трудящихся в 1905 г.). — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 1, стр. 70—85; № 2, стр. 89—92.

⁸⁰ Г. Л. Костомаров. Советы рабочих депутатов в период первой революции. — «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение», ч. 1. М., 1955, стр. 127—156.

⁸¹ П. Е. Анкудинов. Советы рабочих депутатов на местах в революции 1905—1907 гг. — «Ученые записки ЛГУ», 1956, № 205. Серия ист. наук. Вып. 24, стр. 87—108; «Вопросы истории КПСС», 1965, № 1, стр. 70—85; № 2, стр. 89—92; «История СССР», 1966, № 5, стр. 168, 175.

и стала главной опорой меньшевиков, поддерживавших и в известной мере поощрявших конституционные иллюзии. Депутаты крупных промышленных предприятий, как правило, были ближе к большевикам. И если их оказалось меньше в Петербургском Совете, то это было прежде всего связано с нормами представительства в Совет. Представители крупных предприятий (с числом рабочих более 500 человек), на которых было сосредоточено 60% всех рабочих Петербурга, занимали в Совете всего лишь 30% мест⁸². Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что среди большевиков вопрос о роли и значении Советов, об их взаимоотношении с партией был понят далеко не сразу и не вполне правильно. Некоторые члены ЦК РСДРП с недоверием относились к Петербургскому Совету как к беспартийной организации. Это недоверие усиливалось и тем, что руководство Советом сразу оказалось в руках меньшевиков, склонных рассматривать Советы не как зачаточные органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, а лишь как органы местного самоуправления. Меньшевики не связывали деятельность Советов с подготовкой к вооруженному восстанию. Все это приводило к тому, что на первых порах такие известные работники Петербургской партийной организации, как Б. М. Кнунянц (Б. Радин), А. А. Богданов, заявляли о необходимости принятия Советом Программы РСДРП, считая нецелесообразным отдельное существование беспартийных Советов. Они высказывались за уход большевиков из Совета. Эти ошибочные взгляды отдельных членов ЦК и ПК РСДРП нашли свое отражение и в некоторых общепартийных документах: письмо ЦК РСДРП к партийным работникам от 27 октября, резолюция конференции северных комитетов, происходившей 21—23 ноября в Москве⁸³.

Буржуазные авторы широко эксплуатируют ошибочную позицию отдельных членов ЦК и ПК РСДРП в отношении Советов рабочих депутатов, пытаясь выдать ее за тактическую линию партии в целом.

Вопрос о Советах впервые был рассмотрен В. И. Лениным в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию)», написанной в начале ноября в Стокгольме. В этой статье В. И. Ленин раскрыл истори-

⁸² «История СССР», 1966, № 5, стр. 167.

⁸³ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 104.

ческое значение Советов как органов революционной власти, наметил правильное отношение между революционной партией и Советами. Вместе с тем Ленин выступил с решительной критикой сектантских ошибок в отношении Советов. Отвечая на вопрос «Совет или партия?», поставленный в статье Кнунянца «Совет рабочих депутатов или партия?», Ленин писал: «...решение *безусловно* должно быть: *и* Совет рабочих депутатов *и* партия»⁸⁴.

Указанная статья В. И. Ленина не была своевременно опубликована, но ее основные положения нашли отражение в других ленинских статьях этого периода: «Социализм и анархизм», «Социалистическая партия и беспартийная революционность» и др. В этих статьях Ленин рассматривал создание Совета как шаг к практическому воплощению в жизнь лозунга временного революционного правительства. «Мы заключим и заключаем для этого временный боевой союз со всей революционной демократией для достижения нашей общей ближайшей политической цели, — писал он. — Мы входим для этого, сохраняя строго свою партийную особность и самостоятельность, и в Советы рабочих депутатов и в другие революционные союзы. Да здравствуют новые органы власти народа! Да здравствует единый, верховный и победоносный орган народной власти!»⁸⁵

Дальнейшее развитие ленинские идеи о Советах нашли свое отражение в проектах резолюции IV (Объединительного) съезда РСДРП⁸⁶. Взгляды большевиков на Советы были выражены в резолюциях съезда «Временное революционное правительство и местные органы революционной власти» и «Советы рабочих депутатов».

Как мы уже могли убедиться, буржуазные авторы довольно тенденциозно освещают деятельность Советов, в частности Петербургского, после 17 октября 1905 г. По их мнению, Совет нарушил «единство оппозиционных сил», начал борьбу «на два фронта» и вследствие этого потерпел поражение. В действительности события развивались иначе. Буржуазия была удовлетворена манифестом 17 октября, напугана размахом революционной борьбы, и на этой почве произошел ее сговор с царизмом. Введение 8-часового рабочего дня послужило для контр-

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 61.

⁸⁵ Там же, стр. 127.

⁸⁶ См. «Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП». Протоколы. М., 1959, стр. 482—484.

революционной буржуазии лишь поводом для развертывания борьбы с массовым революционным рабочим движением, для начала локаутов.

Буржуазия хотела добиться разобщения сил пролетариата, а Совет подтолкнуть на левацкие, авантюристические действия. Этот провокационный замысел был разоблачен большевиками. 13 ноября на заседании Совета выступил В. И. Ленин, 15 ноября «Новая жизнь» опубликовала постановление Петербургского Совета о борьбе с локаутом и статью Ленина «Неудавшаяся провокация». «Петербургский пролетариат, истощенный предыдущей борьбой, хотят спровоцировать на новую битву при условиях, самых невыгодных для него»⁸⁷, — писал Ленин. Резолюция Совета призывала петербургских рабочих не поддаваться на провокацию, сплотить ряды всех рабочих России и требовала от правительства и капиталистов немедленного прекращения локаутов. В случае отказа Совет намерен был прибегнуть к самым решительным мерам революционной борьбы.

Рабочие откликнулись на призыв Совета, и с разных концов страны в Петербургский Совет стали поступать взносы в помощь жертвам локаута.

Не столь безуспешным, как утверждают западные историки, оказался и «Финансовый манифест». Повсеместно наблюдалось изъятие вкладов из сберегательных касс. Превышение выдач над поступлениями в целом по стране составило в декабре 90 млн. руб. В руководстве революционным рабочим движением Петербургский Совет обнаруживал необходимую маневренность и гибкость. Его деятельность отнюдь не представляла собой сплошную цепь неудач и ошибок, допущенных под влиянием «мистики революции». Наоборот, действительные ошибки Совета происходили под влиянием нерешительности его руководителей. Петербургский Совет недостаточное внимание уделил подготовке вооруженного восстания. Не проявил должной решительности Совет и в критические для него дни начала декабря⁸⁸. Тем не менее арест членов Петербургского Совета вовсе не означал, что революции нанесен непоправимый удар. Решающие сражения были еще впереди.

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 108.

⁸⁸ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 119—128; «История СССР с древнейших времен», т. VI, стр. 186—193.

Характерно, что в годы первой русской революции наряду с Советами рабочих депутатов были созданы Советы рабочих, солдатских, матросских и крестьянских депутатов. Появление этих Советов явилось ярким свидетельством того, что новая форма революционной организации трудящихся стала наиболее близкой и отвечала интересам широких слоев народных масс. Советы давали большевистской партии возможность объединить в единый революционный поток выступления рабочих, крестьян, солдат, матросов, трудящихся различных национальностей страны⁸⁹. Как писал В. И. Ленин, с организацией Советов «создается нечто великое, новое и небывалое в истории мировой революции. Советы, которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это — форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран»⁹⁰. Ленинский вывод об исторической роли Советов является важным вкладом в теорию и практику марксизма. «Гений Ленина, — говорится в постановлении ЦК КПСС «О 70-летию революции 1905—1907 годов в России», — прозорливо увидел в них прообраз Советской власти, государственную форму диктатуры пролетариата. Великая Октябрьская социалистическая революция, исторический опыт СССР целиком и полностью подтвердили жизненную силу ленинского учения о Советах, являющихся самыми массовыми органами подлинно народной власти, выражением подлинной демократии»⁹¹.

4. Декабрьское вооруженное восстание

Рассматривая Всероссийскую октябрьскую стачку, вырвавшую у царя манифест 17 октября, как апогей первой русской революции, буржуазные и реформистские авторы единодушны в своем стремлении принизить значение Декабрьского вооруженного восстания. Вернадский, например, пытается изобразить московское восстание как чисто заговорщическую акцию революционеров, которая не получила народной поддержки, и правительство сумело «восстановить контроль над положением»⁹².

⁸⁹ Н. Н. Демочкин. Советы 1905 года — органы революционной власти, стр. 63—80.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 238.

⁹¹ «Коммунист», 1975, № 2, стр. 5.

⁹² G. Vernadsky. Op. cit., p. 267.

«Декабрьское вооруженное восстание в Москве, — пишет Кларксон, — было в основном делом большевистской фракции социал-демократов... Главным результатом его было то, что все умеренные элементы стали еще более резко отрицательно относиться к любым формам насильственных действий и тем самым еще более усилилось самодержавие»⁹³.

Кип называет вооруженное восстание в Москве большевистским «мифом» и «авантюрой». Лишь на первой фазе восстание, по мнению Кипа, имело «некоторую общественную поддержку», настроение же рабочих было искусственно «разогрето» социал-демократическими агитаторами. «Когда же стало очевидно, что дело не имеет шансов на успех, симпатии к повстанцам ослабели». Московский комитет РСДРП, утверждает Кип, якобы не имел плана восстания, и вскоре его руководители «потеряли контроль над событиями»⁹⁴. Восстания в других городах, происходившие в этот период, Дж. Кип склонен считать просто «беспорядками»⁹⁵. Кочен, подобно Кипу, пытается низвести вооруженное восстание на уровень «нескольких плохо подготовленных, разрозненных стычек, отмеченных большой жестокостью со стороны войск»⁹⁶.

Таким образом, при освещении высшей формы борьбы российского пролетариата — Декабрьского вооруженного восстания английские и американские «россиеведы» проявляют единодушие. Они сходятся в том, что Декабрьское восстание — «случайный» и притом «печальный» эпизод, «авантюра» большевиков, к которым на первых порах присоединилась незначительная часть «экстремистски» настроенных рабочих. Отрицание закономерности и неизбежности вооруженного восстания — характерная черта всей буржуазной историографии периода не только первой русской революции, но и Великой Октябрьской революции⁹⁷. И это не случайно, ибо буржуазная историография не желает признавать логичность и закономерность высших форм революционной

⁹³ G. Clarkson. Op. cit., p. 388.

⁹⁴ J. Keep. Op. cit., p. 242, 243—257.

⁹⁵ Ibid., p. 257.

⁹⁶ L. Kochan. Op. cit., p. 101.

⁹⁷ Ю. И. Иглицкий. Мифы буржуазной историографии и реальность истории, стр. 180—197.

борьбы народных масс, руководимых пролетариатом и его партией⁹⁸.

Буржуазные «россневеды» сбрасывают со счетов тот непреложный исторический факт, что Декабрьское вооруженное восстание в Москве и других районах явилось итогом всего предшествующего развития рабочего движения 1905 г. Начиная с первых январских баррикад в Петербурге революция логически развивалась в направлении к вооруженному восстанию. Октябрьские события 1905 г. показали, что сама по себе массовая революционная стачка не может привести к свержению царизма. Для этого было необходимо сочетание массовой революционной стачки с вооруженной борьбой.

Огромный фактический материал, собранный советскими историками, свидетельствует о том, что Декабрьское вооруженное восстание было не только необходимо, но и неизбежно. Необходимо — как проверка решительности и стойкости пролетариата до конца довести борьбу против самодержавия. Неизбежно — как вполне закономерный результат развития классовой борьбы пролетариата против самодержавия. Вооруженные восстания произошли в ряде крупных промышленных центров и районов страны — в Москве, Харькове, Донбассе, на Екатеринославщине, в Ростове-на-Дону, на Северном Кавказе — в Новороссийске и Сочи, в рабочих предместьях Нижнего Новгорода — Сормове и Канавине, в Мотовилихе, в Грузии, Прибалтике, в Красноярске, Чите и других местах⁹⁹.

Не выдерживает критики и тезис тенденциозно настроенных западных авторов о том, что якобы большевики чуть ли не насильно «втянули» рабочих в вооруженное восстание. Известно, что в ответ на арест членов Петербургского Совета Московский Совет рабочих депутатов, учитывая боевое настроение трудящихся Москвы, решил предварительно поставить на обсуждение рабочих собраний вопрос об объявлении стачки и о вооруженном

⁹⁸ Дж. Робинсон, писавший в то время, когда концепция российских революций еще не вполне оформилась в западной буржуазной историографии, считал возможным признать Декабрьское восстание «высшей точкой революции в городах» (*G. T. Robinson. Rural Russia Under the Old Regime. Berkley and Los Angeles, 1967, p. 170*).

⁹⁹ Н. Н. Яковлев. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957; «Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г.». Документы и материалы. М., 1955.

восстании. На митингах и собраниях, происходивших в первые дни декабря на фабриках и заводах, рабочие единодушно высказывались за восстание.

Факты убедительно свидетельствуют о том, что инициаторами вооруженного восстания были сами московские рабочие, решившие этот вопрос путем своеобразного референдума. 4 декабря на пленуме Московского Совета почти все ораторы говорили, что большинство рабочих готовы немедленно начать всеобщую забастовку и давно ждут сигнала к началу боевых действий. Общий тон выступлений рабочих на митингах и их представителей в Совете был примерно одинаков: «Московские рабочие рвутся в бой. — Рабочие нашей фабрики постановили, что дальше ждать нельзя! — У нас на заводе рабочие давно уже наковали себе пик и кинжалов! У нас все говорят, что выступят сами, если Совет и партия будут молчать!»¹⁰⁰ В принятой резолюции Совет призвал московских рабочих быть готовыми каждый момент к активным действиям, ко всеобщей политической стачке и вооруженному восстанию.

Настроение рабочих передавалось руководителям. Подавляющее большинство членов МК РСДРП было настроено в пользу немедленного выступления¹⁰¹. Собравшаяся 5 декабря общегородская конференция московских большевиков, на которой присутствовало свыше 800 человек, учитывая боевое настроение рабочих и солдат, решила предложить Московскому Совету начать всеобщую политическую стачку 7 декабря в 12 часов с тем, чтобы перевести ее в вооруженное восстание. За всеобщую забастовку высказалась и заседавшая в Москве 5—6 декабря конференция делегатов 29 железных дорог. Решение о необходимости всеобщей стачки после серьезных колебаний вынесла и конференция московских меньшевиков, вовлеченных в общий революционный поток. Меньшевики и эсеры не могли не считаться с настроениями рабочих и фактической неизбежностью стачки и восстания.

6 декабря пленум Московского Совета с участием представителей от конференции железнодорожников, почтово-телеграфного съезда, а также находившихся в

¹⁰⁰ М. И. Васильев-Южин. Московский Совет рабочих депутатов в 1905 году. М., 1925, стр. 80, 112.

¹⁰¹ С. И. Черномордик. Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. — «Исторические записки», т. 18, стр. 19.

Москве представителей польского пролетариата постановил начать в Москве с 12 часов дня 7 декабря всеобщую политическую стачку, возложив руководство вооруженным восстанием на исполком Совета. Таким образом, Декабрьское вооруженное восстание вполне созрело политически, московский пролетариат под руководством большевиков выступил его застрельщиком¹⁰².

Буржуазные авторы, отвергая закономерность и необходимость восстания, пытаются, как мы видели, дискредитировать и его организационно-техническую подготовку. Действительно, московское вооруженное восстание, созрев политически, с точки зрения организационно-технической в достаточной степени подготовлено не было. На это обстоятельство неоднократно указывал В. И. Ленин в своих работах, посвященных анализу причин поражения Московского вооруженного восстания¹⁰³. Не скрывают этого и советские историки¹⁰⁴. Однако это вовсе не значит, что большевики не вели никакой организационно-технической подготовки восстания.

Московский комитет большевиков предпринимал практические шаги по подготовке вооруженного восстания еще с весны 1905 г. Боевые дружины и боевые отряды стали создаваться в апреле—мае. К моменту Октябрьской стачки боевые дружины имелись в каждом районе города. Значительное число боевых дружин было создано в период между 20 октября и началом декабря. По данным Н. Н. Яковлева, в Москве имелось не менее 2 тыс. вооруженных дружинников и около 4 тыс. невооруженных¹⁰⁵. Понятно, что силы дружинников были невелики, однако вполне можно было рассчитывать на пополнение уже в ходе восстания за счет вовлечения в борьбу трудовых масс города¹⁰⁶.

Кроме того, еще задолго до восстания Московский комитет развернул широкую агитацию в войсках Московского гарнизона¹⁰⁷. В гарнизоне началось брожение, пе-

¹⁰² Подробно см.: А. Д. Ключева. Московские большевики во главе декабрьского вооруженного восстания 1905 года. М., 1960.

¹⁰³ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 369—377.

¹⁰⁴ Н. Н. Яковлев. Указ. соч., стр. 153—157.

¹⁰⁵ Там же, стр. 118.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Е. Т. Жукова. Военно-техническая подготовка вооруженного восстания в Москве. — «Труды Воронежского ун-та», т. 41, 1956, стр. 43—62; Л. Т. Сенчакова. Боевая рать революции. М., 1975.

¹⁰⁷ Н. Н. Яковлев. Указ. соч., стр. 118—123.

решедшее в начале декабря в восстание Ростовского полка. Однако Московский комитет РСДРП не сумел оценить выгодный момент, чтобы поднять совместное восстание рабочих и солдат¹⁰⁸. Царскому правительству при помощи жестоких репрессий удалось удержать контроль над войсками Московского гарнизона. Это, несомненно, оказало отрицательное влияние на дальнейшее развитие революционных событий.

Известные шаги были предприняты московскими большевиками в налаживании руководства восстанием. Боевым штабом руководства восстанием должен был стать Федеративный совет. Однако 7 декабря он в полном составе был арестован. Избранная тогда же исполнительная комиссия МК в составе В. Л. Шанцера, М. И. Васильева-Южина, М. Н. Лядова и двух кандидатов — В. М. Савкова и З. Н. Доссера также не смогла стать центром оперативного руководства из-за ареста двух ее основных работников — Шанцера и Васильева-Южина. Остальные члены МК находились в районах, где приняли непосредственное участие в боях.

Итак, факты убедительно свидетельствуют о том, что московские большевики готовились к восстанию, правда, эта подготовка была все же недостаточной. Основная причина недостаточной организационно-технической подготовки восстания заключалась прежде всего в отсутствии опыта и недостатке времени, которое история отвела московским большевикам для подготовки пролетариата к восстанию.

Противоречит действительности утверждение буржуазных авторов о том, что московские большевики «безрассудно» толкнули рабочих на заранее «обреченную авантюру». Московские большевики отдавали себе отчет в том, что «Москва в техническом отношении еще не подготовлена к вооруженному восстанию»¹⁰⁹. Однако, несмотря на недостаточную подготовленность, московские большевики в сложившейся обстановке правильно решили начать восстание. Они действовали так, как подобает подлинным революционерам-марксистам. Исходя из учения марксизма, что революция есть война, наиболее справедливая из всех войн, московские большевики прекрасно понимали, что всякая война связана с риском. Ф. Эн-

¹⁰⁸ Там же, стр. 130—141.

¹⁰⁹ С. И. Черномордик. Указ. соч., стр. 17.

гельс писал, что «в революции, как и на войне, в высшей степени необходимо в решающий момент все поставить на карту, каковы бы ни были шансы. История не знает ни одной успешной революции, которая не подтверждала бы правильности этих аксиом... Поражение после упорного боя — факт не меньшего революционного значения, чем легко выигранная победа. Поражения — парижское в июне и венское в октябре 1848 г. — во всяком случае сделали несравненно больше для революционизирования умов народа в этих двух городах, чем февральская и мартовская победы... Бесспорно, во всякой борьбе тот, кто поднимает перчатку, рискует быть побежденным, но разве это основание для того, чтобы с самого начала объявить себя разбитым и покориться ярму, не обнажив меча?

В революции всякий, кто, занимая решающую позицию, сдает ее, вместо того чтобы заставить врага отважиться на приступ, всегда заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику»¹¹⁰.

Именно такой подход к проблеме вооруженного восстания и предопределил тактику московских большевиков. Московский пролетариат своей решительной борьбой завоевал определенные позиции, и сдать их без боя означало капитулировать перед врагом, не померившись с ним силами. И рабочие Москвы показали всему миру, на какой героизм способен пролетариат в своей революционной борьбе за освобождение трудящихся масс от политического и социального гнета. «До вооруженного восстания в декабре 1905 года, — подчеркивал Ленин, — народ в России оказывался неспособным на массовую вооруженную борьбу с эксплуататорами. После декабря это был уже не тот народ. Он переродился. Он получил боевое крещение. Он закалился в восстании. Он подготовил ряды бойцов, которые победили в 1917 году...»¹¹¹

Резюмируя вышесказанное, можно сделать ряд выводов. Английская и американская историография крайне тенденциозно освещает проблемы рабочего движения в годы первой русской революции. При этом буржуазные авторы преследуют вполне определенные цели: извратить роль большевистской партии во главе с В. И. Лениным, роль российского пролетариата как гегемона революции

¹¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8. Изд. 2. М., 1957, стр. 80—81.

¹¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 386—387.

1905—1907 гг. Следует подчеркнуть, что подобные концепции современных буржуазных и реформистских историков далеко не новы и не оригинальны. Они восходят к давно опровергнутым теорией и практикой революционной борьбы концепциям кадетов и меньшевиков о руководящей роли либералов в русской революции ¹¹².

Отметим, что даже русские либералы в отличие от их современных апологетов гораздо скромнее оценивали свою роль в революции. Они не только не руководили рабочим движением, но и все их попытки проникнуть в рабочие организации потерпели полный провал. По признанию лидера кадетов П. Н. Милюкова, «рабочий класс сам настолько связал себя с партией социал-демократов, что доступ в его ряды партии кадетов был совершенно прегражден» ¹¹³.

Развитие революционного пролетарского движения в стране привело к тому, что либерализм (даже подновленный, «социальный» либерализм кадетского типа) был бессилён решить коренные вопросы революции и в силу объективной логики событий скатывался к контрреволюции и союзу с реакцией. Пролетариат являлся гегемоном революции; либералы, напротив, стремились покончить с ней и втянуть движение масс в реформистское русло. Пролетариат вел освободительное движение вперед, либералы тянули его назад. В таких условиях, по словам В. И. Ленина, главным в отношении социал-демократов к либералам было то, что социал-демократы «боролись с проснувшимися... предателями» ¹¹⁴. Бескомпромиссная борьба с либеральной идеологией, разоблачение непоследовательности и предательства либералов стали одной из важнейших задач большевиков ¹¹⁵.

Русская революция развивалась в новых исторических условиях, когда в отличие от первых западноевропейских буржуазных революций на политическую арену в качестве гегемона выступил пролетариат, руководимый

¹¹² Подробно об этом см.: К. Ф. Шацлло. Русский либерализм на рубеже двух веков; С. В. Тютюкин. Оппозиция его величества (Партия кадетов в 1905—1917 гг.). — «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М., 1970.

¹¹³ П. Милюков. Либерализм, радикализм и революция. — «Современные записки», т. 57. Париж, 1935, стр. 295.

¹¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 320.

¹¹⁵ «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России», стр. 175.

марксистской партией нового типа. В. И. Ленин писал, что на протяжении всех трех лет революции рабочее движение было «главной пружиной» развития событий в стране¹¹⁶. Опыт первой русской революции, мирового освободительного движения убедительно подтвердил ленинский вывод о том, что ведущее место в борьбе за демократию и социализм в эпоху империализма принадлежит промышленному пролетариату.

¹¹⁶ См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 395.

Крестьянское движение—тезис о «параллельной революции»

Идейные истоки современных буржуазных концепций крестьянского движения 1905—1907 гг. восходят к дореволюционной кадетско-меньшевистской литературе.

Кадетские и меньшевистские историки пытались представить массовое революционное крестьянское движение в России как «смуту» и «бунт». «Это был бунт людей, — писал С. Н. Прокопович, — решивших прибегнуть к насилию, чтобы достать хлеба и дров»¹. Либерально-буржуазные и меньшевистские публицисты сознательно суживали размах крестьянской борьбы против помещиков и царизма до локальных экономических выступлений, отрицали политическое значение крестьянского движения как антифеодального². Крестьянское движение рассматривалось в отрыве от пролетарского, игнорировался рост классовой сознательности и организованности российского крестьянства в процессе развития революции. Большевики утверждали, что рабочий класс в период высшего подъема революции (октябрь—декабрь 1905 г.) «оказался изолированным», поскольку крестьянское движение наибольшего размаха достигло лишь летом 1906 г. под влиянием обсуждения аграрного вопроса в I Думе и ее роспуска.

Такая оценка российского крестьянства и крестьянского движения в целом органически связана с ошибочной меньшевистской концепцией революции 1905—1907 гг., которая сводилась к отрицанию гегемонии пролетариата, союза рабочего класса и крестьянства и апологии роли либеральной буржуазии. Для большевиков

¹ С. Прокопович. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912, стр. 29.

² «Общественное движение в России в начале XX века», т. 2, кн. 1. СПб., 1909, стр. 60, 62, 119 и др.

были характерны глубокое неверие в революционные возможности российского крестьянства, боязнь крестьянской революции, которая, по их мнению, таила в себе угрозу бонапартизма и реставрации старых порядков. Поэтому блок пролетариата с либеральной буржуазией казался меньшевикам намного выгоднее левоблокнистской тактики большевиков, основанной на союзе рабочего класса и «реакционного», по мнению меньшевиков, крестьянства³.

В свое время ошибочные взгляды меньшевиков на роль российского крестьянства были подвергнуты всестороннему критическому анализу в работах В. И. Ленина, который показал всю несостоятельность оппортунистической тактики правого крыла социал-демократической партии в революции 1905—1907 гг. Меньшевистские концепции были опровергнуты и самой практикой революционной борьбы рабочего класса и крестьянства.

Тем не менее либерально-меньшевистские концепции, давно опровергнутые теорией и практикой революционной борьбы трудящихся масс России, продолжают составлять основной идейный багаж современной английской и американской буржуазной историографии, к рассмотрению которой мы и переходим.

1. Характер крестьянского движения

Английские и американские буржуазные авторы, как правило, сводят рассмотрение крестьянского движения 1905—1907 гг. к следующим проблемам: содержание требований крестьянских масс, формы крестьянской борьбы, состав крестьянского движения и, наконец, взаимоотношения рабочего и крестьянского движения. Последний вопрос будет рассмотрен во втором разделе настоящей главы. В данном разделе обратимся к первым трем проблемам.

Вопрос о содержании требований крестьянских масс, являвшийся одним из кардинальных вопросов крестьянского движения в годы первой русской революции, трактуется английскими и американскими авторами разноречиво, односторонне и вместе с тем крайне предвзято. Так, Вернадский пишет, что крестьяне, с одной стороны, «хотели только раздела между собой больших поместий»,

³ «Общественное движение в России в начале XX века», т. 3, кн. 5. СПб., 1914, стр. 70.

прибегали к «аграрным мятежам», а с другой — якобы в конечном итоге «большинство народа» вполне было удовлетворено политическими уступками, провозглашенными в манифесте 17 октября 1905 г.⁴

В отличие от Вернадского, выступающего в роли апологета царской «конституции» (манифеста 17 октября 1905 г.), Дж. Робинсон пытался доказать, что содержание крестьянских требований ограничивалось в основном экономическими вопросами. В политической области, утверждал он, крестьяне хотели в общем немногого: «ограниченной демократизации центрального и местного управления». Настроения «политического либерализма или радикализма» среди крестьянства не были «особенно жизненными». По мнению Робинсона, «в деревне была распространена политическая индифферентность, иногда — положительный монархизм». В целом, пишет Робинсон, «в сравнении с интересами крестьян к земле и даже к ценам на рынке наемного сельскохозяйственного труда их интерес к политическим переменам... не был наполнен такой энергией и движущей силой»⁵. Крестьянские же требования по аграрному вопросу по своему диапазону колебались между понижением арендной платы и национализацией всей земли. Требования первого рода имели в виду лишь некоторое улучшение положения крестьян в рамках существующего строя. Однако и требование национализации всей земли, по мнению Робинсона, было в своей основе также консервативным, ибо крестьяне, его выдвигавшие, хотели лишь распространения старой общинной системы на новые земли. Из этой в корне ошибочной посылки Робинсон делал вывод о том, что даже реализация думского проекта трудовиков («проект 104-х». — *Авт.*) едва ли способствовала бы капиталистической эволюции сельского хозяйства. Резюмируя свои рассуждения о содержании крестьянских требований в первой русской революции, Робинсон пришел в конечном итоге к довольно пессимистическому заключению о якобы полной невозможности установить мнение большинства крестьянства (автор считал, что «проект 104-х» выражал мнение меньшинства рос-

⁴ G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 263, 264, 267.

⁵ G. T. Robinson. Rural Russia Under the Old Regime. A History of the Landlord-Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917. Berkley and Los Angeles, 1967, p. 185, 204.

сийского крестьянства) ⁶. Подобный вывод, сделанный крупным специалистом в области изучения крестьянского движения в России, свидетельствует об органической неспособности буржуазной историографии понять классовое содержание требований российского крестьянства в годы первой русской революции.

Мнение Робинсона о политической индифферентности крестьянских масс, высказанное им еще в 30-х годах, полностью разделяется некоторыми современными английскими и американскими историками. Так, Дж. Кип продолжает утверждать, что крестьяне интересовались главным образом экономическими вопросами, сохраняли традиционную верность царю и церкви. «Жестокость полиции, вымогательства местного священника, — пишет он, — могли послужить причиной трений, но тем не менее это не переходило в осуждение существующей системы в целом» ⁷. Если же крестьяне и поддерживали социал-демократические или эсеровские резолюции, утверждает Кип, то это не говорит о том, что они их понимали. И Кип делает вывод о том, что крестьянское движение в 1905—1907 гг. было по существу консервативным.

Но если Робинсон и Кип все же не отрицают полностью некоторого интереса крестьян к политике, то крайнюю точку зрения в этом вопросе занял Дж. Кларксон. По его мнению, крестьяне фактически не интересовались конституционными вопросами, «не обнаруживали большой враждебности к царю». Более того, они искали «прямого доступа» к монарху и именно поэтому принимали активное участие в думских выборах. Даже Крестьянский союз, утверждает Кларксон, интересовался больше экономическими проблемами, чем политическими ⁸.

Таким образом, предпринимается почти неприкрытая попытка поставить крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. в один ряд с крестьянскими войнами феодальной эпохи с их идеологией наивного монархизма.

Однако наряду с вышеназванными крайними точками зрения в английской и американской буржуазной историографии прослеживается тенденция несколько ин-

⁶ Ibid., p. 203—207.

⁷ J. L. H. Keep. *The Rise of Social Democracy in Russia*. Oxford, 1963, p. 268.

⁸ G. D. Clarkson. *A History of Russia*. New York, 1961, p. 381—382.

го подхода к рассмотрению содержания крестьянских требований в 1905—1907 гг. Так, Дж. Уолкин считает, что в период русско-японской войны и особенно начавшейся революции крестьяне стали живо интересоваться политикой. На проводившихся в 1905 г. политических митингах крестьяне требовали ликвидации сословных различий, свободы слова, печати и собраний и т. д. От участия в таких митингах крестьяне отстраняли сельских должностных лиц и земских начальников. В связи с этим автор делает вывод, что хотя крестьяне и не имели демократических традиций, но они все же «не были недоступны для политических устремлений всего общества»⁹. Следует, однако, подчеркнуть, что Дж. Уолкин пытается доказать, что политические требования крестьян всецело укладываются в рамки умеренно-либеральной программы. Отсюда он делает вывод о ключевой роли либеральной буржуазии в революции 1905—1907 гг., а крестьянское движение изображает в качестве ее политического резерва.

Кочен в отличие от Кипа и Робинсона также не игнорирует того факта, что в период революции крестьяне помимо экономических выдвинули и целый ряд политических требований. Земля, отмечает автор, была далеко не единственным требованием крестьян. В круг крестьянских требований входили: уравнивание крестьян в правах и налогообложении с другими сословиями, снижение косвенных налогов, удовлетворительная постановка сельских школ, предоставление возможности среднего и высшего образования, увеличение числа больниц, конфискация церковной земли и выдача клиру государственного жалованья, удаление полиции, освобождение политических заключенных, смертная казнь виновников войны с Японией. Признает Кочен и тот факт, что Крестьянский союз высказался за созыв Учредительного собрания, отверг манифест 17 октября 1905 г. и осудил участие в выборах в I Думу. В ходе революции произошли определенные сдвиги в политическом сознании крестьянства, которые прежде всего выразились в создании Крестьянского союза. Этот союз предпринял попытки скоординировать крестьянское движение, выработал оп-

⁹ J. Walkin. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. Political and Social Institutions Under the Last Three Czars. London, 1963, p. 207.

ределенную программу и тактику¹⁰. Однако эти правильно отмеченные Коченом моменты продолжают уживаться с рядом других ошибочных положений, что делает в конечном итоге всю его концепцию крайне схематичной и противоречивой. Так, признавая, что инициатива создания Крестьянского союза исходила преимущественно от крестьян, Кочен сразу же противопоставляет требования крестьян требованиям Союза. Если последний придерживался программы радикальных и политических преобразований, то крестьянское движение в изображении Кочена выглядит замкнутым в рамках местных поземельных и земско-хозяйственных нужд.

В 1972 г. вышла в свет статья английской исследовательницы М. Перри, специально посвященная крестьянскому движению в первой русской революции и подводящая своеобразный итог изучению этой проблемы в англо-американской буржуазной литературе. В отличие от своих предшественников, Перри более объективно подошла к освещению предпосылок крестьянского движения, в вопросе же о социально-политических устремлениях крестьянства в общем присоединилась к бытующим в буржуазной историографии концепциям. Так, Перри продолжает считать российское крестьянство в основе своей «традиционным», хотя и в известной мере затронутым процессом модернизации¹¹. Она утверждает, что «масса крестьянства в 1905 г. все еще явно верила в то, что «земля и воля» могут быть достигнуты в рамках царизма»; крестьяне не видели необходимости в свержении самодержавия и игнорировали призыв социалистов бойкотировать выборы в I Думу, веря в то, что этот орган превратится в подлинный «союз царя и народа». Автор, правда, оговаривается, что «эти надежды вскоре, однако, исчезли», не объясняя, имеются ли в виду надежды на царя или на распущенную Думу¹².

Рассмотренные выше точки зрения английских и американских буржуазных авторов по вопросу содержания крестьянских требований в революции 1905—1907 гг., несмотря на известные отличия, сходятся в ряде основных положений. Революционное движение российского

¹⁰ *L. Kochan. Russia in Revolution. London, 1966, p. 88, 102.*

¹¹ *M. Perrie. The Russian Peasant Movement of 1905—1907: Its Social Composition and Revolutionary Significance. — «Past and Present» N 57, November 1972, p. 124—125.*

¹² *Ibid., p. 154.*

крестьянства 1905—1907 гг. изображается преимущественно экономическим, аполитичным (Робинсон, Кип, Кларксон и др.), а сами крестьяне — темными, политически индифферентными, сохранявшими верность царскому самодержавию. И даже те историки (Уолкин, Кочен), которые признают наличие политических требований в крестьянском движении, полагают, что устремления крестьянства не шли дальше умеренно-либеральных реформ, и считают крестьянское движение по своей направленности консервативным. По мнению большинства буржуазных авторов, крестьянское движение не выходило за рамки существующего строя и ни в коей мере не угрожало царскому самодержавию.

Подобная трактовка вопроса свидетельствует об отрицании потенциальных революционных возможностей российского крестьянства. Искусственно ограничивая требования крестьянства рамками местных хозяйственных нужд, буржуазные авторы стремятся изолировать крестьянское движение от пролетарского, доказать «беспочвенность» большевистской аграрной программы, отсутствие объективной основы для союза рабочего класса и крестьянства.

Действительные факты свидетельствуют против подобных концепций.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что крестьянство России в первый же период русской революции создало «несравненно более сильное, определенное, политически сознательное»¹³ движение по сравнению с предыдущими буржуазными революциями XIX в. Это было связано прежде всего с тем, что в отличие от предшествующих буржуазных революций в Европе в революции 1905—1907 гг. гегемоном революционного движения выступил пролетариат во главе с партией большевиков. Героическая борьба российского пролетариата, выдвинувшего требования общенародного характера, не могла не вызвать сначала сочувственного отношения, а затем и прямой поддержки со стороны широких крестьянских масс. Требования трудового крестьянства в революции отвечали его коренным интересам, коренным интересам всей страны и, несмотря на свою мелкобуржуазную ограниченность, имели глубокое прогрессивное значение.

Требование крестьянства о ликвидации помещичьих

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 39—40.

латифундий вовсе не является консервативным, как это пытаются представить западные буржуазные историки. Помимо далеко идущих политических последствий в экономическом плане это требование означало освобождение российского сельского хозяйства от всех средневековых пут, которые налагало на него помещичье хозяйство, — отработок, испольщины, прочих видов голодной, полукрепостнической аренды. Расширение площади крестьянского землевладения, даже в условиях передельной общины, создавало предпосылки для последующей интенсификации агрикультуры, результатом чего должно было быть быстрое развитие капитализма и расслоение крестьянства.

Необходимо отметить, что и в условиях общинного землевладения крестьянство делало попытки улучшения агрикультуры. Уже в пореформенный период, когда началось применение естественных удобрений, крестьяне в ряде общин стали выделять особые полосы, «навозники», и исключать их из переделов¹⁴. Уникальным по интенсивности ведения своего хозяйства был Ростовский огородный район. Вопреки народническим представлениям об общине как носительнице равенства здешние общинные порядки предусматривали фактическое изгнание с надела тех крестьян, которые не в состоянии были вести хозяйство на должном уровне¹⁵.

Если подобные факты имели место в задавленной нищетой и эксплуатацией пореформенной деревне, то закономерно предположить их быстрое и широкое распространение в случае ликвидации полукрепостнической эксплуатации и утоления «земельного голода» в деревне.

Разумеется, существовавшее общинное надельное землевладение являлось тормозом для быстрого развития капитализма в сельском хозяйстве. «Для того, чтобы построить *действительно* свободное фермерское хозяйство в России, необходимо «разгородить» *все* земли, и помещичьи, и надельные, — писал В. И. Ленин. — Необхо-

¹⁴ «Доклад высочайше учрежденной Комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Приложение I. СПб., 1873, отд. I, стр. 164, 182; Н. Н. Вячеслав. Сведения о сельских поземельных общинах Казанской губернии. Казань, 1879, стр. 52; «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», т. I. СПб., 1880, стр. 361.

¹⁵ В. Воронцов (В. В.). Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве. СПб., 1892, стр. 157—158.

димо разбить *все* средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле. Необходимо облегчить в максимальной возможной степени обмен земель, расселение, округление участков, создание свободных новых товариществ на месте заржавевшей тягловой общины. Необходимо «очистить» всю землю от всего средневекового хлама»¹⁶.

Полная ликвидация помещичьего землевладения и национализация всей земли — таковы были условия для быстрого и широкого развития капитализма в российском сельском хозяйстве. Ликвидация помещичьего землевладения и национализация земли — таковы были требования широких слоев крестьянства в первой русской революции. Едва ли нужно доказывать, что эти требования были глубоко прогрессивными и отвечали подлинным интересам российского крестьянства. Советский историк Е. И. Кирюхина проанализировала 182 крестьянских приговора. В 146 приговорах говорилось о необходимости уничтожения частной собственности на землю и передаче всех помещичьих, казенных, церковных и других земель крестьянству. Крестьяне требовали также отмены выкупных платежей (115 приговоров), косвенных налогов и введения прямого подоходного налога (123)¹⁷.

Во всех приговорах крестьяне наряду с экономическими выдвигали требования политического характера. В 50 приговорах из 182 выдвигалось требование Учредительного собрания, в 123 — созыва на основе всеобщих, прямых и равных выборов при тайном голосовании Государственной думы, которая должна была обладать всеми законодательными правами; 106 приговоров требовали выборности всех властей сверху донизу, 83 — демократизации земства и расширения его прав; в 181 приговоре говорилось о необходимости установления свободы слова, собраний, союзов, стачек и т. п.; 109 приговоров требовали уничтожения сословий и уравнивания крестьян в правах с другими сословиями, 127 — амнистии политическим заключенным; в 146 приговорах говорилось о необходимости введения всеобщего бесплатного образования¹⁸.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 406.

¹⁷ Е. И. Кирюхина. Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. — «Исторические записки», т. 50, стр. 135.

¹⁸ Там же, стр. 174. См. также: «Приговоры крестьянских сход в Вологодской губернии в революции 1905—1907 гг.». — «Воло-

Органическое сочетание экономических и политических требований способствовало широкому размаху крестьянского движения, свидетельствовало о его глубоко демократическом характере. Крестьянское движение в годы первой русской революции являлось составной частью революционного освободительного движения в стране.

Неправомерно и безапелляционное утверждение буржуазных историков о полном незнакомстве крестьян с «ценностями демократии». Пропаганду этих ценностей в среде крестьянства постоянно вела демократическая сельская интеллигенция, да и сами условия пореформенной жизни — знакомство с городской жизнью, с классово-вой борьбой пролетариата, внутренняя перестройка крестьянского «мира» — подводили крестьян к знакомству с этими ценностями. В пореформенный период наблюдался быстрый распад больших патриархальных семей. В связи с этим произошло известное омоложение сельских сходов. Рост отходничества приводил к возрастанию роли женщин в сельском хозяйстве. На сельском сходе, заменяя отсутствующих мужей, появились женщины. В ряде мест сходы стали фактически отходить от принципа подворного представительства, стремясь охватить все взрослое население общины. И недаром местные власти с неудовольствием отмечали, что сельский сход превратился в «толпу со всеобщей подачей голосов». В условиях царизма крестьянство показало свое стремление воплотить в жизнь принцип всеобщей подачи голосов¹⁹. Демократическая сторона общины с особой силой сказалась в годы первой русской революции, когда община использовалась крестьянами как «аппарат для воздействия на помещичью усадьбу»²⁰.

Классовая борьба крестьянства, обусловленная глубокими социально-экономическими причинами, конечно, была направлена прежде всего против помещиков, в пер-

годский архив». Сб. документов и материалов, вып. 2. Вологда, 1963, стр. 30—40.

¹⁹ Подробнее см.: П. Н. Зырянов. Некоторые черты эволюции крестьянского «мира» в пореформенную эпоху. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971 г.». Вильнюс, 1974, стр. 383—385.

²⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 398 (В. И. Ленин приводит выражение социал-демократа, члена II Думы Г. А. Алексинского).

вую очередь являвшихся носителями всех форм полукрепостнического гнета в деревне. В годы революции в России произошло 5404 выступления против помещиков, что составляло 75,4% всех крестьянских выступлений.

Однако количество столкновений с властями, полицией и войсками только в центральных губерниях достигло также внушительной цифры — 1041, или 14,5% ²¹.

Кроме того, совершенно неправомерно разрывать и тем более противопоставлять борьбу крестьян против помещиков и борьбу против царской администрации. Помещик, против которого выступали крестьяне, мог быть местным земским начальником или предводителем дворянства, занимавшим центральное место в уездной администрации. Местным помещиком мог оказаться и полицейский исправник. Если даже помещик не занимал никаких административных постов, он, как член местной дворянской корпорации, играл известную роль в их замещении — в назначении земских начальников и выборах предводителей дворянства.

Таким образом, фактически борьба с царским правительством начиналась уже в столкновениях с помещиками. Когда же на помощь последним спешила царская администрация и происходили ее столкновения с крестьянами — крестьянское движение поднималось на новую ступень.

Конечно, в годы первой русской революции еще не все крестьянство осознало необходимость свержения самодержавия. Вместе с тем революция значительно продвинула вперед те изменения в сознании крестьян, которые начались еще раньше. Но если события 9 января заставили рабочих окончательно отказаться от монархических иллюзий, то в деревне этот процесс протекал медленнее и имел больше промежуточных стадий. Уходила в прошлое патриархальная вера в «царскую милость», склонявшая крестьян к пассивному ожиданию новых «указов». Далеко отошла в прошлое эпоха самозванцев, выдававших себя за «доброе», «истинного» царя. «До бога высоко, до царя далеко», — говорили теперь крестьяне и шли против помещиков и властей. Известия о кровавых экзекуциях превращали равнодушие к судьбам монархии в прямую враждебность. По существу выдвигавший-

²¹ С. М. Дубровский. Крестьянское движение в революции 1905—1907 гг. М., 1956, стр. 65.

ся крестьянами лозунг Учредительного собрания ставил под вопрос само существование монархии. Как писал В. И. Ленин, «монархизм мужика есть отмирающая наивность...»²². Это явилось одним из условий складывания революционного союза пролетариата и крестьянства; этот союз в свою очередь способствовал дальнейшему изживанию наивно-монархических иллюзий крестьянства. Серьезный удар по этим иллюзиям на втором этапе революции нанес двукратный разгон Думы.

Нельзя согласиться с трактовкой буржуазными историками и характера крестьянского движения в годы первой русской революции, которое рассматривается ими как нечто заданное, статичное, непреодолимо-стихийное явление.

Так, Робинсон подробно перечислил все традиционные формы крестьянского движения: запашки, порубки, поджоги помещичьих имений, захват помещичьей земли. Из новых форм крестьянского движения, проявившихся в годы первой русской революции, автором было замечено лишь образование Всероссийского Крестьянского союза. Однако, как утверждал Робинсон, между крестьянами и Крестьянским союзом имели место принципиальные расхождения: Союз, возглавляемый либеральной интеллигенцией, призывал в основном к борьбе с самодержавием, а крестьяне, согласно авторской схеме, боролись только с помещиками за землю. В итоге Робинсон делал заключение, что Крестьянский союз фактически не руководил крестьянским движением, а лишь следовал за ним²³.

По мнению Уолкина, пока «индивидуальный крестьянин не был сделан полноправным гражданином, свободным от деспотического контроля общины», крестьянство «оставалось потенциально разрушительной анархичной силой». Под этим углом зрения Уолкин рассматривает все крестьянское движение 1905—1907 гг. Считая вспышки крестьянских волнений бесплодными и бесперспективными, он вообще склонен отрицать их значение для хода революции²⁴.

Аналогичную точку зрения высказывает Кип, который утверждает, что отличительной чертой крестьянского

²² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 425—426.

²³ G. Robinson. Op. cit., p. 160—163, 170—173.

²⁴ G. Walkin. Op. cit., p. 107, 206—208.

движения являлись анархичность, стихийность и неконтролируемость. Кип по существу отрицает связь Крестьянского союза с крестьянским движением, считая, что «лишь немногих из его делегатов можно было считать подлинными выразителями крестьянских воззрений». В книге Кипа вскользь упоминаются крестьянские комитеты, но автор не придает им особого значения и в конце концов делает вывод, что «аграрное движение по существу не было политическим явлением»²⁵.

Трактовка Коченом крестьянского движения крайне противоречива. С одной стороны, он подчеркивает силу и размах крестьянских выступлений, а с другой — преуменьшает организованность и сознательность крестьянской борьбы²⁶. В отличие от Кипа Кочен не отрывает Крестьянский союз от крестьянского движения, подчеркивая при этом, что инициатива создания Союза исходила главным образом от самих крестьян. Казалось бы, что из этой правильной посылки должен был следовать вывод о единстве программных требований Крестьянского союза и всего остального крестьянства, однако Кочен безоговорочно противопоставляет программу Союза требованиям крестьян. В конечном итоге крестьянское движение, по воле автора, оказывается стихийным, локальным и неорганизованным.

М. Перри также считает, что на всем протяжении революции 1905—1907 гг. проблема организации крестьянского движения так и не была решена. Крестьяне больше полагались на свои локальные «прямые действия, чем на подготовку к иллюзорному национальному вооруженному восстанию, обещанному революционерами»²⁷.

Стихийность, анархизм и насилие — таковы, в изображении западных буржуазных авторов, важнейшие черты крестьянского движения. Эти историки, как правило, не «замечают» новые формы организации, выдвинутые российским крестьянством в ходе революции. Крестьянский союз произвольно отрывается от крестьянского движения и противопоставляется последнему. Исходя из всей суммы подобных представлений о крестьянстве, американский историк Л. Волин охарактеризовал крестьянские выступления как «русский бунт, бессмысленный и бес-

²⁵ J. L. H. Keep. Op. cit., p. 160—161, 267—171.

²⁶ L. Kochan. Op. cit., p. 103.

²⁷ «Past and Present» N 57, November 1972, p. 154.

пошадный»²⁸. Этой тенденциозной концепции более или менее последовательно придерживается большинство западных буржуазных историков, игнорируя противоречивые ей факты.

Мы видели, что западные авторы почти не останавливаются на вопросе о крепостнических пережитках в деревне и эксплуатации крестьянства со стороны помещиков. Гораздо охотнее буржуазные авторы описывают разгромы помещичьих усадеб. Между тем это были тесно взаимосвязанные явления. Между крестьянами и помещиками шла настоящая война, виновниками ее были помещики, цеплявшиеся за свои привилегии, свою власть, свои крепостнические доходы. В. И. Ленин рассматривал уничтожение крестьянами помещичьих гнезд, являвшихся опорными пунктами собственно помещиков и царских властей, как вполне закономерное явление, представлявшее собой одну из форм решительной борьбы крестьянства в период первой русской революции. Ленин подчеркивал, что «с военной точки зрения для достижения известных военных целей уничтожение — напр., сожжение зданий, а иногда и имущества — есть мера вполне законная и обязательная в известных случаях. Только педанты (или изменники народу) могут особенно оплакивать то, что крестьяне прибегают всегда к таким средствам»²⁹.

О размахе и массовости указанной формы крестьянской борьбы в революции 1905—1907 гг. свидетельствует количество разгромленных помещичьих имений. По данным В. И. Ленина, было разгромлено около 2 тыс. имений. В докладе о революции 1905 г. Ленин высказал сожаление, что «крестьяне уничтожили тогда... только пятнадцатую часть того, что они *должны* были уничтожить, чтобы до конца стереть с лица русской земли позор феодального крупного землевладения»³⁰.

Вопреки утверждениям буржуазных историков борьба крестьян по мере развития революции становилась все более сознательной, целенаправленной.

В годы революции участились случаи согласованных выступлений целых групп соседствующих селений с едиными требованиями и единой программой действий. В Воронежской губернии, например, бывали случаи, ког-

²⁸ «Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernisation of Revolution?». Boston, 1965, p. 67.

²⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 319.

³⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 322.

да подобными выступлениями охватывалось до семи селений³¹. Такие выступления требовали новых форм организации.

Уже летом 1905 г. широкое распространение получили массовые митинги и демонстрации крестьян, часто проходившие под руководством пролетариата³². В конце 1905 г. стали создаваться крестьянские комитеты, организаторами которых нередко выступали приехавшие из города рабочие. Эти комитеты, избранные на демократической основе, часто объединяли уже несколько селений. Так, например, семь крестьянских комитетов, избранных жителями 31 селения Нижегородского уезда, постановили не признавать земских начальников и полицию, требовать свободного владения землей. В это же время в Латвии вместо старых волостных правлений стали создаваться крестьянские распорядительные комитеты³³.

Крестьянские комитеты возникли и в других районах страны. В. И. Ленин считал революционные крестьянские комитеты зачаточными органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в деревне и рассматривал их организацию как «призыв к тому, чтобы крестьяне сами немедленно и непосредственно расправились с чиновниками и помещиками самым решительным образом»³⁴.

Высшей формой крестьянских организаций в годы революции явились Советы крестьянских депутатов. Так, например, в конце 1905 г. под руководством Тверского комитета РСДРП был организован Совет крестьянских депутатов в Новинской волости Тверского уезда. В исполнительный комитет Совета вошло трое крестьян и двое рабочих для связи с рабочим движением³⁵. В 1906 г. были попытки создания Советов крестьянских депутатов в некоторых местах Украины на базе стачечных комитетов.

³¹ В. А. Степынин. Об участии бывших государственных крестьян в революции 1905—1907 гг. (По материалам Воронежской губернии). — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г.». Вильнюс, 1974, стр. 365—366.

³² Подробнее см.: В. И. Тропин. Борьба большевиков за руководство крестьянским движением в 1905 г. М., 1970, стр. 82—83.

³³ Там же, стр. 121—123.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 363.

³⁵ Об этом см.: С. М. Дубровский. Указ. соч., стр. 92; М. И. Константинов. Борьба большевиков за создание революционных крестьянских комитетов.

Зародышем новой революционной власти явились и «крестьянские республики». Такие республики в период высшего подъема революции возникли в Московской губернии — Марковская, в Харьковской — Люботинская, в Самарской — Старо-Буянская, в Грузии — в Озургетском уезде, а также Горийская, Квирильская и Сванетская³⁶. Деятельность крестьянских комитетов и «республик» убедительно показывала, что «крестьянство выступает сознательным творцом нового уклада русской жизни»³⁷. В возникновении Советов и «республик» наглядно проявился рост классовой сознательности крестьянства, процесс превращения крестьянина из наивного монархиста в радикального республиканца. Все это свидетельствовало о революционно-демократическом характере крестьянского движения, об его огромных возможностях как союзника пролетариата в буржуазно-демократической революции.

В годы революции крестьянство предприняло попытки организовать в национальном масштабе. Следует подчеркнуть большое значение создания Всероссийского крестьянского союза. Попытки некоторых буржуазных авторов оторвать Крестьянский союз от крестьянского движения искажают сущность происходивших событий. Как известно, в организации Союза важную роль сыграла инициатива московских крестьян, представлявших собой один из наиболее сознательных и политически развитых отрядов крестьянства. В ответ на попытку властей заполучить от крестьян верноподданнический «адрес» московские крестьяне собрались на съезд и выступили с призывом создать всероссийскую крестьянскую организацию³⁸.

Всероссийский крестьянский союз с первых же дней своего существования проявил себя как массовая, народная организация, «безусловно революционная в своей основе, способная применять действительно революционные методы борьбы, не суживавшая, а расширявшая размах политического творчества крестьянства, выдвигавшая на сцену самих крестьян с их ненавистью к чиновникам и помещикам, а не полунинтеллигентов, которые

яских комитетов в 1905 г. (На материалах Тверской губернии). — «Вопросы истории КПСС», 1965, № 11.

³⁶ В. И. Тропин. Указ. соч., стр. 125—126.

³⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 94.

³⁸ «Исторические записки», т. 50, стр. 97.

так часто бывают склонны сочинять всякие проекты сделок между революционным крестьянством и либеральными помещиками»³⁹. Всероссийский крестьянский союз был одной из самых «могучих реальностей». Его организация и деятельность были непосредственно связаны с нарастанием пролетарского и крестьянского движения в стране. По данным Е. И. Кирюхиной, к ноябрю 1905 г. Всероссийский крестьянский союз насчитывал 111 волостных и 359 сельских организаций, в которых состояло около 200 тыс. человек⁴⁰. Это была отнюдь не «интеллигентская», а массовая крестьянская организация.

Низовые организации Союза возглавляли борьбу крестьян против помещиков, а также принимали меры к удалению полиции, прекращению набора в армию, организации охраны населения, проведению в жизнь «Финансового манифеста», принятого Петербургским Советом и поддержанного центральным руководством Союза. Все эти меры были направлены уже непосредственно против правительства. Отдельные комитеты Союза действовали как органы власти на местах⁴¹.

Следует отметить, что большевики принимали активное участие в создании и деятельности низовых организаций Союза. Так, например, три уездных съезда Саратовской губернии прошли под руководством аграрной группы Саратовского комитета РСДРП, а также местных социал-демократических групп⁴². На общероссийских съездах Союза под давлением делегатов с мест принимались резолюции революционно-демократического характера. Е. И. Кирюхина считает, что II съезд Всероссийского крестьянского союза, проходивший в ноябре 1905 г., «был по существу началом краха попыток либеральной буржуазии захватить гегемонию над крестьянством»⁴³.

Крестьянскому союзу не удалось окончательно освободиться из-под влияния либералов, как не удалось полностью охватить своим руководством крестьянское дви-

³⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 334.

⁴⁰ «Исторические записки», т. 50, стр. 133.

⁴¹ Там же, стр. 136—137.

⁴² Там же, стр. 133. См. также: Е. И. Кирюхина. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 году. — «Ученые записки Кировского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина». Вып. 10. Киров, 1956, стр. 83—157.

⁴³ Е. И. Кирюхина. Указ. соч., стр. 125.

жение 1905—1907 гг. Однако создание Союза с разветвленной сетью местных организаций явилось небывалым явлением в истории крестьянского движения в России, показавшим возросшую степень его сознательности и организованности.

На втором этапе революции началось создание крестьянской партии — партии трудовиков. Тот факт, что крестьянские депутаты в I Государственной думе решили создать самостоятельную фракцию, уже сам по себе свидетельствовал о недоверии крестьян к «господской партии» — кадетам ⁴⁴. Трудовики представляли собой крестьянскую демократическую организацию, которая в своем известном думском «проекте 104-х» отразила подлинные революционно-демократические земельные требования всего российского крестьянства ⁴⁵. В. И. Ленин назвал «проект 104-х» выдающимся продуктом «политической мысли крестьянской массы в одном из важнейших вопросов крестьянской жизни» ⁴⁶, «главной и основной платформой всего российского крестьянства, выступающего как сознательная общественная сила» ⁴⁷.

В I Думе трудовики сделали дальнейший шаг и в своем политическом развитии. Постепенно освобождаясь от конституционных иллюзий, трудовики пришли к выводу о неизбежности борьбы народа с правительством вне Думы. В результате политической эволюции трудовиков после разгона I Думы возник Комитет трудовой группы, который принял последовательно революционно-демократическую программу, одобрил революционную тактику и пошел на полный разрыв с кадетами и союз с революционными партиями ⁴⁸.

И наконец, остановимся на вопросе о составе крестьянского движения в освещении буржуазных авторов. Несмотря на свою значимость для правильного понимания классового содержания, направленности и перспектив развития крестьянского движения, этот вопрос довольно редко рассматривается в буржуазной историографии. Как

⁴⁴ Об этом см.: Д. А. Колесниченко. Возникновение и деятельность Трудовой группы. — «История СССР», 1967, № 4, стр. 76—89.

⁴⁵ Подробно о «проекте 104-х» см.: Д. А. Колесниченко. Аграрные проекты Трудовой группы в I Государственной думе. — «Исторические записки», т. 82, стр. 40—88.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 42.

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 245.

⁴⁸ Д. А. Колесниченко. Политическая эволюция трудовиков в 1906 г. — «Исторические записки», т. 92, стр. 84—106.

правило, большинство буржуазных авторов считает, что крестьяне действовали «скопом», всей массой. Правда, в последнее время в англо-американской литературе наметилась тенденция изобразить среднее, «традиционное» крестьянство в качестве руководителя крестьянского движения в целом. Отметим, что подобная тенденция не случайна. Сторонники этой точки зрения пытаются сгладить противоречия между беднейшим крестьянством и кулачеством с тем, чтобы в конечном итоге «опровергнуть» концепцию двух социальных войн в деревне.

М. Перри подчеркивает, что «в большинстве случаев крестьяне участвовали в движении всей общиной, со всеми ее социально-экономическими прослойками». Однако вместе с тем автор замечает, что некоторые прослойки были активнее других. Основываясь на довольно узком круге источников (в основном данные опроса, произведенного Вольным экономическим обществом), Перри приходит к общему выводу, что наиболее стабильным было участие во всех формах движения среднего крестьянства. Крайние же социальные слои деревни, бедные и богатые, занимали «колеблющуюся позицию». При этом беднейшие и безземельные крестьяне были более расположены принимать участие в забастовках наемных рабочих и стачках арендаторов, а богатые — в «разграблениях», если сами не становились объектом атак⁴⁹. Таким образом, смешивая две социальные войны в деревне, Перри приходит к выводу о ведущей роли среднего крестьянства в революционном движении на селе.

Настаивая на своем выводе, Перри пытается подвергнуть сомнению положение о двух социальных войнах в деревне. По ее мнению, в эту концепцию не укладываются довольно частые случаи, когда против кулаков выступало то же самое общинное крестьянство, которое вело войну против помещиков. «Более адекватно», утверждает Перри, движение против кулаков объясняли эсеры, считавшие все крестьянское движение в деревне классово-вой борьбой эксплуатируемых против эксплуататоров. Вместе с тем Перри отмечает, что эсеры не смогли дать удовлетворительного объяснения тем случаям, когда кулаки совместно с другими крестьянами выступали против помещиков. «Приблизительные обобщения партийных политических формулировок», как полагает Перри,

⁴⁹ «Past and Present» N 57, November 1972, p. 138—143.

не могли объяснить то состояние «текучести», в котором находилась российская деревня в начале XX в.⁵⁰

Точка зрения буржуазных авторов об отсутствии двух социальных войн в годы первой русской революции не выдерживает критики при малейшем соприкосновении с действительными историческими фактами. Следует подчеркнуть, что между первой и второй социальными войнами отнюдь не существовало «китайской стены». В конкретной исторической обстановке, когда капиталистические и полукрепостнические формы эксплуатации тесно переплетались, нередко происходило и переплетение двух социальных войн. Так, например, забастовки сельскохозяйственных рабочих несли в себе элементы обеих социальных войн. Поскольку это было столкновение сельскохозяйственного рабочего с капиталистом-предпринимателем — налицо была вторая социальная война. Вливаясь в общий поток борьбы крестьянства с помещичьим землевладением, эти выступления вписывались в контекст первой социальной войны.

Но и борьба крестьянства против сельской буржуазии нередко несла в себе элементы первой социальной войны. В конкретной обстановке российской деревни кулачество также не пренебрегало кабально-отработочными формами эксплуатации, сочетая их с зачатками чисто капиталистических методов хозяйствования. Весьма часто основным занятием сельской буржуазии являлись торгово-ростовщические операции, надел же обрабатывался крестьянами, закабляемыми при помощи подобных операций. Определенная часть сельской буржуазии, таким образом, эволюционировала по прусскому (гроссбауэрскому) пути, а не по американскому (фермерскому), отстаивала тот тип аграрной эволюции, который отвечал интересам помещиков⁵¹. Не удивительно, что в ряде случаев кулаки выступали в защиту помещичьих экономий⁵², а среднее крестьянство, которое вело борьбу с помещиками, в ряде случаев выступало против кулаков.

В столкновениях с кулаками элементы второй социальной войны были ведущими там, где произошло значительное расслоение деревни, где движение возглавлялось беднейшей частью деревни. Показательным в этом

⁵⁰ Ibid., p. 143—144.

⁵¹ К. Н. Тарновский. Проблемы аграрно-капиталистической эволюции России. — «История СССР», 1970, № 3, стр. 60—78.

⁵² С. М. Дубровский. Указ. соч., стр. 89.

отношении было выступление крестьян против кулаков в с. Пески Новохоперского уезда Воронежской губернии. Как докладывал местный исправник, в этом селе с десяти тысячным населением движение было вызвано «озлоблением беднейшей части крестьян к состоятельным односельчанам»⁵³.

Наличие в российской деревне второй социальной войны явилось отражением тех качественных сдвигов, которые произошли в экономике страны в пореформенную эпоху и особенно усилились с вступлением России в период империализма. Вторая социальная война была еще одним элементом «нового», которое несло в себе крестьянское движение в 1905—1907 гг. и которого не желают видеть буржуазные авторы. И это понятно, ведь признание наличия в деревне второй социальной войны, а стало быть, и сравнительно высокого уровня классовой сознательности российского крестьянства, его огромных потенциальных революционных возможностей, способности в союзе с рабочим классом вести решительную и последовательную борьбу за свое политическое и социальное освобождение полностью противоречит буржуазным концепциям о непреодолимой стихийности, анархизме крестьянского движения в годы первой русской революции.

2. Союз рабочего класса с крестьянством

Как уже отмечалось, буржуазные историки изображают революционное крестьянское движение в годы первой русской революции в качестве стихийного «бунта», который развивался вне связи со «стихийным» же рабочим движением. Эти авторы пытаются доказать, что революция 1905—1907 гг. представляла собой не единый процесс, а «серию параллельно развивающихся изолированных «мятежей» в городах и отдельных сельских местностях». «...Не было и не могло быть полного согласия ни в направлении, ни в степени желаемых перемен, — писал Дж. Робинсон, — и в конкретном и позитивном смысле развивалась не одна революция, но целая серия параллельных революций»⁵⁴.

⁵³ «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971 г.», стр. 363.

⁵⁴ G. T. Robinson. *Op. cit.*, p. 164.

Суть идеи так называемых параллельных революций сводится к доказательству полного отсутствия не только прочного союза рабочего класса с крестьянством, но и какого-либо единства между ними по программным и тактическим вопросам. По мнению ряда буржуазных авторов, для периода 1905—1907 гг. вообще не существует проблемы союза рабочего класса с крестьянством. Признавая известные контакты между рабочими и крестьянами, они пытаются изобразить эти контакты как обычное, повседневное проявление связи «рабочих-крестьян» с «миром» своей деревни.

Другим направлением фальсификации сущности взаимоотношений рабочего класса и крестьянства в ходе революции 1905—1907 гг. является утверждение буржуазных авторов об отсутствии влияния социал-демократической партии не только на рабочий класс, но и особенно на крестьянство. Смысл этого (и подобных) утверждений очевиден: «доказать», что социал-демократы оказались «полностью изолированными» от крестьянства, а их программа не отвечала его подлинным интересам. Подобная концепция является настолько традиционной и широко распространенной в англо-американской историографии, что на ее рассмотрении необходимо остановиться более подробно.

В отличие от многих современных буржуазных авторов Робинсон прямо не отрицал того факта, что еще до революции 1905—1907 гг. социалистические партии (социал-демократы и эсеры) вели работу среди крестьянства. При этом автор искусственно делил географию влияния социал-демократов и эсеров. По его мнению, первые проводили работу главным образом среди крестьянства Закавказья и Прибалтики, а сферой влияния эсеров являлся Черноземный центр, где сохранялось общинное землевладение. Однако, отмечал Робинсон, «деятельность обеих партий в основном заключалась в ограниченном распространении революционных листовок и в других формах агитации, и лишь самые зачаточные формы партийной организации были созданы среди крестьян».

Социал-демократы, утверждал Робинсон, на II съезде РСДРП включили аграрный вопрос в Программу исключительно из тактических соображений, рассчитывая тем самым использовать в своих целях крестьянскую борьбу с помещиками, что оказало бы неоценимую по-

мощь «во время пролетарской атаки на правительство»⁵⁵.

На всем протяжении своего исследования Робинсон пытался убедить читателя в том, что стихийное крестьянское движение «тащило» за собой социал-демократов, которые «не успевали» «обновлять» лозунги и координировать свои действия относительно крестьянства. Вообще, по мнению Робинсона, крестьянское движение застало социал-демократов «врасплох» и вместо выработки определенной позиции партия продолжала «дебатировать вопрос о ценности и значении крестьянского движения». В свете этих утверждений Робинсон сделал попытку дать «объяснение» причине появления на III съезде РСДРП резолюции по крестьянскому вопросу. Вопреки очевидным фактам автор стремился доказать, что большевики якобы были вынуждены под влиянием стихийного крестьянского движения и чуть ли не вопреки себе пересмотреть свою аграрную программу. Однако и в этом случае, по мнению автора, большевики обязались лишь «поддерживать» крестьянское движение, а не руководить им. При этом большевики якобы имели в виду «скорее разрушительные, нежели созидательные, возможности движения, которое по крайней мере может подорвать власть помещиков и косвенно — самодержавия».

Большевиков, утверждал Робинсон, интересовал главным образом вопрос о подготовке вооруженного восстания и исключительно для поддержки восстания против самодержавия они «призывали крестьян и сельский пролетариат к коллективному отказу платить налоги, доставлять рекрутов или исполнять приказы и распоряжения правительства и его агентов»⁵⁶. Фактически Робинсон пытался свести всю работу III съезда РСДРП главным образом к постановке двух вопросов: о вооруженном восстании и создании временного революционного правительства.

Бесспорно, эти вопросы являлись кардинальными вопросами стратегии и тактики большевистской партии в революции 1905—1907 гг. Но нельзя забывать и другое, что решение именно этих вопросов могло быть успешным только в том случае, если пролетариату удастся создать прочный союз с крестьянством и совместными

⁵⁵ Ibid., p. 142.

⁵⁶ Ibid., p. 157—158.

действиями уничтожить самодержавие и установить революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Однако об этой стороне проблемы Робинсон предпочитал не говорить, ибо признание органической связи рабочего и крестьянского движения как объективной основы для победы над самодержавием показало бы всю искусственность и порочность построений его надуманной концепции. Вопреки очевидным фактам Робинсон пришел к общему выводу: большевистская программа и тактика «в очень небольшой степени были пригодны для призывов к жаждущему земли крестьянству»⁵⁷. Большевики якобы рассчитывали использовать «стихийное» крестьянское движение в качестве второстепенного, вспомогательного «тарана» для достижения своих целей.

Наиболее прямолинейно и неприкрыто концепция об отсутствии связи между социал-демократией и крестьянским движением проведена в работах Вернадского и Кипа, которые сознательно искажают политику большевиков в аграрном вопросе, категорически отрицают союз рабочего класса и крестьянства в первой русской революции. Так, Кип утверждает, что влияние всех политических партий и организаций на крестьянство было невелико. При этом он ссылается на меньшевика П. Маслова, который писал, что крестьяне соглашались с любым приехавшим к ним оратором, был ли то эсер или социал-демократ. Однако, подчеркивает Кип, там, где был «элемент сознательного выбора, предпочтение явно отдавалось эсерам»⁵⁸. Кип пытается убедить читателя в том, что Программа РСДРП была приспособлена исключительно к нуждам промышленных рабочих. «Она, — пишет Кип, — обращалась к крестьянам в основном как к гражданам, выдвигая вперед различные «общедемократические» требования, а не первостепенной важности земельный вопрос»⁵⁹. Из этой посылки Кип делает вывод о том, что Программа РСДРП якобы не отвечала подлинным интересам крестьянства, движение которого развивалось «вне сферы» социал-демократии. Смешивая воедино позицию большевиков и меньшевиков по аграрному вопросу, Кип стремится доказать, что социал-де-

⁵⁷ Ibid., p. 158.

⁵⁸ J. L. H. Keep. Op. cit., p. 270.

⁵⁹ Ibidem.

мократы «боялись крестьянско-аграрной революции» и считали крестьян «реакционерами». «Ни схема большевиков, ни схема меньшевиков, — отмечает Кип, — не годилась для призывов к крестьянам, которые удовлетворялись бы только полным распределением экспроприированной земли между крестьянскими дворами, и этот их взгляд поддерживался эсерами и Крестьянским союзом»⁶⁰.

Откровенная фальсификация проблемы взаимоотношений социал-демократов с крестьянством в первой русской революции не удовлетворяет многих буржуазных исследователей. В современной, особенно английской, литературе наметилась тенденция к известному пересмотру этих оценок.

Так, английский историк Кочен не отрицает наличия контактов между Петербургским Советом рабочих депутатов и Всероссийским крестьянским союзом, более внимательно подходит к проблеме взаимоотношений социал-демократии с крестьянским движением. И тем не менее и Кочен недооценивает влияния пролетарской борьбы на развитие крестьянского движения и в итоге изображает его как изолированное от рабочего движения⁶¹.

Во многом близкую точку зрения проводит М. Перри. До 1905 г. социал-демократы «осторожно» относились к крестьянству (до весны 1905 г. интерес социал-демократов к крестьянству носил главным образом теоретический характер), утверждает она, а их влияние не простиралось далее районов, непосредственно соседствующих с промышленными предприятиями». Только после III съезда РСДРП, пишет Перри, «партия, по настоянию Ленина, стала придерживаться более радикальной политики», однако в практическом отношении съезд сыграл сравнительно незначительную роль в мобилизации местных социал-демократических организаций, их влияние «на крестьянство было ограниченным»⁶².

Приведенные высказывания буржуазных авторов свидетельствуют о том, что и в современной западной буржуазной историографии продолжают бытовать давно опровергнутые практикой революционной борьбы утверждения либеральных, меньшевистских и эсеровских авторов об отсутствии в период первой русской революции

⁶⁰ Ibid., p. 271.

⁶¹ L. Kochan. Op. cit., p. 87—89, 101—103.

⁶² «Past and Present» N 57, November 1972, p. 147—149

союза рабочего класса и крестьянства, о крайне незначительном влиянии социал-демократов, и особенно большевиков, на развитие крестьянского движения. Чтобы подкрепить свои постулаты, буржуазные авторы искажают аграрную программу большевистской партии, решения III и IV съездов РСДРП по аграрному вопросу.

Выше уже отмечалось, что домыслы либеральных, меньшевистских и эсеровских авторов, подхваченные современной буржуазной историографией, были подвергнуты решительной и бескомпромиссной критике В. И. Лениным. Так, критикуя утверждения эсеров о том, что будто бы «союз сил городского пролетариата и трудового крестьянства... существовал пока в идее», В. И. Ленин писал: «Союз сил пролетариата и крестьянства не «в идее существовал» и не «едва начал воплощаться в жизни», а характеризовал весь первый период русской революции, все крупные события 1905—1907 годов. Октябрьская стачка и декабрьское восстание, с одной стороны, крестьянские восстания на местах и восстания солдат и матросов были именно «союзом сил» пролетариата и крестьянства. Этот союз был стихийен, неоформлен, часто несознан. Эти силы были неорганизованы достаточно, были раздроблены, были лишены действительно руководящего центрального руководства и т. д., но факт «союза сил» пролетариата и крестьянства, как главных сил, проломивших брешь в старом самодержавии, бесспорен. Не поняв этого факта, нельзя ничего понять в «итогах» русской революции»⁶³.

К проблеме союза пролетариата и крестьянства в революции 1905—1907 гг. В. И. Ленин возвращался неоднократно. В статье «Революция и контрреволюция» Ленин, касаясь непосредственно роли пролетариата в руководстве крестьянским движением, писал: «Роль вождя этой (крестьянской. — *Авт.*) массы в борьбе против крепостников-помещиков и царского самодержавия уже выполнена пролетариатом в общенациональном масштабе, и никакие силы не совлекут теперь рабочей партии с верного пути»⁶⁴.

В общенациональном масштабе союз рабочего класса и крестьянства обеспечивался тем, что конечная задача крестьянства в буржуазно-демократической рево-

⁶³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 342.

⁶⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 125.

люции (уничтожение самодержавия и крепостничества, конфискация помещичьих земель) целиком совпадала с программой-минимум рабочего класса, руководимого партией большевиков.

Известно, что социал-демократическая аграрная программа была принята еще до революции, на II съезде РСДРП в 1903 г. Ее исходным пунктом было требование о возвращении крестьянам отрезков. Это требование вытекало из необходимости ликвидации пережитков крепостничества, тормозивших развитие производительных сил и мешавших развертыванию классовой борьбы в деревне. Возвращение отрезков В. И. Ленин рассматривал лишь как начало решения аграрного вопроса. Он указывал, что требование возвращения отрезков есть та «дверь», в которую «прежде всего надо выйти *для того, чтобы идти дальше*, для того, чтобы по открытой, по широкой дороге идти *до самого конца*, до полного освобождения всего трудящегося рабочего народа на Руси»⁶⁵. В дальнейшем, в момент возможного революционного восстания, В. И. Ленин предлагал выдвинуть требование национализации земли. Такая последовательность в решении аграрного вопроса в период разработки и принятия Программы РСДРП была вполне закономерна и логична. В эпоху политического рабства требование возвращения отрезков было своего рода разведкой, насколько крестьянство готово выступить на борьбу с помещичьим землевладением, проверкой, в каком направлении пойдет эта борьба⁶⁶.

Другим важным элементом аграрной программы, принятой на II съезде РСДРП, являлся пункт о создании крестьянских комитетов, которые должны были взять в свои руки решение земельного вопроса. Разъясняя необходимость крестьянских комитетов, В. И. Ленин писал, что, пока крестьяне не возьмут свою судьбу «в *свои собственные* руки», их всегда будут эксплуатировать и притеснять помещики и чиновники⁶⁷.

Ряд других требований также был направлен на ликвидацию остатков крепостничества в деревне: отмена выкупных и оброчных платежей и всяких повинностей,

⁶⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 190.

⁶⁶ Подробнее об этом см.: С. П. Трапезников. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос, в 2-х томах, т. 1. Ленинские аграрные программы в трех русских революциях. М., 1974, стр. 92—95.

⁶⁷ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 180.

падающих на крестьянство; возвращение крестьянам де-нежных сумм, взятых с них в виде этих платежей; отмена законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его земель: понижение непомерно высокой арендной платы и объявление недействительными кабальных сделок и т. д.⁶⁸

Таким образом, в аграрной части программы-минимум на первый план выдвигалась мысль о необходимости устранения пережитков крепостного права, оставленных «великим освобождением» 1861 г., о подготовке крестьянства к участию в буржуазно-демократической революции. В то же время аграрная программа марксистской партии была неразрывно связана с исторической перспективой борьбы за социализм. «И для того, чтобы облегчить впоследствии нашим батракам и полубатракам переход к социализму, — подчеркивал Ленин, — крайне важно, чтобы социалистическая партия *сейчас же* начала «вступаться» за мелкое крестьянство, делая для него «все возможное» с ее стороны, не отказываясь от участия в решении наболевших и запутанных «чужих» (не-пролетарских) вопросов, приучая всю трудящуюся и эксплуатируемую массу видеть в себе своего вождя и представителя»⁶⁹.

Итак, революционная марксистская партия еще задолго до первой русской революции имела научно обоснованную аграрную программу, отвечавшую подлинным интересам широких крестьянских масс. Этот неопровержимый исторический факт противоречит утверждениям английских и американских буржуазных авторов о том, что социал-демократическая программа была «теоретична», «далека» от подлинных интересов крестьянских масс.

Вполне также закономерно, что аграрная программа марксистской партии не могла оставаться «неподвижной» и должна была корректироваться в связи с новыми условиями, сложившимися в ходе первой русской революции. Учитывая эти новые условия, В. И. Ленин выдвинул перед партией две главные политические задачи: во-первых, способствовать расширению революционно-демократического крестьянского движения и обеспечить соединение его с революционной борьбой рабочего класса;

⁶⁸ См. «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 65—66.

⁶⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 333.

во-вторых, добиваться непрерывности развития революционного процесса, доведения буржуазно-демократической революции до полной победы народа и перевода ее на рельсы социалистической революции⁷⁰. Эти задачи были обсуждены на III съезде РСДРП.

Исходя из идеи гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и опираясь на опыт начавшегося крестьянского движения в стране, III съезд РСДРП принял развернутую программу борьбы за укрепление союза рабочего класса и крестьянства.

Действительно, III съезд РСДРП в резолюции «Об отношении к крестьянскому движению» оценил его как стихийное и политически бессознательное выступление. Однако этот вовсе не означает «игнорирования» большевиками крестьянского движения, как это пытаются изобразить буржуазные авторы. Наоборот, съезд обязал все партийные организации «пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель...»⁷¹. Тем самым III съезд РСДРП под влиянием нараставшего крестьянского движения в стране углубил аграрную программу, принятую на II съезде партии. В требовании конфискации помещичьих и других земель нашла свое отражение линия большевиков на союз рабочего класса с крестьянством в первой русской революции 1905—1907 гг.

Для упрочения этого союза III съезд РСДРП принял решение о внесении политического сознания в крестьянское движение. «Крестьяне смутно сознают, что им надо, но связать свои пожелания и требования с общим политическим строем они не умеют, — писал Ленин. — Поэтому их всего легче могут обмануть политические мошенники, перенося вопрос с политических преобразований на экономические «улучшения», которые на деле неосуществимы без политических преобразований»⁷². III съезд партии выдвинул в качестве практического лозунга агитации среди крестьянства и как средство внесения классового сознания в крестьянское движение не-

⁷⁰ С. П. Трапезников. Указ. соч., т. 1, стр. 130—138.

⁷¹ «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 117.

⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 154.

медленную организацию революционных комитетов. Главная задача этих комитетов, подчеркивалось в резолюциях съезда, состояла не только в устранении всех остатков крепостничества в деревне, но и в проведении революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета ⁷³. В. И. Ленин связывал создание революционных крестьянских комитетов с осуществлением лозунга революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

III съезд РСДРП рекомендовал всем партийным организациям проводить в деревне политические демонстрации, агитировать крестьян за отказ от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности, постановлений и приказаний царского правительства и его властей. Вместе с тем съезд специально подчеркнул необходимость дальнейшего развития политической сознательности сельского пролетариата, который являлся надежным союзником пролетариата не только в период буржуазно-демократической, но и в период социалистической революции. Исходя из этого резолюция съезда нацеливала партийные комитеты на создание самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснение ему непримиримой противоположности его интересов интересам сельской буржуазии. III съезд РСДРП рекомендовал добиваться проведения представителей сельского пролетариата в крестьянские комитеты ⁷⁴.

С принципиально иных позиций подходили к решению аграрно-крестьянского вопроса меньшевики. Резолюция меньшевистской конференции «О работе среди крестьян» не содержала революционных лозунгов, которые бы звали крестьян на решительную борьбу против самодержавия и помещиков ⁷⁵.

Особенно остро борьба большевиков с меньшевиками по аграрному вопросу развернулась на IV (Объединительном) съезде РСДРП в апреле 1906 г. Аграрная программа, которую В. И. Ленин защищал на съезде, сводилась к следующему: 1) конфискация всех церковных, монастырских, государственных, кабинетских и помещичьих земель; 2) учреждение выборных крестьянских коми-

⁷³ См. «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 117.

⁷⁴ См. там же.

⁷⁵ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 61; С. П. Трапезников. Указ. соч., т. 1, стр. 134—138.

тетов для уничтожения всех следов помещичьей власти и помещичьих привилегий, для фактического распоряжения захваченными землями; 3) при определенных политических условиях (решительная победа революции и установление демократической республики) национализация всех земель. Лозунг национализации земли отвечал коренным интересам борьбы за революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, за создание необходимых условий для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую⁷⁶. Программа же муниципализации земли, выдвинутая на съезде меньшевиками, носила половинчатый, реформистский характер, была направлена на приспособление к половинчатому исходу революции.

Муниципализация земли суживала размах крестьянского движения, втискивая его в провинциальные рамки. Такое решение аграрного вопроса отражало пройденный этап, отставало от фактического размаха крестьянского движения, которое уже достигло общенациональных масштабов⁷⁷.

Таким образом, на IV съезде РСДРП по существу обсуждались две принципиально различные аграрные программы: большевистская, направленная на революционное решение аграрного вопроса и доведение буржуазно-демократической революции до победного конца, и меньшевистская, направленная на реформистское решение земельного вопроса, на сделку с реакцией. Вполне понятно, что попытка буржуазных авторов рассматривать аграрную программу большевиков и меньшевиков как «единую» социал-демократическую программу является тенденциозной. По существу подобная трактовка вопроса затушевывает классовую сущность меньшевизма, представлявшего реформистское, оппортунистическое крыло в РСДРП.

На IV съезде РСДРП программа муниципализации была принята незначительным большинством голосов, но не в ее «первозданном» виде, как это стараются изобразить буржуазные авторы. Известно, что под давлением большевиков в программу муниципализации были вне-

⁷⁶ Подробнее об этом см.: «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 180—181, 182; С. П. Трапезников. Указ. соч., т. 1, стр. 139—159.

⁷⁷ Подробно о реформистской сущности меньшевистской аграрной программы см.: С. П. Трапезников. Указ. соч., т. 1, стр. 159—167.

сены весьма существенные поправки: включено требование конфискации помещичьей земли вместо предлагавшегося меньшевиками кадетского «отчуждения»; внесен пункт о национализации переселенческого земельного фонда, лесов и вод общегосударственного значения. По настоянию большевиков съезд принял в качестве дополнения к аграрной программе тактическую резолюцию по аграрному вопросу. В резолюции указывалось, что РСДРП поддерживает революционные выступления крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель, а на случай «неблагоприятных условий», если нельзя будет осуществить муниципализацию, партия выскажется за раздел помещичьих земель между крестьянами. Важное значение имело также включение в резолюцию той части ленинского проекта, где развивалась мысль о необходимости самостоятельной классовой организации сельского пролетариата ⁷⁸.

Таким образом, именно благодаря последовательной позиции, занятой на съезде большевиками-ленинцами, удалось несколько ослабить реформистскую направленность меньшевистского проекта муниципализации земли. Тем не менее новая аграрная программа страдала внутренней противоречивостью: в ней были смешаны и национализация, и муниципализация, и раздел. Она отвергала захват помещичьих земель революционными крестьянскими комитетами. Получалось нечто среднее между крестьянской аграрной революцией и кадетской аграрной реформой.

Органическую неспособность меньшевиков понять движущие силы и характер революции 1905—1907 гг. буржуазные историки распространяют на стратегию и тактику РСДРП в целом, «забывая» о том, что после II съезда РСДРП по существу возникло две партии: революционная партия большевиков во главе с В. И. Лениным, имеющая научно обоснованную программу и тактику в буржуазно-демократической революции, и реформистская, оппортунистическая партия меньшевиков с программой и тактикой, приспособленной к сделке с реакцией. Большевики в отличие от меньшевиков не только выражали подлинные интересы широких народных масс, но и предпринимали конкретные шаги для пропаганды и

⁷⁸ См. «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 170—173; см. также: *И. Т. Ленин. Борьба большевиков за аграрную программу в годы первой русской революции*. М., 1963.

агитации своих идей в деревне. Деятельность же меньшевиков в деревне в соответствии с их теоретическими установками была крайне ограниченной, а их связи с крестьянскими массами эпизодическими и непрочными.

В. И. Ленин и большевистская партия придавали огромное значение непосредственной работе среди крестьянских масс. В лице революционного крестьянства, поднявшегося на борьбу, Ленин видел союзника рабочего класса. «Городское рабочее движение, — писал он, — приобретает нового союзника в революционном крестьянстве. Вопрос об отношении сознательного авангарда пролетариата, социал-демократии, к крестьянскому движению приобретает непосредственное практическое значение и должен быть поставлен на ближайшую очередь дня во всех наших партийных организациях, при всяком выступлении пропагандистов и агитаторов»⁷⁹.

Работу в деревне социал-демократы развернули еще задолго до революции⁸⁰. В ходе революции социал-демократическая пропаганда и агитация среди крестьянства значительно возросли⁸¹. Работа в деревне велась как ЦК партии большевиков, так и непосредственно местными социал-демократическими организациями. Особенно активно в этом отношении действовали большевистские организации Московской, Тверской, Нижегородской, Казанской, Самарской губерний, ряда пайонов Украины, Прибалтики, Кавказа и др.

Во многих местах (в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, Симбирске, Минске, Херсоне и других городах) были созданы не только городские, но и окружные организации, которые наряду с общепартийной работой уделяли большое внимание работе среди крестьянства.

Характерна деятельность Московской окружной организации, которая была создана в мае 1905 г. при Московском комитете. В августе 1905 г. она была выделена в самостоятельный Московский окружной комитет, охватывающий Московскую и некоторые районы Тульской, Калужской, Казанской и других губерний. 24 июня

⁷⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 341.

⁸⁰ Подробно об этом см.: А. В. Ушаков. Борьба партии за гегемонию пролетариата в революционно-демократическом движении в России. 1895—1904. М., 1974, стр. 47—81.

⁸¹ Х. Аргун. Борьба большевиков за союз рабочего класса и крестьянства в годы первой русской революции. Сухуми, 1960.

1905 г. Московской окружной организацией была издана специальная «Инструкция организаторам, работающим в окружной организации», в которой давались конкретные указания по налаживанию партийной работы в деревне. В августе 1905 г. состоялась конференция Московской окружной организации по вопросу о работе в деревне, на которой было принято специальное письмо местным организациям — «К вопросу об организации деревенских комитетов». В августе 1905 г. Московской окружной организацией был издан проект крестьянского приговора о бойкоте булыгинской Думы, а в октябре 1905 г. была выпущена прокламация в связи с рекрутским набором и т. д.⁸²

При ряде местных социал-демократических комитетов были созданы партийные группы по работе среди крестьянства⁸³. Были проведены конференции, координирующие деятельность местных организаций в деревне. Важное значение в разъяснении решений III съезда РСДРП, в постановке практической работы большевиков в деревне имела конференция социал-демократических комитетов Поволжья и Урала, проведенная осенью 1905 г. по инициативе Восточного бюро и под руководством ЦК РСДРП. Конференция признала необходимым организацию при каждом комитете особой группы для работы в деревне, рекомендовала сформировать в крупных селах и уездах особые группы из более сознательных крестьян и сельской интеллигенции для распространения литературы, устройства собраний и т. д.

Конференция обратила внимание местных комитетов на необходимость внесения в борьбу крестьян большей организованности и сознательности, развития классовой борьбы в деревне и превращения отдельных выступлений крестьян в массовое глубоко демократическое движение. Конференция высказалась за поддержку лозунга о конфискации помещичьих земель⁸⁴.

В августе 1905 г. в Казани была проведена Поволжская конференция РСДРП по работе в деревне. На этой

⁸² Подробно о деятельности Московской окружной организации см.: Ю. С. Савельев. Московская окружная партийная организация большевиков — руководитель рабочего класса и трудового крестьянства Подмоскovie в годы трех революций (1905—1917). М., 1964.

⁸³ П. И. Климов. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960, стр. 80—82.

⁸⁴ В. И. Тропин; Указ. соч., стр. 75—77.

конференции присутствовали представитель ЦК партии И. Х. Лалаянц, от Московской организации — А. В. Шестаков, С. И. Черномордик, от Иваново-Вознесенской — М. В. Фрунзе. Осенью 1906 г. по предложению Симбирской и Казанской партийных конференций в Самаре была проведена вторая аграрная поволжская конференция, на которой было создано поволжское бюро окружных организаций⁸⁵.

21—23 ноября 1905 г. в Москве при участии представителей ЦК РСДРП состоялась конференция северных комитетов РСДРП, которая полностью одобрила решения III съезда партии и высказалась за поддержку революционного крестьянского движения и немедленную организацию крестьянских комитетов⁸⁶.

Городские и окружные партийные организации вели большую работу по созданию уездных и сельских социал-демократических комитетов. В Нижегородской, Самарской, Саратовской, Казанской, Тверской и некоторых других губерниях возникли крестьянские социал-демократические кружки. Саратовский комитет РСДРП составил программу для крестьянских кружков, которая была опубликована в газете «Пролетарий». В ноябре 1905 г. программа с существенными дополнениями была переиздана и послужила образцом для других местных партийных организаций. При Воронежском, Владимирском, Костромском, Тверском, Казанском, Нижегородском, Петербургском, Минском, Виленском, Екатеринославском, Харьковском, Луганском и других комитетах РСДРП были созданы специальные группы. Участники этих групп разъезжали по селам, выступали на собраниях, пропагандировали социал-демократическую программу, вели идейную борьбу с эсерами и особенно либералами⁸⁷.

⁸⁵ Подробно об этих конференциях см.: *И. П. Шмыгин*. Большевистские организации Среднего Поволжья в борьбе за крестьянские массы в революции 1905—1907 гг. Ульяновск, 1962.

⁸⁶ *В. И. Тропин*. Указ. соч., стр. 107; *П. И. Климов*. Указ. соч., стр. 134—135.

⁸⁷ «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 86—87. Подробно о борьбе большевиков с эсерами см.: *В. И. Мищихин*. Борьба большевиков с мелкобуржуазными партиями за крестьянство в первой русской революции (1905—1907 гг.). Канд. дисс. М., 1967; *Б. В. Леванов*. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции. Л., 1974.

Огромное значение агитационно-пропагандистской работе в деревне придавал В. И. Ленин. Об этом свидетельствует специально написанная им еще накануне 1905 г. брошюра «К деревенской бедноте» — яркий образец большевистской партийной литературы. Специально для крестьян издавались газеты: Нижегородским комитетом РСДРП — «Крестьянская газета», Херсонским губернским комитетом РСДРП — «Письма крестьянам», Псковским комитетом РСДРП — «Пчелка»; Саратовский комитет выпускал специальные листки для крестьян под названием «Что делается в деревне»⁸⁸.

Партийная литература, особенно прокламации и листовки, в довольно большом количестве выпускались ЦК партии и местными партийными организациями. ЦК РСДРП выпустил обращения к крестьянам «Крестьяне, к вам наше слово», «Новые царские милости». Эти листовки в большом количестве экземпляров перепечатывались многими местными организациями. После III съезда РСДРП был издан ряд листовок — «К рабочим и крестьянам», «К деревенской интеллигенции» и др.

Всего за годы первой русской революции в России большевистские комитеты и группы издали свыше 2 тыс. листовок различных наименований, каждая тиражом от нескольких сот до 20 и более тысяч экземпляров⁸⁹. Большевики призывали крестьян конфисковывать помещичьи земли, прекращать уплату податей и налогов, изгонять полицию и земских начальников и взамен их создавать крестьянские революционные комитеты, требовать созыва Учредительного собрания, готовиться вместе с рабочим классом к вооруженному восстанию.

Идея союза рабочего класса и крестьянства красной нитью проходила через всю работу большевистской партии в деревне, она подчеркивалась во всех основных партийных документах и агитационной литературе, распространявшейся среди крестьянства. Все это способствовало росту авторитета большевиков среди широких народных масс, укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

Героическая борьба российского пролетариата не смогла не вызвать сначала сочувственного отношения, а затем и прямой поддержки со стороны крестьянских

⁸⁸ Подробнее см.: *И. П. Шмыгин*. Указ. соч., стр. 152, 153.

⁸⁹ «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.». М., 1965, ч. I, стр. VII.

масс. Январские события в Петербурге, подчеркивал В. И. Ленин, «пробудили широкие массы крестьянства от летаргического сна»⁹⁰.

Руководимый социал-демократией российский пролетариат с первых дней революции оказывал воздействие на крестьянское движение не только примером стачечной борьбы, но и установлением тесных контактов с крестьянами. Одним из каналов проникновения пролетарских идей в крестьянские массы являлось возвращение в деревню отходников, безработных, в том числе уволенных за революционную борьбу. Возвратившиеся в деревню рабочие приносили с собой опыт революционной борьбы, политически просвещали, спланивали и поднимали крестьян на борьбу против помещиков⁹¹. В. И. Ленин писал: «В русской деревне появился новый тип — сознательный молодой крестьянин. Он общался с «забастовщиками», он читал газеты, он рассказывал крестьянам о событиях в городах, он разъяснял деревенским товарищам значение политических требований, он призывал их к борьбе против крупных землевладельцев-дворян, против попов и чиновников»⁹².

Контакты рабочих и крестьян не могут прямо отрицать и буржуазные авторы. Однако они сознательно умалчивают о сущности взаимоотношений рабочего класса и крестьянства, игнорируют другую сторону процесса, а именно ответное стремление со стороны крестьян к совместным действиям с пролетариатом.

Между тем совместные выступления крестьян и рабочих происходили во многих местах страны. Крестьяне и рабочие устраивали митинги и собрания, на которых принимались социал-демократические резолюции с призывом бороться против самодержавия путем вооруженного восстания. Так, на Урале в марте 1905 г. крестьяне окрестных деревень поддержали забастовку рабочих Алапаевского завода. В состав созданного во время стачки Совета уполномоченных для руководства стачкой были включены представители от крестьян⁹³.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 316.

⁹¹ Подробно о революционной деятельности рабочих в деревне в 1905—1907 гг. см.: П. И. Климов. Революционная деятельность рабочих в деревне в 1905—1907 гг. М., 1960.

⁹² В. И. Ленин; Полн. собр. соч., т. 30, стр. 316.

⁹³ «Очерки истории большевистских организаций на Урале». Свердловск, 1951, стр. 62.

Следуя примеру рабочего класса, сельскохозяйственные рабочие и батраки стали применять чисто пролетарские средства борьбы — стачку. Очень часто крестьянские выступления начинались под влиянием забастовок на железных дорогах, на более близких к деревне фабриках, заводах, шахтах и т. п.

Под руководством местных социал-демократических организаций проходили стачки сельскохозяйственных рабочих и батраков в Прибалтике. В июле 1905 г. ЦК Латышской СДРП выпустил листовку «Всем сельским рабочим», в которой призывал батраков и поденщиков объявить всеобщую стачку. Для активизации крестьянских выступлений в деревню были направлены сотни рабочих-агитаторов, которые совместно с сельскими социал-демократическими организациями руководили борьбой батраков и крестьян ⁹⁴.

Большое влияние на развитие и усиление крестьянского движения в Грузии оказала революционная борьба батумских и кутанских рабочих, железнодорожников Закавказской дороги ⁹⁵. Под непосредственным влиянием местных социал-демократических организаций и при прямом участии революционных рабочих была разработана социальная и политическая программа гурийских крестьян. Она предусматривала замену самодержавия подлинно демократическим народным представительством ⁹⁶.

Высшей точки революционное крестьянское движение достигло в октябре — декабре 1905 г. Под воздействием Всероссийской октябрьской политической стачки поднялась новая волна крестьянских выступлений. Борьба рабочего класса способствовала расширению и углублению крестьянского движения, повышению его организованности и сознательности. «Во время крупнейшего подъема, в октябре 1905 года, — писал Ленин, — пролетариат шел во главе, буржуазия колебалась и виляла, а крестьяне громили помещичьи усадьбы» ⁹⁷.

⁹⁴ Подробно см.: *З. Духанова. Борьба ЛСДРП за союз рабочего класса и крестьянства в 1905 году.* Рига, 1961, стр. 43—44, 87; «Документы по истории революционного движения сельских рабочих и крестьян в Прибалтике в период первой русской революции 1905—1907 гг.». М.—Л., 1957, стр. 104—107.

⁹⁵ «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сб. статей. М., 1955, стр. 501.

⁹⁶ «Революция 1905—1907 гг. в Грузии». Сб. документов. Тбилиси, 1956, стр. 128—129.

⁹⁷ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 333.*

Во время Декабрьского вооруженного восстания крестьяне некоторых деревень Можайского, Бронницкого и других уездов организовали сбор продуктов и денег в помощь восставшим рабочим⁹⁸.

Крестьяне устанавливали связи с Советами рабочих депутатов в Луганске, Екатеринославе, Одессе и в других местах. Они обращались в Советы рабочих депутатов с жалобами на своих помещиков, просили совета, как им быть с землей, выражали готовность поддержать рабочих в их борьбе. Так, осенью 1905 г. Одесский Совет рабочих депутатов организовал революционные комитеты в окрестных селах; представители трех больших сел Одесского уезда были введены в состав Одесского Совета⁹⁹.

Необходимость союза рабочего класса и крестьянства отмечалась в многочисленных заявлениях и выступлениях рабочих и крестьян. Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза, состоявшийся в Москве 31 июля — 1 августа 1905 г., принял специальное постановление «от имени съезда выразить горячий привет братьям фабричным рабочим, уже давно проливающим свою кровь в борьбе за освобождение народа»¹⁰⁰. Второй съезд Крестьянского союза, состоявшийся в Москве в ноябре 1905 г., также признал необходимым бороться совместно «с нашими братьями — рабочими, городскими, фабричными и заводскими»¹⁰¹. Связь между рабочими и крестьянами проявлялась также и на ряде местных съездов и совещаний Крестьянского союза¹⁰².

Следует подчеркнуть, что союз рабочего класса и крестьянства продолжал развиваться и укрепляться и на втором этапе революции в 1906—1907 гг. Большевики еще более расширили работу в деревне, усилили агитационно-пропагандистскую деятельность среди крестьян, используя для этого в частности избирательные кампании в I и II Думы. Избранные в Думу рабочие депутаты решительно отстаивали крестьянские интересы. В свою

⁹⁸ П. И. Климов. Указ. соч., стр. 197.

⁹⁹ С. М. Дубровский. Указ. соч., стр. 133.

¹⁰⁰ «Протоколы Учредительного съезда Всероссийского Крестьянского Союза». СПб., 1906, стр. 48.

¹⁰¹ «Протоколы делегатского Совещания Всероссийского Крестьянского Союза». М., 1906, стр. 94.

¹⁰² Е. И. Кирюхина. Местные организации Всероссийского крестьянского союза в 1905 году, стр. 83—157; П. И. Климов. Указ. соч., стр. 117—118.

очередь крестьяне также выступали в поддержку требований рабочих. Так, например, крестьяне Щигровского уезда Курской губернии и Малоархангельского уезда Орловской губернии послали в Думу свои наказы, в которых наряду с требованиями передачи земли в общенародную собственность и объявления политических свобод настаивали на введении 8-часового рабочего дня, установлении минимальной заработной платы и государственного страхования. Показательно, что в донесении, поступившем в департамент полиции летом 1906 г., говорилось, что между крестьянами и рабочими Юзовки и Краматорска установилось «полное общение»¹⁰³.

Советскими исследователями собран огромный фактический материал, который убедительно доказывает несостоятельность утверждений буржуазных историков об отсутствии союза рабочего класса и крестьянства в революции 1905—1907 гг.¹⁰⁴

Революция 1905—1907 гг. подтвердила правильность марксистско-ленинского положения о необходимости и возможности прочного союза рабочего класса и крестьянства при гегемонии пролетариата в освободительной борьбе.

Противопоставляя этому положению концепции «параллельных революций», «русского бунта» и другие «теории», извлеченные из недр кадетско-меньшевистского идейного наследства, буржуазные авторы безуспешно пытаются отрицать непреложный факт союза рабочего класса и крестьянства, который был одним из важнейших итогов первой русской революции.

¹⁰³ См. об этом: «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 г.)». М., 1975, стр. 100—101, 135; *П. И. Климов*. Указ. соч., стр. 204—245.

¹⁰⁴ Подробный анализ советской литературы по этому вопросу дан в статье М. С. Симоновой «Крестьянское движение 1905—1907 гг. в советской историографии». — «Исторические записки», т. 95. М., 1975.

Концепции „внеклассовости“ русского либерализма и реальность истории

Проблема русского либерализма на рубеже двух веков и особенно в годы первой русской революции продолжает оставаться одной из центральных в современной английской и американской буржуазной историографии. И это вполне объяснимо, ибо в русском либерализме буржуазные «россиеведы» усматривают антитезу революционному движению широких народных масс, которое, как было показано выше, изображается ими как «анархическое», «стихийное» и «антигосударственное». «Русскому бунту» масс противопоставляются действия «разумных революционеров» — либералов, которые вели борьбу за «обновление» государственного строя России по конституционно-парламентским образцам. При этом английские и американские буржуазные историки не жалеют красок на изображение либерального движения как «внеклассового» и «общенационального», отвечающего якобы коренным интересам народа, интересам развития страны по пути буржуазного прогресса.

Следует подчеркнуть, что на формирование разного рода теорий и концепций русского либерализма большое влияние оказала и еще продолжает оказывать эмигрантская, кадетская и меньшевистская литература, изображавшая либералов и особенно кадетов «демократами» и «революционерами». Особое место среди этой литературы принадлежит мемуарам лидеров кадетской партии П. Н. Милюкова и В. А. Маклакова, на страницах которых развернулась запоздалая «дискуссия» об эволюции русского либерализма на рубеже двух веков и его «возможных» судьбах в России. Материалы этой «дискуссии» до настоящего времени представляют «незаменимый» источник, из которого современные буржуазные авторы продолжают черпать свои идеи. Поэтому целесообразно

остановиться кратко на исходных посылах дискуссии между В. А. Маклаковым и П. Н. Милюковым.

В. А. Маклаков одним из первых выдвинул тезис о наличии в России на рубеже XIX—XX вв. двух типов либерализма: «лояльного», или «старого» дворянского (земского), либерализма, якобы игравшего ведущую роль в освободительном движении до основания нелегального журнала «Освобождение», т. е. до 1902 г., и «освобожденческого», или «нового» интеллигентского, либерализма, нашедшего выражение в программе и тактике кадетской партии. Земские либералы, считал Маклаков, видели историческую потребность времени в продолжении и завершении «великих реформ 1860-х годов», в установлении в России политического порядка, основанного на «законе и самоуправлении». При этом они «хотели эволюции государства, а не переворота».

Однако, продолжает автор, «советчики» царя не воспользовались «благоразумием» земцев и не пошли на соглашение с ними. В этом Маклаков видит основную причину перехода руководства освободительным движением в руки «политической интеллигенции»¹. Интеллигенция, отмечал Маклаков, ненавидела самодержавие и не способна была с ним помириться, и это логически вело к открытой «войне» с последним. Не представляя самостоятельной политической силы, интеллигенты вынуждены были вступать в «союз» с народными массами (Ахеронтом), и этот «союз» с народом и революцией стал, по мнению Маклакова, основной причиной гибели либерализма. Маклаков выдвинул идею о том, что кадеты, перейдя якобы на сторону революции, изменили либерализму, отсюда и произошли все беды, в которые они «ввергли» Россию.

После издания манифеста 17 октября 1905 г., рассуждает Маклаков, кадеты должны были самораспуститься, а правое крыло партии отделиться от радикальной интеллигенции, создать свою партию и в союзе с властью начать «строить государственную жизнь на новых началах»². Однако «спасительного» раскола не произошло (сам Маклаков уходит от разъяснения причин сохране-

¹ В. А. Маклаков. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954, стр. 298—299, 309, 311 и др.

² В. А. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936, стр. 486.

ния единства кадетской партии), и это привело к «бессилию и атрофии партии»³. Причину поражения русского либерализма Маклаков видел в том, что либералы, и особенно кадеты, стремились «сочетать оба пути — конституционный и революционный», в то время как они должны были вступить в «сотрудничество» с властью на основе манифеста 17 октября, который якобы и был тем «увенчанием здания», о котором полвека мечтали русские либералы.

С несколько иных позиций к оценке деятельности либералов в революции 1905—1907 гг. подходил П. Н. Милюков, который выступил с запоздалым оправданием действий, предпринятых русскими либералами на рубеже двух веков. Он стремился доказать, что «союз» освободителей и кадетов с революцией был вынужденным. «Кадеты, — писал он, — вовсе не желали революции и даже хотели быть лояльными по отношению к существующей власти»⁴. Трагедию русского либерализма Милюков в отличие от Маклакова видел в том, что сама власть отвергла все старания либералов предотвратить «революционную катастрофу». Таким образом, если Маклаков в «гибели России» обвинял только интеллигентов-политиков, отказавшихся, по его словам, от сотрудничества с властью, то Милюков обвинял в этом прежде всего царское правительство и бюрократию. Однако, несмотря на расхождения в оценке русского либерализма, В. А. Маклаков и П. Н. Милюков сошлись в главном. Тот и другой считали, что русский либерализм являлся «внеклассовым», «общенациональным» течением⁵. Тезис о «внеклассовом» характере русского либерализма — таков лейтмотив всей кадетской публицистики и мемуарной литературы, который был подхвачен и развит буржуазной английской и американской историографией.

Важно также подчеркнуть, что помимо кадетских источников современные «россиеведы» широко используют работы меньшевиков, постоянно скатывавшихся к кадетской теории двух лагерей. Мартов, например, различал «правые» и «левые» партии, относя к последним и либе-

³ Там же, стр. 502.

⁴ П. Н. Милюков. Суд над кадетским либерализмом. — «Современные записки» № 41. Париж, 1930, стр. 357—358; *его же*. Воспоминания, т. 1. Нью-Йорк, 1955, стр. 420.

⁵ П. Н. Милюков. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905—1906 гг. СПб., 1907, стр. 366.

ралов, и демократов, и революционеров, т. е. всю «оппозицию» от кадетов до эсеров и большевиков⁶. Основная ошибка меньшевиков, отмечал Ленин, состояла в том, что они «напирали и напирают на одну сторону дела, на конфликты буржуазии с самодержавием, оставляя в тени другую сторону дела: *соглашение* буржуазии с самодержавием против народа, против пролетариата, против революции. А между тем, именно эта вторая сторона дела выступает все более и более на первый план...»⁷.

Таким образом, основываясь на кадетско-меньшевистской литературе, искажавшей классовую сущность кадетов, западные историки создают собственные искусственные концепции русского либерализма.

1. Социальная природа русского либерализма

Одним из первых, кто обратился к изучению русского либерализма в буржуазной историографии, был эмигрант из России профессор Гарвардского университета М. Карпович⁸. Карпович считал, что наличие в России двух типов либерализма (тезис Маклакова) является якобы отражением исторической «преемственности» борьбы двух направлений в «русском обществе» (славянофилов и западников) по вопросу о введении в России западных институтов. В качестве доказательства Карпович делает попытку «связать» правых либералов типа Маклакова с «просвещенными бюрократами», «инициаторами и проводниками реформы 1861 г.», умеренными земскими либералами, которые ограничивались требованием законности и права, защищали индивидуальные и гражданские свободы, а либералов типа Милюкова — с декабристами, Герценом, «более радикальными земскими

⁶ Л. Мартов. Политические партии в России. СПб., 1906; А. Мартынов. История конституционно-демократической партии. — «Общественное движение в России в начале XX в.», т. 3, кн. 5. СПб., 1914, стр. 70.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 242.

⁸ М. Karpovich. Two Types of Russian Liberalism: Maklakov and Milukov. — «Continuity and Change in Russian and Soviet Thought». Cambridge, Mass., 1950; *Idem*. The Liberals after 1905. — «Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernization or Revolution?». Boston, 1965.

конституционалистами» типа Петрункевича, которые были готовы «подчинить свои цели установлению конституционного режима для России»⁹.

Искусственное деление русского либерализма требовалось М. Карповичу для того, чтобы затушевать классовую сущность либерализма, изобразить его «внеклассовым» традиционным идейным течением и движением русской интеллигенции.

На этой основе М. Карпович строит свою версию качественного отличия русского либерализма от западноевропейского, согласно которой русские либералы-интеллигенты не были прочно связаны с так называемыми «средними классами» (т. е. с буржуазией) и якобы выражали «общенациональные», «надклассовые» интересы. На самом же деле русская либеральная «цензурная» интеллигенция отстаивала в своей программе интересы вполне определенного класса, класса буржуазии. Да и сам М. Карпович вынужден был признать, что в ходе революции 1905—1907 гг. и особенно после нее либералы установили связи со «средними городскими кругами».

Не смог объяснить М. Карпович и причин краха русского либерализма. Автор отделяется бездоказательным заявлением, что «русские либералы разделили судьбу всех умеренных групп, захваченных революцией»¹⁰. Этот вывод М. Карпович считал универсальным для России и стран Западной Европы. Карпович вообще предлагал отказаться от поисков причин поражения либералов в «каких-то российских особенностях», игнорируя тем самым новую историческую обстановку, сложившуюся в России на рубеже двух веков, роль пролетариата как самостоятельной политической силы, т. е. именно то, что делало российский либерализм органически неспособным к историческому творчеству.

В целом М. Карпович лишь наметил основные направления в изучении русского либерализма, так по существу и не создав собственной концепции, предпочитая знакомить своих учеников и последователей с историей России по кадетскому учебнику. И тем не менее его курс лекций по русской истории в Гарвардском университете оказался своеобразной вехой в американском «россиеве-

⁹ *M. Karpovich. Two Types of Russian Liberalism. Maklakov and Miliukov, p. 142.*

¹⁰ *Ibid., p. 142—143.*

дении» вообще и в изучении истории русского либерализма в частности.

Г. В. Вернадский, всецело разделявший точку зрения Маклакова на эволюцию русского либерализма, считал «освобожденцев», а затем и кадетов чисто интеллигентскими организациями, оторванными от российской действительности. По мнению Вернадского, кадеты «защищали парламентское правление по французским и британским моделям, не принимая во внимание своеобразный исторический фон русской политики»¹¹.

«Отрыв» кадетов от русской действительности потребовался Г. В. Вернадскому для того, чтобы доказать «беспочвенность» всех политических партий в России, и особенно социал-демократов. Благодаря заданности схемы и кадеты оказались «беспочвенными» идеалистами, мечтающими о введении в России «западных моделей». Подобная трактовка вопроса по существу снимала проблему классовой сущности и направленности программы кадетской партии — главной партии российского либерализма, выражавшей интересы буржуазии как класса.

Точка зрения Г. В. Вернадского не получила широкого распространения в английской и американской историографии. Современные буржуазные историки пытаются дать несколько иную трактовку эволюции русского либерализма.

Наиболее подробное освещение история русского либерализма накануне и в годы революции 1905—1907 гг. получила в книге Дж. Фишера. Исходным тезисом автора является утверждение о том, что «русский либерализм — либерализм слаборазвитой страны»¹², который следует сравнивать не с западноевропейским либерализмом, как это делали Карпович и Вернадский, а с либерализмом, распространенным в начале XIX в. в Испании или Греции, или с либерализмом слаборазвитых стран Азии и Латинской Америки. В развитых западноевропейских странах, отмечает автор, носителями либерализма выступили «средние классы», преследовавшие «буржуазные цели». В России же, по мнению Фишера, «средние классы» были слабыми, политически инертными и плохо организованными. Поэтому «силами буржуазного про-

¹¹ G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 263—264.

¹² G. Fisher. Russian liberalism. From gentry to intelligentsia. Cambridge, Mass., 1958, p. IX.

гресса» здесь выступили государство и интеллигенция, сыгравшая в истории либерализма «ту же роль, что и средний класс на Западе»¹³. Из этой посылки логически должно было следовать, что русская «цензовая» интеллигенция, составлявшая ядро либерального движения в России, преследовала также «буржуазные цели». Однако Фишер, как это ни странно, приходит к диаметрально противоположному выводу, считая, что русская интеллигенция представляла собой «внеклассовую» силу и выражала «общенациональные» интересы развития страны. В отличие от западноевропейской интеллигенции в России, продолжает автор, была «политически независимой и более активной, чем на Западе. И очень скоро встала во главе демократии, выступив за политическое и социальное равенство»¹⁴. Итак, приходит к общему выводу Фишер, на рубеже двух веков в России появилась «третья» сила в лице бессословной русской интеллигенции, выступившая носителем либерализма нового типа.

Вся концепция Фишера построена на резком противопоставлении двух типов русского либерализма: дворянского, или, как его принято называть в литературе, земского, и интеллигентского. Между этими двумя типами либерализма и шла борьба за «лидерство» в освободительном движении, в результате которой победу одержала интеллигенция¹⁵. На этом основании Фишер делал вывод о том, что кадетизм представлял собой окончательно «очищенное» от дворянских сословных примесей «внеклассовое» политическое движение, направленное на «достижение западных целей в неразвитой стране»¹⁶.

Аналогичной точки зрения придерживался и другой американский историк — Д. Тредголд.

Трансформация земского либерализма, отмечает Тредголд, происходила под влиянием «радикально настроенной интеллигенции», которая к моменту создания «Союза освобождения» одержала победу и стала выразителем нового «демократического либерализма»¹⁷.

¹³ Ibid., p. 48—49.

¹⁴ Ibid., p. 120—125.

¹⁵ Ibid., p. 82, 129, 143, 197.

¹⁶ Ibid., p. 203.

¹⁷ D. W. Treadgold. *Lenin and His Rivals: the Struggle for Russian Future. 1898—1906.* London, 1955, p. 119.

Тредголд считал кадетов «интеллектуальными политическими реформаторами в широком смысле слова»¹⁸.

Однако в последнее время в американской буржуазной историографии наметилась (правда, еще довольно робкая) тенденция к пересмотру чересчур категорических утверждений Дж. Фишера и Д. Тредголда о смене руководящей роли дворянства гегемонией интеллигенции в либеральном движении в начале XX в. Так, Г. Фриз в статье «Движение за национальное освобождение и сдвиг в русском либерализме 1901—1903 гг.» считает концепцию Фишера неудовлетворительной, поскольку в ней недооценивается роль земских элементов в образовании «Союза освобождения», а также радикализация традиционного земского либерализма на основе тесного организационного контакта с «третьим элементом». Фриз считает неплодотворными поиски резких различий во взглядах, с одной стороны, либеральных помещиков, а с другой — либеральной интеллигенции. По его мнению, сдвиг русского либерализма влево в начале XX в. явился результатом подъема общенационального движения страны, в котором участвовали все классы и социальные группы, враждебные старому режиму¹⁹.

В новейших исследованиях английских и американских историков нет прежней категоричности в утверждениях о том, что кадетская партия является «внеклассовой» партией. Так, например, М. Чернявский и Р. Даниэльс пишут уже о «буржуазной кадетской интеллигенции»²⁰. Однако эта тенденция еще не получила в буржуазной историографии широкого распространения. Большинство западных историков продолжает утверждать, что русский либерализм представлял собой «внеклассовое» движение, а партия кадетов являлась «подлинной» выразительницей интересов «общенационального» развития, «гегемоном» освободительной борьбы масс против самодержавия. И в 1973 г. Ш. Галай, называя русскую интеллигенцию самостоятельным классом, считает освободителей и кадетов «внеклассовыми» организациями,

¹⁸ D. W. Treadgold. The Constitutional democrats and the Russian liberal tradition. — «The American Slavic and East European review», 1951, vol. 10, N 2, p. 85—88.

¹⁹ «Slavic Review», 1969, N 1.

²⁰ M. Cherniavsky. Prologue to Revolution. New Jersey, 1967, p. 14; R. V. Daniels. Red October. The Bolshevik Revolution of 1917. New York, 1967, p. 8.

возглавившими освободительное движение. Освободительное движение в России, утверждает Галай (имея в виду либеральную оппозицию), «по своему характеру было радикально-демократическим и по практическим вопросам (если отвлечься от конечных целей) оно отличалось от революционного только касательно средств. Но даже и это различие практически сошло на нет в начале 1905 г.»²¹. Таким образом, буржуазные исследователи пытаются изобразить либералов лидерами освободительного движения в России, а их программу представить тем оптимальным вариантом, который смог бы обеспечить России мирный буржуазный прогресс и вместе с тем позволил бы избежать социалистической революции.

Буржуазные авторы, преувеличивая роль либералов в освободительном движении в России, стремятся опровергнуть ленинское положение о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, извратить сущность революционной борьбы основных движущих сил революции — рабочих и крестьян, с тем чтобы в конечном итоге опровергнуть глубоко народный характер первой русской революции²².

Проблема русского либерализма на рубеже двух веков и особенно в годы первой русской революции является сложной и еще недостаточно полно разработанной. Поэтому представляется необходимым специально остановиться на тех вопросах истории русского либерализма, которые наиболее тенденциозно освещаются в английской и американской историографии.

Прежде всего следует рассмотреть те изменения, которые произошли в либерализме в конце XIX — начале XX в. Суть этих изменений — «обуржуазивание» либеральной идеологии и либерального движения. Те буржуазные потенции, которые в середине XIX в. были лишь в зародыше, с вступлением России в империалистическую стадию развития стали проявляться гораздо более определенно и ярко.

В рамках этого процесса в последнее десятилетие XIX в. и в первые предреволюционные годы XX в. наме-

²¹ Sh. Galai. The Liberation Movement in Russia. 1900—1905. Cambridge, 1973, p. 3.

²² Подробный критический анализ американской историографии дан в статье Г. И. Щетининой «Интеллигенция, революция, самодержавие (Освещение проблемы в американской буржуазной историографии)». — «История СССР», 1970, № 6, стр. 154—173.

чается известная тенденция к расширению социальной базы русского либерализма, приобщение к либералам части мелкобуржуазной и либеральной интеллигенции на почве включения в либеральную программу требований буржуазно-демократических свобод и бессословного народного представительства с законодательными функциями. Одновременно прослеживается и стремление либералов так или иначе решить или по крайней мере подойти к решению основных социальных проблем российской действительности, в частности аграрного и рабочего вопросов. Наблюдается также быстрая «европеизация» русского либерализма, который все больше «очищается» в это время от налета славянофильства.

Однако переход к так называемому новому буржуазному либерализму представлял собой довольно сложный и далеко не прямолинейный процесс, как это пытаются представить Дж. Фишер, Д. Тредголд, Ш. Галай и другие буржуазные авторы. С одной стороны, с развитием капиталистических отношений в стране происходила трансформация земского либерализма, причем немалую роль в этом сыграли усиленный приток в земства «третьего элемента»²³ и влияние буржуазной интеллигенции. С другой стороны, в конце XIX — начале XX в. в либеральном движении появилось и с каждым годом усиливалось новое, буржуазное (и по своей социальной природе, и по формам своего проявления) крыло, в известной мере свободное от дворянской узости и ограниченности. Это крыло было представлено не интеллигенцией вообще, как это утверждают западные историки, а именно «цензовой», буржуазной интеллигенцией, составившей впоследствии основное ядро кадетской партии и прочно связавшей себя с судьбами буржуазного класса²⁴.

В. И. Ленин в статье «Задачи революционной молодежи» (1903 г.) отмечал, что в России появляется новая интеллигенция, «либерализм которой почти совсем очистился (не без помощи русского марксизма, конечно) от

²³ Известное представление о роли «третьего элемента» в земствах дает статья Т. Н. Львовой «Земская демократическая интеллигенция Московской губернии и ее участие в революционном движении 1870 — начала 1890 годов». — «Материалы и исследования по истории СССР» («Ученые записки Московского пед. ин-та им. В. И. Ленина»). М., 1964.

²⁴ Подробнее см.: Г. И. Щетинина. Ленин о русской интеллигенции. — «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М., 1970, стр. 131—159.

примитивного народничества и расплывчатого социализма». Ленин далее указывал, что «образование настоящей буржуазно-либеральной интеллигенции идет у нас семимильными шагами, особенно благодаря участию в этом процессе столь поворотливых и отзывчивых ко всякому модному веянию оппортунизма людей, как гг. Струве, Бердяевы, Булгаковы и К^о»²⁵.

Нельзя также забывать, что и западноевропейская и русская интеллигенция «не есть *самостоятельный* экономический класс и не представляет поэтому никакой *самостоятельной* политической силы...»²⁶, как это пытаются представить Дж. Фишер, Д. Тредголд и др. Фактически «сила» интеллигенции заключалась в ее интеллектуальных знаниях, навыках к управлению и организации. Интеллигенции органически присуща способность выражать широко понятые классовые интересы, пробуждать и развивать самосознание всех классов общества. «...Всегда и везде, — писал Ленин, — вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители»²⁷. Взяв на себя представительство интересов буржуазии как класса, либеральная интеллигенция в силу логики социально-экономического и политического развития страны «оттеснила» на задний план представителей дворянского либерализма, вынужденных или приспособляться к новым историческим условиям, или «бесславно» сойти с политической сцены.

Следует также иметь в виду, что смена «старого», земского либерализма «новым», буржуазным (которую буржуазные авторы представляют спонтанно) происходила в обстановке острой идейной и организационной борьбы, причем «новый» либерализм до самого конца так и не смог полностью освободиться от наследия «прошлого». «Старый» и «новый» либерализм имели много общего. Их сближало прежде всего желание любой ценой избежать народной революции, слепая вера в реформы «сверху», боязнь народных масс и их активного политического творчества, склонность к компромиссам с царизмом и т. д.²⁸ Именно это обстоятельство и игнорируют буржуазные авторы.

²⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 346.

²⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 191.

²⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 316.

²⁸ Подробно об этом см.: К. Ф. Шацillo. Русский либерализм на рубеже двух всков. — В. И. Ленин о социальной структуре

Следует также отметить, что не было непроходимой пропасти между этими родственными идейно-политическими направлениями и с точки зрения их социального состава. На полюсах «старого» и «нового» либерализма стояли довольно разнородные элементы: аристократических фрондеров из земской среды типа князей М. С. Волконского, Долгоруковых, Трубецких и т. д. отделяла от выдвинувшихся на общественную арену благодаря своим способностям интеллигентов вроде М. Я. Герценштейна или П. Б. Струве дистанция немалого масштаба. Но между этими «крайними» группами, наиболее рельефно выразившими основное направление социального сдвига, происшедшего в либерализме на рубеже двух веков, существовала довольно значительная промежуточная прослойка, представители которой «совмещали» потомственное дворянство и владение довольно значительным имуществом с чисто интеллигентскими профессиями адвокатов, редакторов, выборными земскими должностями и т. п. (М. Г. Комиссаров, Д. И. Шаховской, С. А. Котляревский и др.). Достаточно характерно также, что «Союз освобождения» включал в себя и видных деятелей земского движения, и либеральных интеллигентов. Некоторые либералы были одновременно и членами «Союза освобождения», и членами союза земцев-конституционалистов (братья Долгоруковы, кн. Д. И. Шаховской, И. И. Петрункевич) ²⁹.

Взаимоотношения разнородных социальных элементов, составлявших либеральный лагерь, складывались далеко не просто. В них присутствовали и элементы сотрудничества, и элементы борьбы и соперничества, причем по мере углубления дифференциации в либеральном лагере последние все больше и больше выдвигались на первый план. Однако этот процесс растянулся на ряд лет и практически не был завершен не только к концу 1905 г., когда в России образовались буржуазные партии, но и позже.

Нельзя согласиться с западными историками и в том, что главная партия русского либерализма — кадеты — являлась «внеклассовой» организацией. Действительно, кадетская партия никогда не имела сколько-нибудь од-

и политическом строе капиталистической России». М., 1970, стр. 160—192.

²⁹ Подробно об этом см.: К. Ф. Шацлло. Новое о «Союзе освобождения». — «История СССР», 1975, № 4.

народной и устойчивой социальной опоры. Главную роль играла в ней буржуазная интеллигенция, тогда как представители «деловой» буржуазии, а также либеральные помещики составляли среди кадетов лишь незначительное меньшинство. Но означало ли это, что кадеты действительно были какой-то «внеклассовой» партией, «бескорыстными» носителями идей буржуазного прогресса?

В своей программе кадеты отражали широко понятые «очищенные» от фракционной узости, «сублимированные и облагороженные» интересы вполне определенного класса — буржуазии³⁰.

«Не связанная с каким-либо одним определенным классом буржуазного общества, но вполне буржуазная по своему составу, по своему характеру, по своим идеалам, эта партия колеблется между демократической мелкой буржуазией и контрреволюционными элементами крупной буржуазии»³¹, — писал В. И. Ленин.

«Внеклассовость» кадетов была сознательным обманом широких масс, ибо вся их идеология и политика были типичной идеологией и политикой буржуазной классово-ограниченной партии.

Западные «россиеведы» пытаются затушевать тот факт, что идеалом кадетствующего интеллигента являлось «увековечение буржуазной эксплуатации в упорядоченных, цивилизованных, парламентских формах»³². Как показала эволюция кадетов, они выражали преимущественно интересы средних слоев буржуазии, более или менее обуржуазившихся помещиков и либеральной интеллигенции, тогда как интересы «второй» буржуазии (широкие слои мелкой, преимущественно крестьянской буржуазии) в их программе не получили полного и сколько-нибудь последовательного выражения³³.

Недаром В. И. Ленин называл кадетов партией той части помещиков и буржуазии, которая «совсем приспособилась вести настоящее, хорошее капиталистическое хозяйство, похожее на то, которое ведется в западноев-

³⁰ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 291.

³¹ Там же, стр. 286—287; см. также т. 13, стр. 144.

³² Подробно об этом см.: С. В. Тютюкин. Оппозиция его величества (Партия кадетов в 1905—1917 гг.). — «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России», стр. 193—229.

³³ См. подробно: В. В. Шелохаев. Программа кадетов в первой русской революции. Канд. дис. М., 1971.

ропейских странах, основанное также на эксплуатации, на притеснении рабочих, крестьян, городской бедноты, но на эксплуатации умной, тонкой, искусной, которую не всякий сразу поймет и раскусит, как следует»³⁴.

Диалектика классовой борьбы в России в годы первой русской революции довольно быстро и бесповоротно развенчала сочиненную самими кадетами легенду о «внеклассовости» своей партии, убедительно показав, как мало общего она имеет с подлинным народом и настоящей свободой. Кадеты, неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, «сплачивают вокруг себя всех, весь «народ» лишь на почве конституционных иллюзий, объединяют лишь отрицательной связью: ненавистью к обожравшемуся зверю, — к самодержавному правительству, против которого *всех левее* на данной «легальной» почве стоят сейчас кадеты.

Историческая роль кадетов — переходная, минутная роль. Они падут вместе с неизбежным и быстрым падением конституционных иллюзий...»³⁵. Кадеты, являясь партией мечтаний о «чистеньком» буржуазном обществе, не представляли собой активной политической силы, способной радикально изменить ход общественного развития. Занимая промежуточное положение в структуре политических сил, действовавших на арене освободительного движения, кадеты на протяжении революции 1905—1907 гг. колебались между самодержавием и революционной демократией. Однако, несмотря на колебания, уже в этот период проявилась контрреволюционная сущность партии «народной свободы», вступившей в сделку с реакцией за спиной народа и за счет народа.

2. Либералы и правительство

В английской и американской буржуазной историографии «сосуществуют» различные и зачастую противоречивые точки зрения на проблему взаимоотношения российских либералов с правящим лагерем. Однако, несмотря на эту пестроту оценок и суждений, антимарксистские авторы солидарны в главном. Они считают (одни прямо, другие с оговорками), что либералы, и особенно кадеты,

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 178.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 294.

являлись «последовательными демократами» и даже революционерами, и выдвигают на первый план конфликты между либеральной оппозицией и самодержавием.

В буржуазной литературе содержится немало явно запоздалых «советов» либералам, и особенно кадетам, в проведении их программы и тактики, в установлении взаимоотношений с правительством. На первый взгляд подобные «советы» являются наивными, однако западные буржуазные авторы дают их с явным «прицелом» на современность, рассчитывая тем самым помочь либералам развивающихся стран избежать «печальный» опыт русских либералов.

Так, один из патриархов «россиеведения», М. Карпович, анализируя «возможные» варианты тактики русских либералов, и особенно их взаимоотношения с правительством, склонен был считать, что «ошибка» кадетов заключалась в том, что они, с одной стороны, «недооценили» силу правительства, а с другой — явно «переоценили» силу революционной демократии. Вместо того чтобы «искать» и заключить «разумный» компромисс с царизмом, кадеты, утверждает автор, так и не смогли «психологически демобилизоваться» и избавиться от «психологии военного времени»; вместо поисков «прочного мира» с правительством, основанного на компромиссе, кадеты якобы продолжали настаивать на борьбе с ним. Все это привело в конечном итоге к тому, что кадеты «упустили шанс» оказать «содействие мирной эволюции России». Американский историк, однако, не отрицает, что «с течением времени» кадеты «поумнели» и приспособились к новой ситуации. «Это означало, — отмечает М. Карпович, — сделать все возможное в существующих условиях, участвовать в законодательной деятельности, как бы скромны ни были ее размеры»³⁶.

Г. В. Вернадский видит основную «ошибку» кадетов в том, что они не заключили «союз» с правительством на основании манифеста 17 октября 1905 г. «Только неопытностью лидеров русского либерального движения можно объяснить решение либеральных групп отклонить все предложения гр. Витте о вхождении в его министерство. Результатом было то, — подчеркивает Вернадский, — что манифест 17 октября не сразу остановил революционное

³⁶ М. Karpovich. The Liberals after 1905. Revolution or Cooperation with government? p. 38—41.

движение»³⁷. Как видно из этих утверждений, Г. В. Вернадский считал либералов если не «виновниками», то по крайней мере пассивными созерцателями развития революционного движения в стране.

В отличие от Вернадского, который говорил о либералах вообще, большинство буржуазных историков более дифференцированно подходят к характеристике либеральной оппозиции в революции 1905—1907 гг. Так, Д. Тредголд, крайне преувеличивавший роль русских либералов и наиболее тенденциозно освещавший революционное движение народных масс в годы первой русской революции, считал, что русский либерализм являлся далеко не однородным, и предлагал выделить в нем два основных течения: славянофилов и радикалов. Славянофилы, или шиповцы, по мнению автора, продолжали на протяжении 1905 г. видеть в правительстве своего союзника. В свою очередь либералы-радикалы являлись якобы «бескомпромиссными демократами», которые вынуждены были искать себе союзников среди народных масс. Между этими двумя течениями, утверждает Тредголд, велась ожесточенная борьба, которая в конечном итоге привела к полной изоляции шиповцев и к полной победе либералов-радикалов во главе с П. Н. Милюковым. Именно это течение и положило начало созданию кадетской партии.

Исходя из этих посылок, автор делал вывод о том, что кадеты «решительно возражали против достижения партийных целей путем переговоров с правительством» и якобы на протяжении всей революции «сохраняли старую освобожденческую (якобы революционную. — Авт.) позицию. Они остались демократами»³⁸. Согласно точке зрения Тредголда, кадеты «в штыки» встретили «Основные законы» 1906 г. и «отказались признать новый режим в качестве «конституционного», сделав это «основой своей непарламентской тактики в первой Думе»³⁹.

Однако и Тредголд вынужден был признать, что кадеты начали приспособляться к «мирной законодательной деятельности» в рамках «конституции 1906 г.». Но этот поворот вправо автор не связывает с контрреволю-

³⁷ G. Vernadsky. Op. cit., p. 266—267.

³⁸ D. Treadgold. Lenin and His Rivals: the Struggle for Russian Future. 1898—1906, p. 242—246.

³⁹ D. Treadgold. The constitutional democrats and the Russian Liberal Tradition, p. 92—93.

ционной сущностью кадетов. Виной тому, по мнению Тредголда, были «апатичные» народные массы, не поддерживавшие программу и тактику кадетов, а также революционные партии, занявшие «экстремистские» позиции. Но и в данной ситуации, когда революционеры «предали» кадетов, продолжает Тредголд, последние «могли принять соглашение с царем только на базе конституционной демократии, а не на основе допущения кадетов в бюрократический круг» ⁴⁰.

Затушевывая контрреволюционную сущность кадетов и органически присущую им тенденцию к сделке с реакцией, Д. Тредголд вступает в явное противоречие с исторической действительностью и пытается представить партию «народной свободы» в качестве «непримиримого» борца с самодержавием, «бескорыстным» защитником «общенародных интересов» ⁴¹.

Но если Д. Тредголд вообще стремился не замечать тенденцию кадетов к сделке с реакцией, то Р. Так вынужден признать, что кадеты неоднократно вели переговоры с правительством.

Однако эти секретные переговоры лидеров кадетской партии изображаются Р. Таким в качестве «мудрой» и «дальновидной» политики. Правда, автор упрекает П. Н. Милюкова за слишком «доктринерскую» позицию, занятую им во время переговоров с Д. Ф. Треповым и П. А. Столыпиным. Милюков, утверждает Р. Так, «настаивал на немедленных демократических реформах», противился созданию «коалиционного правительства». «Непримиримую» позицию лидера кадетов в отношении правительства Р. Так объясняет тем, что Милюков надеялся «создать единый фронт сил в Думе под главенством кадетов, что позволило бы заставить правительство капитулировать». Однако в этом, сожалеет Р. Так, Милюков допустил тактический просчет. С одной стороны, он «переоценил возможность кадетов управлять Думой», а с другой — «недооценил власть правительства, которая еще продолжала оставаться сильной». «Особенно, — сетует американский историк, — он недооценил Столыпина, который был на голову выше Горемыкина» ⁴².

⁴⁰ Ibid., p. 93.

⁴¹ D. Treadgold. Op. cit., p. 253.

⁴² R. Tuck. Paul Miliukov and negotiations for a Duma Ministry, 1906 г. — «The American Slavic and East European Review», 1951, vol. 10, N 2, p. 124.

Казалось, что из этих посылок должен был следовать вывод о «виновности» кадетов в провале переговоров о думском министерстве. Однако Р. Так пришел к диаметрально противоположному выводу, считая кадетов «противниками компромисса с правительством за счет своих политических принципов». Р. Так обвинил в провале переговоров правительство, которое своей «неразумной» тактикой «толкнуло кадетов к сотрудничеству с радикальными группами в Думе» ⁴³.

Концепции «виновности» кадетов или правительства, которые так и не нашли общего языка друг с другом на протяжении революции 1905—1907 гг., распространенные в английской и американской буржуазной историографии в 50-х годах, начали пересматриваться в следующее десятилетие.

В современной английской и американской буржуазной литературе происходит известная переоценка роли кадетов и их взаимоотношений с правительством. Так, Кочен вынужден признать, что уже после манифеста 17 октября 1905 г. наметился сдвиг кадетов вправо. Хотя кадеты и отказались войти в правительство С. Ю. Витте, отмечает автор, тем не менее они «уменьшили свою враждебность к царю» ⁴⁴. Признает Кочен и тот факт, что во II Думе кадеты «играли не столь активную роль, чем прежде, чтобы не вызвать преждевременного роспуска Думы». Однако эти правильные замечания продолжают уживаться у английского историка с утверждениями о «бескомпромиссной» позиции кадетов в отношении правительства. П. Н. Милюков, пишет автор, во время переговоров о думском министерстве «отказался принести в жертву кадетскую политику» ⁴⁵.

Дж. Кларксон отмечает, что после 17 октября 1905 г. кадеты под руководством Милюкова «покинули более радикальный на словах Союз союзов и обнаружили некоторое признание готовности работать с правительством». На II съезде в январе 1906 г. кадеты «выбросили» идею республики, «даже не задавшись вопросом, нежелательна ли республика или просто непрактична». Кларксон признает, что в I Думе кадеты «боялись любого преждевременного конфликта с правительством, преж-

⁴³ Ibid., p. 128--129.

⁴⁴ L. Kochan. Russia in Revolution. London, 1966, p. 94.

⁴⁵ Ibid., p. 111, 119.

де чем получают возможность развить свою программу перед следующими выборами»⁴⁶.

Во многом близкую точку зрения высказывает Дж. Токмаков. Он пишет, что после роспуска I Думы влияние кадетов значительно уменьшилось и это «усилило шансы Столыпина на привлечение либералов в кабинет»⁴⁷. В свою очередь кадеты «провели более резкую грань между собой и левыми» и, несмотря на скептическое отношение к «искренности правительства», вступили на путь поддержки его программы⁴⁸.

Наконец, английский историк Р. Гоулдстон делает важный вывод о том, что силы, соединившиеся в партию кадетов, «хотели отвоевать у царя некоторые права, но боялись полной победы масс»⁴⁹.

Таким образом, постепенно отходит в прошлое легенда о кадетах как подлинных выразителях интересов демократии и бескомпромиссных борцах против самодержавно-бюрократического строя. Теперь кадеты изображаются более «сговорчивыми». Сама по себе это положительная тенденция. Важно, однако, отметить, в каком контексте она находится. В 50-е годы, когда были написаны приведенные выше работы Тредголда и Така, господствовали концепции «вестернизации» и «борьбы государства и общества». В 60-е годы их постепенно вытеснила теория «модернизации», согласно которой государство является ведущей силой в историческом развитии России. Поэтому несколько более трезвое отношение к кадетам у многих буржуазных авторов сочетается с попытками реабилитировать царское правительство. В частности, именно поэтому в числе носителей «новой тенденции» оказался Токмаков, занимающийся апологетикой столыпинского правительства и использующий его идеологическое наследство. И тем не менее стремление поднять и возвеличить роль либералов в революции, как показала недавно вышедшая книга Ш. Галая, еще присутствует в западной историографии.

Как показывают реальные исторические факты, кадеты не были ни «революционерами», ни «решительными борцами против самодержавия». Чтобы убедиться в этом,

⁴⁶ J. Clarkson. A History of Russia. New York, 1961, p. 386—393.

⁴⁷ G. Tokmakoff. P. A. Stolypin and the Second Duma. — «The Slavonic and East European Review», 1972, vol. 50, N 118, p. 49.

⁴⁸ Ibid., p. 55.

⁴⁹ R. Goldston. The Russian Revolution. London, 1966, p. 73.

достаточно ответить на вопрос, в чем сущность так называемого конфликта между кадетами и самодержавием и какими методами пытались кадеты разрешить этот конфликт.

В начале XX в. политика самодержавия стала тормозом всего общественного прогресса. Эта политика была неприемлемой для либеральной буржуазии вообще и либерально-буржуазной интеллигенции в особенности, ибо, как подчеркивал В. И. Ленин, без элементарных политических свобод, отсутствия парламентской деятельности «господство буржуазии не полно, не безраздельно, не обеспечено»⁵⁰. Поэтому кадеты вступили в конфликт с правительством в I и II Думах, критиковали царских министров, вносили законопроекты о политических свободах и т. д. В представлении кадетов самодержавие своими «безрассудными» действиями казалось едва ли не «главным» революционером, толкавшим народные массы на путь революции. В отличие от этой «преступной» политики кадеты предлагали направить революционное движение масс в русло парламентской борьбы. «Наша задача, — писал Милюков, — разоружить революцию, заинтересовав ее в сохранении нового порядка, и, чтобы достигнуть этой цели, надо, конечно, прибегать к иным приемам, чем те, которые практиковались доселе»⁵¹. Иными словами, кадеты критиковали самодержавие за то, что оно создает почву для революции, и предлагали в свою очередь иные методы борьбы с нарастающим революционным движением пролетариата и крестьянства.

Кадетская тактика уговоров правительства не была случайной. Занимая промежуточное положение в структуре политических сил, кадеты не имели за собой ни сплоченного и действительно революционного класса, ни сплоченного контрреволюционного класса⁵². «Сила» кадетов, подчеркивал Ленин, ««сила» *узурпированная*, зависящая от влияния буржуазной интеллигенции на другие классы, поскольку они не успели еще выработать себе ясной самостоятельной политической идеологии, поскольку они подчиняются идейному руководству буржуазной интеллигенции...»⁵³.

⁵⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 118.

⁵¹ П. Н. Милюков. Год борьбы. СПб., 1906, стр. 497—498.

⁵² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 294.

⁵³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 191—192.

Отсутствие за кадетами поддержки со стороны господствующих классов (либеральная буржуазия в этот период лишь кралась к власти за спиной народа) объясняет их органическую неспособность вести решительную борьбу против самодержавия. Диалектика классовой борьбы в России начала XX в. была такова, что либералы больше всего боялись «уронить» самодержавие и взять в свои руки государственную власть, предпочитая разделить ее на три части — между царизмом, буржуазией и народом⁵⁴. «Кадеты, — писал Ленин, — мечтали об освобождении от крепостничества, произвола, самодурства, азиатчины, самодержавия без свержения старой власти»⁵⁵. Все свои политические планы они связывали с постепенным реформированием государственного строя. «В области политики, — писал В. И. Ленин о кадетях, — их программа соединяет вместе демократизм, «народную свободу», и контрреволюцию...»⁵⁶. Фактически кадеты мечтали о создании такой формы государственной власти, которая бы отвечала интересам буржуазии, укрепляла и расширяла ее господство, защищала от посягательств революционных народных масс. И до тех пор, пока оставалась хоть малейшая надежда на то, что царизм сможет под нажимом оппозиции дать России «элементарный» буржуазный правопорядок, кадеты готовы были мириться с царизмом как с «меньшим» по сравнению с революцией злом⁵⁷. Поэтому, добиваясь политической свободы, кадеты хотели сохранить целый ряд институтов, которые могли защитить их от революционного народа, — монархию, постоянную армию, чиновничество и т. д., чтобы «не дать революции дойти до конца...»⁵⁸. Отсюда и постоянная боязнь партии «народной свободы» революционного народа, стремление подменить революцию думской резолюцией. Кадеты, неоднократно подчеркивал Ленин, боялись народа больше, чем реакции.

Нельзя согласиться и с утверждениями западных буржуазных авторов о том, что якобы кадеты на протяжении всей революции проявили себя «бескомпромиссными демократами». Факты свидетельствуют как раз об обрат-

⁵⁴ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 261.

⁵⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 309.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 287; т. 21, стр. 181.

⁵⁷ «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России», стр. 217.

⁵⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 121.

ном. Предательская сущность русского либерализма совершенно отчетливо проявилась уже в 1905 г. Стоило самодержавию проявить колебания под ударами революционного натиска пролетариата и крестьянства и готовность вступить в переговоры с либералами — и в петиции, поданной царю специальной делегацией, выбранной майским коалиционным земским съездом и составленной из видных вождей либерализма, не оказалось прежних требований не только Учредительного собрания, но и всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, гарантий свободных выборов и т. д. Подобное «бескомпромиссное» поведение лидеров русского либерализма В. И. Ленин назвал первыми шагами буржуазного предательства⁵⁹.

Октябрьско-декабрьские события 1905 г. довольно четко определили поворот русского либерализма к контрреволюции. Ради сделки с реакцией либералы готовы были пожертвовать весьма важными пунктами своей программы. На ноябрьском земско-городском съезде (6—8 ноября 1905 г.) видные члены кадетской партии выступили против созыва Учредительного собрания и за поддержку правительства С. Ю. Витте на основаниях, изложенных в манифесте 17 октября 1905 г.⁶⁰ «Вся либеральная буржуазия России, от Гучкова до Милюкова, — который, несомненно, политически ответственен за Трубецкого, — повернула сейчас же после 17-го октября от демократии к Витте. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход *класса* на соответствующую его экономическим интересам контрреволюционную позицию»⁶¹, — подчеркивал В. И. Ленин.

В период отступления революции кадеты еще больше «урезали» свою политическую программу. В I Думе кадеты еще рассчитывали, что им удастся «заставить» правительство принять значительную часть их политической программы: ввести гражданские свободы, всеобщее избирательное право, добиться парламентского министерства, в котором основную роль должна будет играть их партия. Однако после разгона I Думы и усиления правительственной реакции кадеты отказались от ряда ранее намеченных политических требований, и прежде всего от тре-

⁵⁹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 291—297.

⁶⁰ А. И. Чупров. Съезд земских и городских деятелей. — «Право», 1905, № 45, 46, стб. 3663.

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 102—103.

бования думского министерства, заменив его требованием «министерства, пользующегося доверием большинства Думы»⁶².

В период подготовки к выборам во II Думу кадеты намечали выдвинуть на первый план лишь те пункты политической программы, при проведении которых можно было рассчитывать на поддержку не только со стороны Думы, но и прежде всего со стороны правительства (реформа местного управления и самоуправления и суда). Более желательным для партии, отмечали кадеты, было свести всю свою законодательную деятельность к рассмотрению министерских законопроектов, внося в них свои изменения⁶³. Кадетская фракция во II Думе, по признанию В. А. Маклакова, стала бороться со всеми попытками левых депутатов выйти за рамки законодательной работы⁶⁴. В связи с такой постановкой вопроса сами кадеты вынуждены были признать: намеченная тактика во II Думе «производит впечатление, что мы отступаем от программы»⁶⁵.

Значительный шаг вправо был сделан кадетами и в области социальных разделов программы, и прежде всего в аграрном вопросе. Аграрный проект, который кадеты внесли 30 апреля 1907 г. во II Думу, существенным образом отличался от перводумского проекта «42-х». Кадеты выбросили из него пункты о государственном земельном фонде и увеличили круг изъятий из общего правила принудительного отчуждения помещичьей земли. Половину расходов по выкупной операции должны были нести сами крестьяне. Следует также подчеркнуть, что во II Думе кадетское руководство стало выражать сомнения в необходимости сохранения в программе «принципа» принудительного отчуждения помещичьей земли. «Я полагаю, — лицемерно заявлял во II Думе кадет Булгаков, — что принудительное отчуждение в программе правительства, принудительное отчуждение в программе партии народной свободы, принудительное отчуждение в программах партий, левее этой фракции стоящих, это все вещи различные. Здесь речь идет не столько о том, «что»,

⁶² ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 143.

⁶³ А. И. Каминка, В. Д. Набоков; Вторая государственная дума. СПб., 1907, стр. 40.

⁶⁴ В. А. Маклаков. Вторая Государственная Дума. Париж, 1942, стр. 205.

⁶⁵ ЦГАОР СССР, ф. 523, оп. 1, д. 28, л. 142.

сколько о том, «как»»⁶⁶. При голосовании формулы перехода к очередным делам кадеты, блокируясь с правыми, провели решение о том, что «заключать прения по аграрному вопросу принятием какого-либо перехода к очередным делам не надо», т. е. фактически отказались от требования принудительного отчуждения помещичьих земель. В этом проявилось их «прямое предательство мужиков помещикам»⁶⁷.

Поэтому не соответствуют исторической действительности утверждения западных буржуазных авторов о так называемой принципиальности и бескомпромиссности кадетской программы и тактики в период первой русской революции. Беспринципность и ярко выраженная тенденция к предательству революции за спиной народа проявились и во время тайных переговоров лидеров кадетов с представителями камарилы (Д. Ф. Треповым) и правительством П. А. Столыпина. Чтобы задушить революцию и установить «социальный мир», партия «народной свободы» готова была отказаться от «принципиальных» положений своей политической и социальной программы. «Кадетский «социальный мир», — писал Ленин, — есть мир для помещика и фабриканта, есть *«мир» подавленного* крестьянского и рабочего восстания.

Столыпинская военно-полевая репрессия и кадетские «реформы», это — две руки одного угнетателя»⁶⁸.

3. Либералы и революционная демократия

В английской и американской буржуазной литературе четко прослеживается тенденция к затушевыванию классовых различий между либерализмом и демократизмом. Суть этого — «доказать» «внеклассовое» содержание первой русской революции, наличие «единого» оппозиционного фронта, в котором руководящая роль принадлежала либералам.

Так, Г. В. Вернадский утверждал, что либералы и социалисты были едины в своем желании положить «конец

⁶⁶ «Государственная дума. Второй созыв. Сессия 2-я. Стенографические отчеты 1907 г.». СПб., 1907, стб. 1241.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 373. Подробно об эволюции кадетской аграрной программы см.: В. В. Шелохаев. Аграрная программа кадетов в первой русской революции. — «Исторические записки», т. 86, стр. 172—230.

⁶⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 83.

самодержавию и ввести представительный строй на основе всеобщего прямого и тайного голосования»⁶⁹. Во многом аналогичную точку зрения высказал А. Левин, который пытался сблизить кадетов и трудовиков по программным и тактическим вопросам⁷⁰. Однако Левин в отличие от Вернадского не переоценивал «единство» оппозиционного фронта. Он считал, что уже манифест 6 августа 1905 г. о созыве булыгинской Думы «привел к образованию первой трещины в прочном до тех пор ряду оппозиции». После Декабрьского вооруженного восстания, продолжает автор, «силы оппозиции были безнадежно разделены»⁷¹.

В то же время в английской и американской буржуазной историографии имели место и иные оценки либеральной оппозиции, ее взаимоотношений с революционной демократией. Робинсон, например, возражал против искусственного конструирования «единого» оппозиционного фронта («не было и не могло быть полного согласия ни в направлении, ни в степени желаемых перемен»⁷²), считал либералов более склонными к компромиссу, чем допускали Г. В. Вернадский и А. Левин. Манифест 17 октября 1905 г., писал Робинсон, привел к «разделению сил», и либералы «обнаружили большее, чем прежде, расположение к мирным политическим акциям»⁷³.

Однако эти объективистские попытки Левина и Робинсона так и не получили распространения среди английских и американских «россиеведов», предпочитавших рассматривать революцию 1905—1907 гг. как «внеклассовую», а в русских либералах видеть «истинных» защитников демократии и поборников прогресса. Так, Фишер и Тредголд постарались революционизировать либералов, изобразив их главной силой освободительного движения. Наиболее прямолинейно эта точка зрения была высказана в работах Д. Тредголда, который считал «союз» либералов и социалистов вполне реальным, так как на «буржуазной стадии» революции эти партии преследовали одни и те же цели. «Требования освобожден-

⁶⁹ G. Vernadsky. Op. cit., p. 263.

⁷⁰ A. Levin. The Second Duma. A Study of the Social-Democratic Party and the Russian Constitutional Experiment. New Haven — London, 1940, p. 36—37.

⁷¹ Ibid., p. 10, 12.

⁷² G. T. Robinson. Op. cit., p. 164, 168.

⁷³ Ibid., p. 169, 190.

цев, — пишет Тредголд, — едины с требованиями остальной части оппозиции» и во многом «очень похожи на программу-минимум социалистов»⁷⁴.

Д. Тредголд вопреки очевидным фактам пытается доказать, что либералы «восприняли не только фразеологию, но и идеологию революции». Американский историк старается убедить читателей, что «общий фронт среди оппозиционных групп», который просуществовал до 17 октября 1905 г. и якобы являлся залогом успеха революции, был разрушен большевиками и эсерами. «Ленин и эсеры, — безапелляционно утверждает Тредголд, — уничтожили единый оппозиционный фронт, который привел революцию 1905 года к ее первому большому успеху — октябрьскому манифесту»⁷⁵. Антинародная направленность концепции Тредголда очевидна: пока либералы входили в «единый» оппозиционный фронт и руководили им, революция развивалась успешно; из-за «предательства» революционной демократии оппозиционный фронт развалился, а революция стала клониться к упадку. При этом Тредголд тенденциозно освещает борьбу рабочего класса, вырвавшего из рук самодержавия манифест 17 октября 1905 г., и всячески старается затушевать предательство либералов, испугавшихся дальнейшего развития революции и вступивших в сделку с правительством С. Ю. Витте.

Точку зрения о гегемонии либералов в революции 1905—1907 гг. разделяет и Дж. Уолкин, взгляды которого на взаимоотношение государства и общества были рассмотрены выше. «...Успех общественного движения во многом зависел от умонастроений либералов и консерваторов, и то, что они покинули самодержавие, оказалось решающим и в 1905, и в 1917 годах»⁷⁶, — пишет Дж. Уолкин. Дж. Кип пытается доказать, что «возвышение» либералов и их руководящая роль в освободительном движении 1905 г. были связаны с двумя обстоятельствами: с одной стороны, произошло «ослабление существующей власти», а с другой — среди социалистических групп «царил хаос». Это, по его мнению, «создало политический

⁷⁴ D. Treadgold. The Constitutional democrats and the Russian liberal tradition, p. 91; *Idem*. Lenin and His Rivals., p. 131—132.

⁷⁵ D. Treadgold. The Constitutional democrats and the Russian liberal tradition, p. 92.

⁷⁶ J. Walkin. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. Political and Social Institutions Under the Last Three Czars. London, 1963, p. 186.

вакуум», который и заполнили либералы. Такое «счастлирое» стечение обстоятельств «вскружило» голову либералам, и «многие из них поддались иллюзиям о величине и источниках их сил. Они рассматривали себя полномочными представителями всей нации». Кип правильно считает, что подобное представление о своих силах было иллюзией и самообманом.

Автор прав и в том, что у либералов отсутствовали связи с широкими массами⁷⁷. Однако эти правильные замечания относительно слабости русского либерализма являются лишь фоном для камуфляжа основной авторской мысли. Суть концепции Кипа заключается в том, что «беспочвенными» были не только либералы, но и революционные партии. В этом Кип полностью солидаризируется с Г. В. Вернадским. Согласно точке зрения Кипа, либерализм в России был обречен на поражение, однако эта обреченность объясняется автором не классовой ограниченностью русского либерализма и неприемлемостью программы и тактики кадетов для широких народных масс, а «авантюризмом», «экстремизмом» и «бесцеремонностью» революционных партий. Вслед за Д. Тредголдом Кип утверждает, что революционеры якобы «развалили» фронт оппозиционных сил и «оставили» либералов один на один с правительством⁷⁸.

Дж. Кларксон считает «единый фронт» явлением временным и непрочным, он отмечает, что «наиболее влиятельные и хорошо организованные элементы оппозиции, представленные «Союзом освобождения», никогда не хотели революции». В I и II Думах, пишет он, кадеты прилагали все усилия, чтобы сплотить расползающуюся оппозицию, старались казаться трудовикам более радикальными, а октябристам более консервативными, чем они на самом деле были, но так и не смогли поставить под свой контроль думское большинство. Не удалось им привлечь на свою сторону и крестьянские массы. «В целом крестьянство, — признает Кларксон, — не приняло прямое руководство кадетов»⁷⁹.

Кларксон во многом расходится с Тредголдом и Кипом. Однако это расхождение произошло не вследствие более внимательного изучения фактов и большего стрем-

⁷⁷ J. L. H. Keep. *The Rise of Social Democracy in Russia*. Oxford, 1963, p. 151—152.

⁷⁸ Ibid., p. 182.

⁷⁹ J. Clarkson. *Op. cit.*, p. 385—395.

ления к объективности. Просто у Тредголда и Кларксона разные подходы к «доказательству» тех же исходных позиций в трактовке движущих сил русской революции 1905—1907 гг. Первый хочет во что бы то ни стало доказать силу либералов, второй — слабость революции. Недаром Кларксон подчеркивает, что, по его мнению, «шансы на свержение самодержавия были невелики». Либералы представляются ему центральной фигурой оппозиционных сил, и он считает, что, доказывая слабость либералов, бесплодность их попыток сплотить оппозицию и завоевать поддержку народа, он тем самым доказывает «слабость» революции.

Несколько иначе позицию либералов в отношении демократии трактуют Л. Кочен и Р. Гоулдстон. Кочен признает, что после манифеста 17 октября либералы «отвернулись» от революции, а к декабрю 1905 г. некоторые члены кадетского Центрального комитета отказались от всяких симпатий забастовщикам. Признает он и тот факт, что во II Думе кадеты «играли не столь активную роль, чем прежде, чтобы не вызвать преждевременного роспуска Думы»⁸⁰.

Как справедливо отмечает Р. Гоулдстон, один из уроков революции состоял в том, что революционеры поняли, что «не могут рассчитывать на кадетов в крайней нужде»⁸¹.

Однако эти справедливые высказывания отдельных исследователей не разделяются большинством буржуазных «россиеведов», которые продолжают твердить о наличии единого оппозиционного фронта, о руководящей роли либералов в революции. Так, Ш. Галай безоговорочно утверждает, что «координирующим центром» освободительного движения в России до 1905 г. являлся «Союз освобождения», который «ставил своей целью свержение самодержавия при посредстве давления снизу и его замену последовательно демократическим режимом»⁸². После январских событий, пишет Галай, «Союз» утратил свою руководящую роль. Однако на смену «Союзу освобождения» пришли его «отпрыски» — всероссийские профессиональные союзы (учителей, адвокатов и др.), которые стали «задавать тон оппозиции», объединились в более радикальный, чем «Союз освобождения», «Союз сою-

⁸⁰ L. Kochan. *Russia in Revolution*. London, 1966, p. 94, 119.

⁸¹ R. Goldston. *Op. cit.*, p. 75.

⁸² Sh. Galai. *Op. cit.*, p. 3.

зов» и привели оппозицию к победоносной Октябрьской забастовке ⁸³.

Подобная трактовка вопроса не нова. Она восходит к кадетской теории двух лагерей, согласно которой все политические силы России делились на две группы — сторонников и противников конституции. Несмотря на то что эта кадетская «теория» давно опровергнута практикой революционного движения в России, буржуазные и реформистские авторы продолжают настаивать на ней.

В действительности же на арене освободительного движения в России боролись не два, а три политических лагеря: правительственный, либеральный и революционный во главе с российским пролетариатом, спланивающим вокруг себя всех угнетенных и эксплуатируемых.

Отрицая гегемонию российского пролетариата в буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., буржуазные авторы так и не смогли «понять» и «объяснить» расстановку классовых сил в революции.

Подобное «непонимание» не отличается большой оригинальностью. Еще в 1912 г., критикуя писание Миллюкова, Ленин восклицал: «Бедный ученый историк! Ему приходится *прикидываться*, что он не понимает разницы между либерализмом и демократией. Вся суть дела в этой разнице, господа!» ⁸⁴

Кадетская концепция двух лагерей вполне устраивает современных буржуазных историков, поскольку направлена своим острием на затушевывание классовых противоречий между либерализмом и демократией, на искажение подлинно революционной и единственно правильной позиции партии большевиков, возглавившей революционную борьбу рабочего класса и крестьянства в годы первой русской революции.

В ходе революции 1905—1907 гг. особенно четко проявилась тенденция русского либерализма к предательству революции, к сделке с реакцией за счет народа. Либеральная буржуазия и революционная демократия представляли интересы различных классов. «В тысячу и первый раз» Ленин повторял «непонимающим» господам Миллюковым суть этой разницы: «У либералов — защита ряда феодально-абсолютистских привилегий (вторая палата и т. д.). У демократии — непримиримая борьба со всеми привилегиями.

⁸³ Ibid., p. 245—250.

⁸⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 133.

У либералов — соглашение с силами старого в общественной жизни, у демократии — тактика устранения этих сил.

У либералов — боязнь самостоятельности масс, неверие в нее, отрицание ее; у демократии — сочувствие, вера, поддержка, развитие этой самостоятельности»⁸⁵. В ходе революции 1905—1907 гг. русский либерализм проявил себя сознательным врагом социалистического пролетариата и революционного крестьянства.

Нельзя согласиться с западными «россиеведами» и в том, что кадетам якобы удалось установить свою гегемонию в I и II Думах, повести за собой трудовиков. На самом же деле «союз» трудовиков с кадетами был временным. Несмотря на все свои колебания и политические «зигзаги», трудовики уже в I Думе проделали заметную эволюцию влево. В ряде принципиальных вопросов (особенно аграрном) трудовики решительно разошлись с кадетами⁸⁶, что свидетельствовало о шаткости и иллюзорности кадетской гегемонии. На собственном опыте трудовики все больше и больше убеждались в том, что «главной формой освободительного движения в России в настоящее время *не* может стать парламентская борьба»⁸⁷. Во II Думе трудовики еще более решительно сплотились вокруг социал-демократов против черносотенцев и либералов. Все это свидетельствовало о том, что попытка кадетов объединить либерализм и демократизм бесславно провалилась, ибо объективные противоречия русской революции «оказались настолько глубоки, что кадетского мостика через пропасть перебросить оказалось невозможно»⁸⁸.

Противоречит действительности и стремление буржуазных авторов объяснить крах либерализма в первой русской революции крайней «несговорчивостью» правительства (Карпович, Фишер и др.), а также «предательством» революционеров, разрушивших либеральную идею общего фронта (Тредголд, Кип и др.). При этом из поля зрения буржуазных историков исчезает классовое объяснение причин краха русского либерализма в годы первой русской революции. Программа и тактика либералов не

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 370; т. 21, стр. 282—283.

⁸⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 195.

⁸⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 60.

была поддержана широкими народными массами, чего упорно не желают видеть буржуазные авторы, хотя именно это и предопределило провал деятельности либералов⁸⁹. Как указывал В. И. Ленин, на протяжении всей революции 1905—1907 гг. кадеты как в Думе, так и вне ее были изолированы и нейтрализованы борьбой революции и контрреволюции, оказались «бессильными, беспомощными, жалкими, мечущимися между враждебными лагерями»⁹⁰. При любом исходе революции, подчеркивал Ленин, кадеты оказывались бессильными: если победит самодержавие, то они станут бессильными, «ибо их сила есть сила производная от революции»; если же победит народ, то они тоже станут бессильными, «ибо все жизнеспособное тотчас же уйдет от них на сторону революции или контрреволюции...»⁹¹.

В результате главной политической партии русского либерализма — кадетам так и не удалось найти «равнодействующую» между самодержавием и революцией, между интересами буржуазии и требованиями широких народных масс. В тех условиях, которые сложились в России в новую историческую эпоху, при том обострении классовых противоречий и той расстановке борющихся сил попытка кадетов установить «социальный мир» была не только совершенно беспочвенной, но и вредной, опасной для дела дальнейшего развития революции. В России XX в. не оказалось ни «третьей» стороны баррикады, за которой могли бы укрыться кадеты, ни третьего, реформистского пути. В результате борьбы между силами уходящего самодержавного строя и силами, идущими ему на смену, победа закономерно оказалась на стороне пролетариата и крестьянства.

Первая буржуазно-демократическая революция в России «неопровержимо доказала полную шаткость и контрреволюционность нашей буржуазии, — отмечал Ленин, — доказала способность нашего пролетариата быть *вождем* победоносной революции, доказала способность демократических масс крестьянства помочь пролетариату сделать эту революцию победоносной»⁹².

⁸⁹ Подробно об этом см.: В. В. Шелохаев. Провал деятельности кадетов в массах в 1906—1907 гг. — «Исторические записки», т. 95. М., 1975.

⁹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 213.

⁹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 303.

⁹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 412.

Буржуазные теории „надклассовости“ политики самодержавия

Политика правительства в революции 1905—1907 гг. — вопрос сложный и еще недостаточно освещенный в исторической литературе. Советские исследователи в последние годы начинают уделять этой проблеме все больше внимания. Можно назвать ряд работ, в которых специально рассматривается или же затрагивается политика правительства в годы первой русской революции¹. Как правильно отмечает Н. Г. Королева, советские авторы при этом исходят из того, что «историю героической борьбы народных масс России в период первой революции можно глубже осмыслить и понять лишь тогда, когда будет изучен и объект, на который была направлена эта борьба, — господствующие классы и их правительственный аппарат»².

В западной буржуазной литературе политика царского правительства рассматривается через призму так называемой концепции «надклассовости» самодержавия, общетеоретическая и методологическая несостоятельность которой была показана выше. Ради спасения своих искусственных теоретических построений английские и американские авторы освещают лишь те стороны политики самодержавия в 1905—1907 гг., которые «вписываются» в концепции «вестернизации» и «модернизации». Буржу-

¹ М. С. Симонова. Аграрная политика самодержавия в 1905 г. — «Исторические записки», т. 81. М., 1968; Н. П. Ерошкин. Самодержавие накануне краха. М., 1975; А. Я. Аврех. Столыпин и Третья Дума. М., 1968; Н. Г. Королева. Совет министров в годы первой русской революции. Канд. дисс. М., 1971; В. Я. Лаверьев. Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972; Н. И. Васильева, Г. В. Гальперин, А. И. Королев. Первая российская революция и самодержавие (Государственно-правовые проблемы). Л., 1975.

² Н. Г. Королева. Совет министров в годы первой русской революции. Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 5.

азные историки пытаются доказать, что самодержавие начала XX в. являлось активной творческой силой, способной осуществить мирную модернизацию социально-экономической и политической структуры. Исходя из этой схемы, реформы, которые вынужден был проводить царизм в 1905—1907 гг., изображаются не как побочный продукт революционной борьбы народных масс, а в качестве органически присущего для самодержавия стремления к «европеизации России».

Согласно этим схемам, в поле зрения буржуазных авторов находятся реформаторские деяния самодержавия, репрессивная же политика царизма, как правило, затушевывается. Целевые установки буржуазной историографии очевидны: доказать ненужность социальных революций вообще и «случайность» Октябрьской социалистической революции в России в частности.

1. Политика самодержавия до 17 октября 1905 г.

Особенно ярко несостоятельность утверждений буржуазных авторов о самодержавии как активной движущей силе «модернизации» России проявляется при освещении ими событий 9 января 1905 г. Для большинства английских и американских авторов характерно изображение этих событий под углом зрения «трагедийной случайности», которая произошла якобы по «невообразимому недомыслию» царских чиновников. «Расстрел имел все составные части чистой трагедии, — пишет Дж. Кип. — Он свидетельствовал о фантастическом смятении и неумелости, которые преобладали в правящих сферах, где высшие сановники были неспособны отличить друга от врага»³. Ш. Галай расценивает расстрел как «бездумное и варварское деяние, совершенное по приказу перепуганного правительства»⁴. Наконец, Дж. Кларксон заявляет, что «эта паническая и свирепая акция правительства имела целью предотвратить повторение сцены перед Версалем в 1789 г.»⁵.

³ J. L. H. Keep. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 154.

⁴ Sh. Galai. The Liberation Movement in Russia. 1900—1905. Cambridge, 1973, p. 240.

⁵ J. Clarkson. A History of Russia. New York, 1961, p. 380.

Представляя события 9 января в виде «чистой трагедии», большинство буржуазных авторов стремится не замечать преемственность насильственных методов подавления народного движения, которыми в течение многих веков широко пользовалось царское самодержавие.

В действительности Кровавое воскресенье не было каким-то «случайным» эпизодом. Царское правительство накануне событий 9 января отнюдь не находилось в таком паническом состоянии, как это изображается в буржуазной историографии. В «верхах», правда в более обостренной форме, продолжались прежние интриги, борьба ведомств, личностей и честолюбий. 8 января председатель Комитета министров С. Ю. Витте не был приглашен на совещание у министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского. Вечером того же дня Витте посетила группа писателей и журналистов, умолявшая принять меры, чтобы избежать кровопролития. Витте отвечал, что «дела этого» он совсем не знает и потому «вмешиваться в него» не может, кроме того, оно до него «как председателя Комитета министров совсем не относится». А наутро с балкона своей квартиры Витте наблюдал «всю эту историю, саму по себе неприятную»⁶.

Таким образом, Витте не усмотрел в событиях 9 января чего-то небывалого. Такого же мнения придерживались и министры, и император. Насильственные методы управления в больших и малых масштабах давно практиковались царской администрацией, к ним привыкли власти всех рангов, от Николая II до урядника, над их применением не задумывались. Правительство всегда отвечало на забастовки рабочих вызовом войск, эти войска неоднократно расстреливали бастующих. Так было до 9 января (Златоустовский расстрел 1903 г.), так было после 9 января (Ленские события). События 9 января в Петербурге лишь особенно наглядно показали антинародную сущность самодержавия, всю дикость методов его управления, которые так не вяжутся с той ролью в «модернизации» России, которую отводят ему английские и американские буржуазные историки.

И после 9 января самодержавие продолжало усиливать полицейско-репрессивные меры подавления революционного движения. «Чем выше поднимались волны движения, — писал Ленин, — тем с большей энергией и ре-

⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 342—343.

шительностью вооружалась реакция для борьбы против революции»⁷.

В крупнейшие промышленные центры страны были введены дополнительные воинские подразделения, которые разгоняли бастующих рабочих. В ряде городов военное командование не остановилось перед применением оружия⁸. Одновременно усиливалась полиция, были созданы специальные конно-городовые отряды. К концу 1905 г. численность полиции достигла 57 тыс. человек, из них 15 тыс. были конными стражниками⁹.

Буржуазные авторы не могут полностью отрицать фактов усиления правительственных репрессий в период революции 1905—1907 гг.¹⁰ Однако по их мнению, репрессии в годы первой русской революции являлись печальной необходимостью, вызванной «русским бунтом». В английской и американской буржуазной литературе прослеживается тенденция, с одной стороны, затушевывать репрессивную сторону деятельности самодержавия, а с другой — преувеличить его реформаторские потенции.

Рассматривая правительственные реформы в первый период революции, американские и английские авторы уделяют преимущественное внимание политике самодержавия по рабочему вопросу. Большинство буржуазных историков усматривает в комиссии сенатора Н. В. Шидловского, созданной по инициативе правительства, альтернативу революционному движению рабочего класса России. В связи с этим всячески преувеличивается значение этой комиссии, искажается тактика большевиков по отношению к ней.

Так, С. Шварц, категорически не отрицая полицейских истоков идеи создания комиссии Шидловского, тем не менее считает ее попыткой порвать с прошлой политикой попечительства в отношении рабочих. «Почти во всех аспектах, — пишет Шварц, — правила комиссии Шидловского, при всех их дефектах, представляли громадный шаг вперед по сравнению с условиями, предло-

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 323.

⁸ «Начало первой русской революции. Январь — март 1905 года». М., 1955, стр. 329, 431—432, 496, 538—551.

⁹ В. Я. Лаверьев. Указ. соч., стр. 176.

¹⁰ «Режим твердости», — отмечает С. Харкейв, — был установлен на следующий же день после Кровавого воскресенья» (S. Harckeve. First Blood. The Russian Revolution of 1905. New York—London, 1964, p. 118).

женными рабочим в 1903 г. ... Впервые в русской истории, — продолжает он, — огромная армия рабочих (правда, только в Петербурге) должна была иметь выборное представительство — и не только по отдельным фабрикам, как это допускал незаконнорожденный «закон о фабричных старостах» 1903 года»¹¹.

В известной мере правила о выборах в комиссию Шидловского были несколько лучше закона 1903 г., однако нельзя забывать, что между законом 1903 г. и правилами о выборах в комиссию Шидловского пролегла грань начавшейся революции. Кроме того, эти улучшения фактически были сведены к нулю, ибо создание комиссии шло в русле старой зубатовской политики полицейского социализма. Даже Шварц вынужден признать, что инициатором создания комиссии являлся петербургский генерал-губернатор Д. Ф. Трепов. Между тем события 9 января наглядно показали рабочему классу, какой дорогой ценой могут ему обходиться правительственные опыты с «полицейским социализмом». В результате разъяснительной работы большевиков рабочие бойкотировали комиссию Шидловского, продемонстрировав тем самым возросший уровень своей политической сознательности¹². Таким образом, в феврале 1905 г. потерпела окончательный крах зубатовщина, последним отпрыском которой была комиссия Шидловского.

Параллельно с комиссией Шидловского, как известно, была образована другая комиссия по рабочему вопросу, во главе с министром финансов В. Н. Коковцовым. К участию в работе этой комиссии были привлечены представители предпринимательского мира. Работа комиссии Коковцова исследуется в специальной статье американского историка Дж. Сноу.

Для Сноу характерен двойственный подход к оценке политики царского правительства по рабочему вопросу. С одной стороны, он отрицает, что создание комиссии было непосредственно связано с начавшейся революцией. Военные неудачи и рабочие волнения, пишет Сноу, могли подорвать доверие к России ее главного союзника и кре-

¹¹ S. Schwarz. The Russian Revolution of 1905. The workers' movement and formation of Bolshevism and Menshevism. Chicago and London, 1967, p. 86—87, 123.

¹² Л. М. Крейдлина. Петербургский комитет РСДРП и выборы в комиссию Шидловского. — «Вопросы истории КПСС», 1975, № 2, стр. 116—120.

дителя — Франции, и именно эти опасения заставили действовать министра финансов¹³, к тому же комиссия воспользовалась проектами, разработанными еще до революции. Дж. Сноу весьма высоко оценивает разработанные комиссией проекты. По его мнению, они «не только обнаруживали ряд достижений по сравнению с практикой большинства западноевропейских государств того времени, но и являлись радикальным отходом от прежней правительственной политики, которая склонялась в пользу экономических интересов промышленников».

Сноу вынужден все же признать тот факт, что «известное давление» на политику правительства по рабочему вопросу оказали события 1905 г. Разработанные еще до революции законопроекты, пишет Сноу, не пускались в дело, «потому что главной целью правительства был контроль, а вовсе не реформа... Теперь же — это характерно для образа действий режима — их достали, сдули с них пыль и представили для обсуждения, а возможно, и для одобрения»¹⁴.

Кроме того, оказывается, что и выдвинутые комиссией проекты были не столь уж хороши. «Многие из комисионных предложений, — отмечает Сноу, — были просто позднейшими вариантами законопроектов, разработанных в начале века: они не касались многих важных сторон рабочей проблемы в России и не были связаны единой философией подхода к новой реформе рабочего законодательства. Также совершенно ясно, что предложения в основном касались рабочих тяжелой промышленности, особенно тех отраслей, которые имели жизненный интерес для государства». Автор обращает внимание и на то обстоятельство, что рабочие реформы интересовали правительство не сами по себе, а в связи с конкретной политической ситуацией¹⁵. Таким образом, Сноу опровергает собственные выводы о готовности комиссии «занять передовые позиции» и радикально порвать с прежней политикой.

Основную причину печальных итогов работы комиссии Коковцова, не оправдавших «светлую надежду февраля», Дж. Сноу видит в позиции предпринимателей, не

¹³ G. E. Snow. The Kokovtsov Comission: An Abortive Attempt at Labor Reform in Russia in 1905. — «Slavic Review», vol. 31, N 4, December 1972, p. 781.

¹⁴ Ibid., p. 782—788, 794.

¹⁵ Ibid., p. 789, 794.

желавших пойти на уступки рабочим и избравших тактику саботажа и обструкции. «Позиция промышленников, откровенно основанная на узких личных интересах, едва ли достойна похвалы», — с сожалением замечает автор. Однако при этом почему-то упускается из виду, что вряд ли «достойна похвалы» и позиция правительства, стремившегося «откупиться» от рабочего класса ценой наспех составленных курых экономических реформ и упорно сопротивлявшегося политическим преобразованиям.

Размышляя над причинами провала комиссии, Сноу вынужден пойти еще дальше. Он отмечает, что «упорная неподатливость фабрикантов по вопросу о рабочей реформе встречала сочувствие среди некоторых высокопоставленных бюрократов и придворных, которые в прошлом поддерживали фаворитизм по отношению к промышленности, а также среди тех, кто выступал против любой «радикальной» перемены». Сыграла свою роль, по мнению Сноу, и коррупция государственных чиновников, привлекавшихся на выгодные должности в акционерные компании и предприятия или участвовавших в их капитале ¹⁶.

Последний вывод, сделанный под влиянием работ советских историков (автор привлекает монографию В. И. Бовыкина и статью С. Я. Борового) ¹⁷, в известной мере колеблет господствующее в западной буржуазной литературе представление о «надклассовости» самодержавия, хотя Сноу считает возможным говорить только о коррупции, а не о прочно сложившихся связях самодержавия с буржуазной верхушкой.

Вместе с тем Сноу не отмечает важнейшей причины провала реформы. Коренная реформа рабочего законодательства была просто невозможна в условиях самодержавия, когда народ был совершенно отстранен от управления, а буржуазия путем взяток и коррупции пробивала себе путь к верхам бюрократической иерархии.

Не убедительно и стремление Сноу изобразить комиссию Коковцова в качестве еще одной попытки решительно порвать с прежней «попечительной» политикой правительства в рабочем вопросе. Основной смысл этой поли-

¹⁶ Ibid., p. 794—795.

¹⁷ В. И. Бовыкин. Зарождение финансового капитала в России. М., 1967; С. Я. Боровой. Об экономических связях буржуазной верхушки и царизма в период империализма. — «История СССР», 1970, № 2.

тики царские власти на протяжении десятилетий при помощи нагаек и тюрем пытались вдолбить рабочим массам: забота о рабочих есть дело правительства, а не самих рабочих. Реформы, последовавшие после расстрела, должны были стать еще одним подобным же уроком. С этой целью правительство собрало и наспех обработало накопившиеся ранее проекты.

Признавая за рабочими право на забастовки, ставя вопрос о легализации профсоюзов, комиссия Коковцова действительно пыталась внести известный корректив в прежний курс политики. Однако центром тяжести правительственной программы по рабочему вопросу продолжала оставаться традиционная политика. Так, например, стачечную борьбу пролетариата правительство стремилось ограничить строго экономическими рамками и оставляло за собой самые широкие возможности для вмешательства во взаимоотношения рабочих и капиталистов. Это говорит в пользу вывода о том, что правительство, создавая комиссию Коковцова, продолжало все ту же обанкротившуюся «попечительную» политику¹⁸.

Комиссии Шидловского и Коковцова — единственные «активные» мероприятия правительства, которые буржуазные авторы пытаются противопоставить революционному движению на первом этапе революции. Что же касается актов 18 февраля и 6 августа, вводивших в России «представительный» строй в виде законосовещательной Думы, то сами западные авторы признают их вынужденный и запоздалый характер. «...Указ о законосовещательной Думе был проглочен и вскоре едва ли не совсем забыт,— писал в свое время Дж. Робинсон,— а революция продолжалась»¹⁹. «Правительство показало себя слабым и политически неспособным»²⁰,— приходится констатировать современному английскому историку Х. Ситону-Уотсону.

В целом попытки буржуазных историков «поддержать» на примере комиссий Шидловского и Коковцова репутацию самодержавия как «инициатора» реформ по рабочему вопросу явно не удаются. Они приводят лишь

¹⁸ Подробнее см.: В. Я. Лаврычев. Указ. соч., стр. 189—218.

¹⁹ G. T. Robinson. *Rural Russia Under the Old Regime. A History of the Landlord—Peasant World and a Prologue to the Peasant Revolution of 1917.* Berkley and Los Angeles, 1967, p. 167.

²⁰ H. Seton-Watson. *The Russian Empire 1801—1917.* Oxford, 1967, p. 600.

к признанию связей самодержавия с верхами буржуазии. Отсутствие же реформ в других областях буржуазным авторам приходится объяснять влиянием реакционного дворянства²¹. Таким образом, невольно затрагивается вопрос о классовой сущности самодержавия. Сама историческая действительность восстает против концепции самодержавия как «надклассовой» и «активной творческой силы».

2. Самодержавие после 17 октября 1905 г.

17 октября 1905 г. под натиском революционного движения трудящихся масс правительство было вынуждено издать манифест, в котором обещало предоставить народу гражданские свободы и созвать законодательную Думу. 23 апреля 1906 г. была принята новая редакция Основных законов. «Императору всероссийскому, — гласила ст. 4, — принадлежит верховная самодержавная власть...» Другая статья Основных законов, 86-я, устанавливала, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственной думы и Государственного совета». А следующая, знаменитая 87-я статья давала возможность правительству проводить законы как раз без санкции палат²².

В свое время либеральные юристы потратили немало сил, чтобы объяснить и примирить эти три противоречивые статьи Основных законов. В конце концов они сошлись на интерпретации, которая отвечала политическим позициям, занятым русским либерализмом в период высшего подъема революции. Оправдывая свой переход на сторону контрреволюции, либералы заявляли, что цель освободительного движения в сущности достигнута: России «дарована» конституция. Что же касается термина «самодержавие», сохранявшегося в Основных законах, то либералы истолковывали его как выражение суверенитета по отношению к иностранным державам²³.

Так родилась легенда о российской «конституции», «дарованной» царизмом в 1905 г. Эта легенда со време-

²¹ G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 264.

²² Подробнее см.: Н. П. Ерошкин. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968, стр. 260.

²³ «Из воспоминаний М. М. Ковалевского «Моя жизнь»». — «История СССР», 1969, № 4, стр. 69.

нем перекочевала в западную буржуазную литературу и прочно в ней обосновалась. Даже обычно скептический Робинсон назвал уступку 17 октября «революционной». «Это была наконец конституция»²⁴, — подчеркивал он.

Правительство, писал Г. В. Вернадский, вполне искренне пошло на реформы, и «нарождающийся русский конституционализм» имел тенденцию развиваться по германским образцам²⁵.

Эти положения были развиты Дж. Уолкиным. В октябре 1905 г., сообщает Уолкин, «царь, оставленный почти всеми своими бывшими сторонниками, не имел другого выбора, кроме как отказаться от самодержавия». И хотя в Основных законах 1906 г. говорилось как раз о самодержавии, американский историк оценивает их как «начало конца всех недостатков в государственном строе». Правда, признает Уолкин, «брешь между государством и обществом» еще сохранялась, но тем не менее «общество одержало главную победу».

Уолкин не отрицает вынужденного характера манифеста 17 октября. Его смущает лишь то обстоятельство, что эта уступка была дана на гребне революционного подъема. В связи с этим Уолкин пытается объяснить ее исключительно заслугами либералов. «Царь вынужден был уступить, но он уступал солидным и уважаемым гражданам, которые составляли лояльную оппозицию, а не профессиональным революционерам, которые, оставшись одни, могли быть подавлены, как они обычно подавлялись, оставшись одни, до и после 1905 года»²⁶.

Другой американский историк, М. Шефтель, также отмечает вынужденный характер манифеста 17 октября: вся история создания Думы представляла из себя «постепенное и неохотное отступление императора Николая II от принципа абсолютной власти под давлением событий»²⁷. Однако в отличие от Уолкина Шефтель не считает, что царь «отказался от самодержавия». «Политическая система, установленная в России реформами 1905—1907 гг., — приходит к выводу автор, — не была

²⁴ G. T. Robinson. Op. cit., p. 168—169.

²⁵ G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 266, 268.

²⁶ J. Walkin. The Rise of Democracy in Pre-Revolutional Russia. Political and Social Institutions Under the Last Three Czars. London, 1963, p. 39, 210, 214, 218.

²⁷ M. Szeftel. The Representatives and Their Powers in the Russian Legislative Chambers (1906—1917). — «Liber Memorialis sir Mauris Powicke». Paris, 1965, p. 221.

парламентарной монархией... В действительности была установлена дуалистическая монархия с сильно подчеркнутым «монархическим принципом»».

Современный буржуазный историк несколько видоизменяет известный кадетский вывод о том, что в 1905—1906 гг. в России была введена конституция. По его мнению, в 1905—1906 гг. были лишь заложены основы конституции, которая в дальнейшем стала развиваться независимо и даже вопреки воле правительства²⁸. Таким образом, уступка в октябре 1905 г. и Шефтелем все же изображается «революционной».

Несколько иную интерпретацию появления манифеста 17 октября 1905 г. предлагает Т. фон Лауэ. Следуя своей концепции «революции извне», Лауэ основное свое внимание сосредоточивает на рассмотрении взглядов Витте, по существу отказываясь от рассмотрения в целом политического курса самодержавия в этот период. Чтобы как-то свести концы с концами в своей концепции, Лауэ пишет, что Витте якобы еще до революции «годами добивался» проведения в жизнь перечисленных в октябрьском манифесте политических свобод. И хотя до революции Витте отнюдь не собирался вводить в России парламент, но «его отсутствие восполнял частыми консультациями с представителями различных экономических интересов». Для Витте, продолжает Лауэ, было крайне неприятно лишь то, что реформы, которые «он хотел бы предоставить, исходя из чувства силы, как высшее ее доказательство, теперь требовали от правительства в момент его унижения»²⁹.

Г. Мелинджер и Дж. Томпсон во многом повторяют выводы фон Лауэ. Идеи манифеста 17 октября, заявляют они, довольно точно отражают политические взгляды Витте в 1905 г. «Витте надеялся возвести новый строй, призванный покончить с революцией и приспособить русское общество к условиям нового мира». Витте, уверяют авторы, не защищал идеалы ни самодержавия, ни демократии, «он не имел идеологии», он предлагал «не формулу, а направление» дальнейшего развития³⁰. Извест-

²⁸ Ibid., p. 222—223, 254.

²⁹ «The American Slavic and East European Review», vol. XVII, N 1, 1958, p. 28, 32, 35.

³⁰ H. D. Mehlinger and J. M. Thompson. Count Witte and the Tsarist Government in the 1905 Revolution. Bloomington — London, 1972, p. 29, 34, 36.

нее виттесовское пренебрежение к принципам в изображении буржуазных историков оказывается положительным качеством, а приверженность определенным политическим принципам — ненужным доктринерством. С. Блэк призывает читателя не судить о Российской империи только на основании того, насколько она усвоила «западные образцы таких вещей, как гражданские свободы, представительное правительство, образование и роль государства в экономическом развитии»³¹. В приведенном высказывании содержится уже и косвенное оправдание того режима второсортных гражданских свобод с сохранением широких полномочий самодержавия, который установился после поражения революции.

Так или иначе всем буржуазным историкам приходится признать вынужденный характер манифеста 17 октября. При этом совершенно беспочвенными оказываются их попытки «опровергнуть» марксистское положение о том, что реформы являются побочным продуктом революционной борьбы. Изображая манифест 17 октября в качестве непосредственной уступки либеральной буржуазии, буржуазные авторы стремятся тем самым принизить историческое значение революционной борьбы трудящихся масс в годы первой русской революции, хотя именно героическая борьба пролетариата и крестьянства вынудила царизм дать манифест 17 октября. Следует также подчеркнуть, что обещания, данные правительством в момент высшего подъема революции, в дальнейшем урезывались им и сокращались в соответствии с возможностями политической ситуации. 20 февраля 1906 г. вопреки манифесту 17 октября, в котором говорилось лишь об одной законодательной палате — Государственной думе, произошло преобразование Государственного совета во вторую законодательную палату. 8 марта 1906 г. были изданы бюджетные правила, ограничившие деятельность Думы в области утверждения бюджета. Новая редакция Основных законов 23 апреля 1906 г. устанавливала еще ряд ограничений, в том числе вводила и знаменитую 87-ю статью³². Когда же I и II Думы попытались расширить свою компетенцию и повести более или менее независимый от правительства курс, дело закончилось двумя роспусками и третьеиюньским государственным пере-

³¹ «Imperial Russia after 1861. Peaceful Modernisation or Revolution?». Boston, 1965, p. 94.

³² Н. П. Ерошкин. Указ. соч., стр. 260, 266—267, 276.

воротом. Не расширила своих полномочий и III Дума, шедшая в фарватере правительственной политики³³.

17 октября не ознаменовало в России начало «конституционной эры». Самодержавие не превратилось в символ внешнеполитического суверенитета. 17 октября 1905 г., 23 апреля 1906 г. и 3 июня 1907 г. — именно эти вехи в их последовательности определили классовую сущность установившегося после революции государственного устройства. «В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии, — писал В. И. Ленин. — В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика»³⁴. Вместе с тем В. И. Ленин подчеркивал, что «шаг по пути превращения в нечто новое несколько не устраняет старого, скажем «бюрократического» строя с его громадной самостоятельностью и независимостью, с его толмачевски-рейнботовским (и пр., и пр.) «своеобразием», с его финансовой бесконтрольностью»³⁵.

Манифест 17 октября 1905 г. действительно предотвратил немедленное крушение царизма, позволив ему выиграть время. Он явился поворотным пунктом, ознаменовавшим переход либеральной буржуазии на контрреволюционные позиции. Однако эта царская подачка не могла остановить революционного движения широких трудящихся масс, продолжавших вести борьбу за свое социальное и политическое освобождение. Борьбой рабочего класса и крестьянства против самодержавия и буржуазии руководила большевистская партия во главе с В. И. Лениным.

3. Столыпинская аграрная реформа

Интерес к столыпинской аграрной реформе, давно проявившийся в зарубежной буржуазной исторической литературе, не ослабевает и до настоящего времени. Изучению этой проблемы посвящена обширная литература; так или иначе аграрная реформа П. А. Столыпина затрагивается во всех вышедших на Западе обобщающих ра-

³³ П. Н. Зырянов. Третьеиюньская монархия в современной американской историографии. — «История СССР», 1970, № 5.

³⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 121.

³⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 58.

ботах по истории России. Такое внимание к названной проблеме в значительной степени объясняется тем, что в западной немарксистской историографии до сих пор продолжается дискуссия об эволюционных возможностях царизма. Именно поэтому среди буржуазных историков не смолкают споры о целях, ходе и результатах аграрной реформы, начавшейся в 1906 г. и занимавшей видное место в попытках царизма приспособиться к новым условиям и продлить свое существование.

Хронологические рамки первой русской революции охватывают только первые несколько месяцев действия реформы. Однако реформа, будучи побочным продуктом революции, оказала в свою очередь сильное обратное влияние на ход революции и на ее заключительные события. Поэтому в рамках настоящей работы следует сосредоточиться на таких вопросах, как происхождение реформы, ее цели и характер ³⁶.

Большинство английских и американских буржуазных авторов рассматривают столыпинскую аграрную реформу в отрыве от революции 1905—1907 гг. Так, американский историк Дж. Ёйни вовсе не упоминает о революции 1905—1907 гг. и пишет, что реформа Столыпина развилась из функционального опыта министерства внутренних дел и еще в 1902—1904 гг. В. И. Гурко разрабатывал серию мероприятий, весьма напоминающих аграрные указы 1906 г. ³⁷

Что же касается целей реформы, то, как полагает американский автор, царские реформаторы стремились «отделить наиболее передовых крестьян... и поддерживать их прогресс. В конечном счете это заставило бы пойти по такому пути все крестьянство в целом. Долгий, более или менее беспорядочный процесс следования за лидерами постепенно сделал бы коллективное владение и устаревшую систему неогороженных участков экономически невозможной, наконец, постепенно пал бы традиционный крестьянский социальный порядок, и из-под его обломков возник бы современный способ жизни» ³⁸.

³⁶ Подробнее см.: П. Н. Зырянов. Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы. — «История СССР», 1973. № 6.

³⁷ G. L. Yaney. Some Aspects of Imperial Russian Government in the Eve of the First World War. — «The Slavonic and East European Review», vol. XLIII, N 100, 1964, December, p. 81—82.

³⁸ G. L. Yaney. The Concept of Stolypin Land Reform. — «Slavic Review», vol. XXIII, N 2, June 1964, p. 284.

Сходным образом оценивает цели реформы Дж. Токмаков. Политика Столыпина, отмечает он, была направлена на «дальнейший подрыв глубоко укоренившихся феодальных уз и пробуждение инстинкта частной собственности, который в конце концов должен был создать буржуазное общество мелких фермеров. Это новое сельское общество стало бы основой реформированного государства, о создании которого думал Столыпин». При этом, как подчеркивает автор, правительство якобы заботилось о самой угнетенной части сельского населения («основанием» для последнего утверждения явились данные о составе переселенцев) ³⁹.

В английской и американской буржуазной историографии существуют более осторожные, чем у Ейни и Токмакова, оценки столыпинской аграрной реформы. Это характерно даже для такого защитника тезиса об успешной «модернизации», как А. Гершенкрон. Он дает более узкое определение социально-экономических целей реформы и подчеркивает их подчиненный характер по отношению к целям политическим. Создание нового слоя землевладельцев было важно для правительства не само по себе. «Ставка на сильных», пишет Гершенкрон, означала для Столыпина создание надежных точек опоры, «которые имело бы правительство в борьбе против революции» ⁴⁰. Р. Мантинг также считает, что именно революция 1905—1907 гг. заставила правительство пойти на изменение аграрной политики. «Революция 1905 г., — пишет английский историк, — дала правительству понять, что община является теперь не бастионом стабильности и порядка, но потенциальным агентом революции» ⁴¹.

Подобные оценки, конечно, более приближены к исторической реальности, ибо нет ничего безнадежнее попыток доказывать независимость реформы от революции. Если бы не революция, Гурко еще очень долго писал бы свои проекты и они еще неопределенное время пролежали бы под сукном. Все это было обычной практикой царского правительственного аппарата.

³⁹ G. Tokmakoff. Stolypin's Agrarian Reform. An Appraisal. — «The Russian Review». Stanford, 1971, vol. 30, N 2, p. 125—126, 132—133.

⁴⁰ A. Gershenkron. Continuity in History and Other Essays. Cambridge, Mass., 1968, p. 239.

⁴¹ R. Muntig. The village commune in European Russia (1861—1914). Birmingham, 1973, p. 6—7.

Однако Дж. Ейни и Дж. Токмаков совершенно игнорируют полукрепостническую эксплуатацию крестьянства со стороны помещиков. Только «позабыв» о существовании помещичьих латифундий, они могли изобразить в качестве широкого, последовательного и «демократического» преобразования столыпинскую аграрную реформу, направленную на ограбление массы общинного крестьянства ради сохранения помещичьего землевладения. Стремление же правительства при помощи переселения выдворить из российской деревни неблагонадежные социальные элементы Токмаков стремится изобразить в качестве заботы о последних.

Цели столыпинской аграрной реформы были гораздо более классово ограничены, чем это пытаются представить буржуазные авторы. На этот счет имеется недвусмысленное свидетельство самого Столыпина, возвестившего в своей знаменитой думской речи 5 декабря 1908 г. о ставке «на крепких» и на «сильных»⁴².

Выделение из массы общинного крестьянства зажиточного и политически благонадежного слоя хуторян и отрубников в качестве новой социальной опоры царизма в деревне при сохранении помещичьего землевладения и еще более сильном земельном притеснении остальных крестьян — вот в чем заключалась важнейшая цель столыпинской аграрной реформы⁴³. Большинство же крестьянства, как писал В. И. Ленин, оставалось «в старом, кабальном, крепостническом положении»⁴⁴.

Ряд американских буржуазных историков категорически отвергает насильственный характер реформы. Многие насильственные действия администрации, по словам Дж. Ейни, были направлены просто к восстановлению порядка, поскольку «внутриобщинные споры об укреплении не всегда носили характер мирной дискуссии»⁴⁵. Л. Страховский пытался даже доказать, будто репрессивная политика правительства, пошедшего на создание военно-полевых судов, носила «вынужденный характер».

⁴² «Государственная Дума. Стенографические отчеты. Созыв III, сессия II», ч. I. СПб., 1908, стр. 282.

⁴³ Подробнее см.: А. М. Анфимов. В. И. Ленин о российском крестьянстве. — «В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России». М., 1970, стр. 89.

⁴⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 175.

⁴⁵ «Slavic Review», vol. XXIII, N 2, June 1964, p. 291.

«Строгие меры были совершенно необходимы»⁴⁶, — подчеркивал Страховский.

Дж. Токмаков правильно связывает роспуск II Думы и третьеиюньский государственный переворот с аграрной реформой Столыпина, однако ответственность за эти акты он пытается возложить на Думу, обвиняя ее в том, что она проявила «доктринерство», неопытность и «не оценила возможность компромисса» с правительством Столыпина⁴⁷.

Надо ли говорить о том, насколько неблагоприятны эти попытки оправдать правительственные акты подавления и насилия, переложить ответственность с виновников на их жертвы. Стремясь любой ценой остаться у власти, оградить помещичье землевладение и навязать стране наиболее тяжелый способ разрешения аграрного вопроса, царское правительство шло на любые меры произвола и беззакония. 19 августа Совет министров одобрил указ о военно-полевых судах. П. А. Столыпин требовал от местного начальства: «...проявлять самую решительную энергию в пользовании предоставленными Вам чрезвычайными полномочиями для борьбы с крамолой»⁴⁸. По далеко не полным данным периодической печати, за восемь месяцев действия закона о военно-полевых судах только к смертной казни было приговорено 1102 человека⁴⁹.

Однако, как пишет советский историк В. И. Бовыкин, «надежды царского правительства на то, что активизация полицейского террора в стране поможет царизму на основе уже существующего избирательного закона добиться на выборах во II Думу более приемлемого ее состава, не сбылись. Итоги этих выборов свидетельствовали о том, что в стране происходит процесс резкого размежевания революционных и контрреволюционных сил... В целом II Дума оказалась более левой, чем первая»⁵⁰. Дума не

⁴⁶ L. S. Strakhovsky. Stolypin: To Save Crown Suppress Revolutionaries and Create Individual Peasant Landowners. — «Imperial Russia after 1861...», p. 60—61.

⁴⁷ G. Tokmakoff. P. A. Stolypin and the Second Duma. — «The Slavonic and East European Review», vol. L, number 118, January 1972, p. 61—62.

⁴⁸ Н. Г. Королева. Совет министров в годы первой русской революции. Автореф. канд. дис., стр. 28—29.

⁴⁹ Н. Н. Полянский. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1958, стр. 215.

⁵⁰ В. И. Бовыкин. Революция 1905—1907 гг. М., 1965, стр. 91.

смогла стать подходящим орудием для проведения правительственного курса, направленного на разрешение аграрного вопроса за счет общинного крестьянства, и это решило ее судьбу. Перекроив избирательный закон и нарушив тем самым Основные законы, правительство произвело государственный переворот. Столыпинская аграрная реформа неотделима от актов правительственного насилия, которые ее сопровождали на всех этапах.

Комиссии Шидловского и Коковцова, манифест 17 октября, столыпинская аграрная реформа — этим в основном исчерпывается перечень тех мероприятий, которые правительство пыталось противопоставить революции. Перечень невелик, и он вовсе не характеризует самодержавие в качестве «надклассовой» и «активной творческой» силы. Отнюдь не являясь «ведущей силой» в «модернизации» России, самодержавие лишь под давлением событий делало попытки приспособиться к новым условиям, чтобы продлить свое существование. И здесь не помогает оговорка фон Лауэ, что «во время революции снизу было не до революции сверху»⁵¹.

Попытки рабочего законодательства, реформы государственного устройства и столыпинское аграрное законодательство по существу явились побочным продуктом той же революции снизу. Аграрное законодательство, санкционированное «объединенным дворянством», показало продворянскую сущность политики правительства. История комиссии Коковцова продемонстрировала связь царизма с верхами буржуазии.

3 июня 1907 г. царское правительство разогнало II Государственную думу и арестовало депутатов социал-демократической фракции. Третьеиюньский государственный переворот, сопровождавшийся еще большим усилением военно-полицейских репрессий, означал временное торжество контрреволюции. «Царское правительство, помещики и капиталисты бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов»⁵².

Факты реальной действительности неопровержимо свидетельствуют о том, что репрессивная сторона деяний

⁵¹ «The American Slavic and East European Review», vol. XVII, number 1, 1958, p. 32.

⁵² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 72.

царизма явно преобладала над его реформистскими потугами. Все это доказывает тенденциозность и несостоятельность буржуазных концепций о так называемом внеклассовом характере самодержавия и его модернистских потенциях.

В годы первой русской революции ярко проявилась реакционная сущность царизма, его неспособность к историческому творчеству.

История первой русской народной революции эпохи империализма — тема сложная и многоплановая. Естественно, что в данной работе не ставилась задача рассмотреть все ее аспекты, ибо это посильно лишь коллективу исследователей. В центре внимания авторов данной работы проблемы объективной обусловленности и народного характера революции 1905—1907 гг., расстановки классовых сил на арене политической борьбы, взаимосвязи между деятельностью большевистской партии и действиями трудящихся масс. Вокруг этих проблем на протяжении более чем полувека идет неослабевающая идейная борьба между марксистскими и буржуазными социологами, философами и историками.

Критический разбор буржуазных теорий и концепций («всстернизации», «революции извне», «модернизации» и т. п.) показывает, что своим острием они направлены против марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях, исторической закономерности смены низших формаций высшими, против социальных революций в жизни общества. Исходя из надуманных теорий и концепций, английские и американские буржуазные авторы пытаются отрицать историческую обусловленность первой русской революции, ее преемственность с двумя последующими революциями в России.

В работах английских и американских «россиеведов» перечисляется целый калейдоскоп второстепенных, сопутствующих причин и по существу игнорируются главные, коренные противоречия в социально-экономическом и политическом строе России, которые привели к революции 1905—1907 гг. В разного рода «теориях» и «концепциях» буржуазных авторов не находится места (и это надо особо подчеркнуть) характеристике новой историче-

ской эпохи, в которую назревали объективные и субъективные предпосылки первой русской революции. Игнорирование этого определяющего положения приводит к тенденциозному освещению всего революционного процесса в России в начале XX в. Фактически современные «россиезеды» не желают признавать, что буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. представляет собой новый тип буржуазной революции, коренным образом отличающийся от западноевропейских буржуазных революций XIX в. Они не хотят видеть, что революция 1905—1907 гг. произошла в новую историческую эпоху, при принципиально иных расстановке и соотношении классовых сил, что буржуазно-демократическая революция не только имела антифеодальную направленность, но и несла в себе антиимпериалистический заряд огромной потенциальной силы¹.

Свойственное теории «вестернизации» искусственное приравнивание первой народной революции эпохи империализма к ранним западноевропейским буржуазным революциям, когда капитализм еще продолжал развиваться по восходящей линии, ведет к фальсификации ее характера, движущих сил, к отрицанию перспективы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Нельзя не отметить, что во многих более поздних работах английских и американских авторов содержатся уже неприкрытые попытки поставить под сомнение сам исторический факт революции 1905—1907 гг. в России. Т. фон Лауэ, например, считает, что «русский кризис 1905 г. вряд ли можно именовать революцией: на трон не сел новый правитель, власть не перешла от одного класса к другому. То, что произошло, было похоже на мимолетную вспышку ненависти — таково было мнение царя, и он был недалек от правды»².

Кип заявляет, что с точки зрения «пуриста» термин «революция» не совсем правильно относить к событиям 1905 г. в России: «По существу то, что произошло, было стихийным и хаотичным народным движением с анархи-

¹ Подробно об этом см.: «Проблемы гегемонии пролетариата в демократической революции (1905 — февраль 1917 гг.)». М., 1975, стр. 11—51.

² Th. H. von Laue. Why Lenin? Why Stalin? Reappraisal of the Russian Revolution. 1900—1930. Philadelphia — New York, 1964, p. 68.

ческим налетом, в котором социальные и национальные группы преследовали различные, часто противоречивые цели»³. Э. Тэйлор также пишет о «беспорядочной, но кровавой серии восстаний, обычно именуемой русской революцией 1905 года»⁴. Ш. Галай безапелляционно утверждает, что «в прямом смысле слова это не была революция»⁵.

Не случайно, что в условиях третьего этапа общего кризиса капитализма, крушения колониальной системы и мощного подъема национально-освободительного движения буржуазные идеологи ухватились за так называемую концепцию «русского бунта», при помощи которой они еще надеются «скомпрометировать» революцию как способ решения социальных и политических вопросов. Реакционная направленность таких «концепций» более чем очевидна — «доказать» не только «ненужность», но и «вредность» народных революций в современных условиях. Появление откровенно тенденциозной концепции «русского бунта» и ей подобных «теорий» является отражением кризиса буржуазной науки в современном капиталистическом мире.

В английской и американской буржуазной историографии произвольно передвигаются и хронологические рамки революции. Большинство авторов ограничиваются только рамками 1905 г., последующие события 1906—1907 гг. изображаются как мирное движение за парламентские реформы. Однако и внутри этих искусственных рамок события излагаются тенденциозно, подгоняются под схемы либеральных концепций характера первой русской революции. Все, что противоречит этим схемам, либо не принимается во внимание, либо искажается.

Так, Харкейвизображает русскую революцию в виде последовательного движения к конституции и в связи с этим разделяет события 1905 г. на следующие фазы: с 10 января по 18 февраля, с 19 февраля по 6 августа и с 7 августа по 17 октября. При этом существо политической борьбы американский историк склонен сводить к

³ J. L. H. Keep. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963, p. 150.

⁴ E. Taylor. The Fall of the Dynasties. The Collapse of the Old Order. 1905—1922. New York, 1963, p. 48.

⁵ Sh. Galai. The Liberation Movement in Russia. 1900—1905. Cambridge, 1973, p. 232.

отсутствию взаимопонимания между монархом и обществом⁶.

Дж. Кип начинает излагать события революции с убийства Плеве и «либеральной весны» Святополк-Мирского⁷. Ш. Галай определяет хронологические рамки революции с ноября 1904 по декабрь 1905 г. По его мнению, «реакция на кровавые события (9 января. — Авт.) не означала революции»⁸.

Фальсификации подвергается и проблема расстановки классовых сил в революции. Противопоставляя ленинскому положению о трех политических лагерях в русской революции концепцию так называемого «единого оппозиционного фронта», в котором руководящую роль якобы играли либералы, буржуазные авторы выводят на сцену политической борьбы в 1905—1907 гг. по сути дела только двух действующих лиц — либералов и правительство. Особенно это характерно для так называемой теории «вестернизации». В более поздних работах народное движение изображается в виде анархических мятежей «традиционной», «немодернизированной» народной массы. Буржуазные авторы единодушны в своем стремлении принизить значение пролетарского движения в революции, свести его на уровень «продолжения» крестьянского. Крестьянское же движение изображается как цепь грабежей и пожаров (составлявших огненный фон революции), как «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Таким образом, искажается роль народных масс в революционном процессе, подлинно народный, демократический характер революции 1905—1907 гг.

В буржуазной историографии по существу отрицается роль классовой сознательности и организованности пролетариата и крестьянства, абсолютизируются элементы стихийности в революции. Английские и американские «россиеведы» стремятся принизить, исказить революционное творчество широких трудящихся масс, создавших в ходе революции 1905—1907 гг. невиданные в истории политические организации — Советы. И это понятно, буржуазные идеологи не склонны знакомить трудящиеся массы капиталистических и развивающихся стран с революционным опытом российского пролетариата и крестья-

⁶ S. Harcave. First Blood. The Russian Revolution of 1905. New York — London, 1964, p. 118—119.

⁷ J. L. H. Keep. Op. cit., p. 152—153.

⁸ Sh. Gclai Op. cit., p. 232, 240.

яинства. Вопреки очевидным фактам большинство английских и американских авторов продолжают твердить о неспособности «низов» к активному историческому творчеству.

Не выдерживают критики псевдонаучные концепции об изолированности социал-демократического движения от революционной борьбы пролетариата и крестьянства в 1905—1907 гг., о наличии «противоречий» между Программой РСДРП и требованиями широких народных масс⁹. В основе этих концепций лежит антикоммунистическая идея о «манипулировании» партией большевиков массами в своих корыстных целях.

Особое значение для современной идеологической борьбы имеет критика освещения английскими и американскими буржуазными авторами проблемы влияния революции 1905—1907 гг. на развитие мирового революционного процесса. В буржуазной историографии четко прослеживается тенденция ограничить международное значение первой русской революции исключительно странами Востока¹⁰.

Факты истории неопровержимо свидетельствуют, что революция 1905—1907 гг. была подлинно демократической, народной и закономерно обусловленной всем предшествующим ходом общественного развития. Она положила начало новому периоду всемирной истории — периоду политических потрясений и революционных битв. Она нанесла мощный удар по самодержавию, господству помещиков и капиталистов, вписала яркую страницу в историю классовой борьбы. Революция 1905—1907 гг. стала величайшей школой политического воспитания масс, показала в действии все классы и партии. Революция подтвердила и закрепила существование трех политических лагерей на арене освободительного движения, которые наметились в политической жизни страны еще с середины XIX в.

⁹ Подробно критику этих концепций см.: В. П. Филатов. Критика фальсификаций истории КПСС. М., 1970; «Против буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС». М., 1970; «Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС». Л., 1974, и др.

¹⁰ J. Spector. The first Russian revolution its impact on Asia. New York, 1962 (Критика работы А. Спектора содержится в рецензии Н. А. Халфина «История первой русской революции и «фонд» Рокфеллера». — «Вопросы истории», 1963, № 11, стр. 163—165); E. H. Carr. What is history? London, 1961.

Важнейшим итогом революции было усиление роли рабочего класса. Российский пролетариат впервые в истории выступил в роли гегемона буржуазно-демократической революции, окончательно выделился в самостоятельную политическую силу, занявшую ведущее место в освободительном движении. Пролетариат «завоевал *освобождение рабочих масс из-под влияния предательского и презренно-бессильного либерализма*. Он завоевал себе роль *гегемона* в борьбе за свободу, за демократию, как условие для борьбы за социализм. Он завоевал всем угнетенным и эксплуатируемым классам России *умение вести революционную массовую борьбу...*»¹¹.

В годы первой русской революции укрепился союз рабочего класса и крестьянства. Огромный размах приобрела революционно-освободительная борьба угнетенных народов, поддержанная русским пролетариатом. «Пятый год, — подчеркивал В. И. Ленин, — объединил рабочих всех наций России»¹². Под руководством пролетариата складывался боевой союз всех угнетенных наций и народностей страны.

Революция 1905—1907 гг. показала органическую неспособность либеральной буржуазии возглавить освободительное движение, ее боязнь революции больше, чем реакции. Российский же пролетариат проявил себя достаточно политически зрелым, чтобы вырвать у буржуазии руководство движением народных масс.

Высокая политическая зрелость, проявленная пролетариатом в ходе революции 1905—1907 гг., объясняется наличием в России революционной марксистской партии нового типа. Ленинская партия стала высшим воплощением идеи гегемонии пролетариата в освободительном движении. В ходе революции партия большевиков выросла в крупную политическую силу, по призыву которой поднимались на борьбу миллионы рабочих и крестьян. Революция, писал В. И. Ленин, «оправдала все основные теоретические положения марксизма, все существенные лозунги социал-демократии». Она оправдала «*нашу, социал-демократическую работу, оправдала нашу надежду и веру в истинную революционность пролетариата*»¹³.

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 371.

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 71.

¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 86—87.

Первая народная революция в России имела большое международное значение¹⁴. Она оказала огромное воздействие на рост революционных выступлений рабочих и крестьян во многих странах Запада. Видный американский социалист Даниель де Леон писал в дни революционных событий в России, что их влияние «затронуло каждое государство в Европе. Оно преодолело Атлантику и со всей грозной очевидностью почувствовалось в Америке»¹⁵.

Революция 1905—1907 гг. в России вызвала подъем национально-освободительного движения угнетенных народов колониального Востока. Все это расшатывало мировую систему капитализма, приближало ее общий кризис.

Революция 1905—1907 гг. закрепила за Россией положение центра международного революционного движения, усилила влияние большевизма на международной арене. «Глубокое обобщение и мастерское использование большевиками накопленного опыта политического руководства массами, непримиримая борьба против оппортунизма и ревизионизма, за единство рабочего класса и его гегемонию в освободительном движении, за союз пролетариата с широкими слоями трудящихся облегчили и ускорили свержение царизма в феврале 1917 года и победоносный штурм эксплуататорского строя в дни Великого Октября»¹⁶.

¹⁴ «Первая русская революция 1905—1907 гг. и международное революционное движение». Сб. статей, ч. 1—2. М., 1955—1956.

¹⁵ *Leon de D. Russia in Revolution*. New York, 1927, p. 24.

¹⁶ «Коммунист», 1975, № 2, стр. 5.

Указатель имен *

- Адамс А. (Adams A.) 12, 25, 36
 Александр III 18
 Александров М. Г. 54
 Анфимов А. М. 33
- Балашов С. И. 61
 Белоусов В. Г. 54
 Бендикс Р. (Bendix R.) 11
 Бердичевская М. Л. 55
 Бердяев Н. А. 134
 Бернштейн-Коган С. В. 28
 Блэк С. (Black C.) 11, 12, 15, 26, 27, 33, 166
 Бовыкин В. И. 161, 171
 Богданов А. А. 71, 72
 Боровой С. Я. 161
 Брежнев Л. И. 15
 Брусникин Е. М. 23
 Булгаков С. Н. 134, 146
- Васильев-Южин М. И. 71, 80
 Вернадский Г. В. (Vernadsky G.) 17, 47, 49, 52, 57, 67, 75, 85, 86, 107, 129, 138, 139, 147, 148, 150, 164
 Витте С. Ю. 22, 138, 141, 145, 149, 157, 165
 Водовозов В. В. 27
 Волин Л. (Volin L.) 34, 35, 96
 Волков М. П. 55
 Волконский М. С. 135
 Воронцов В. П. 27
- Галай Ш. (Galai Sh.) 18, 50, 131, 133, 142, 151, 156, 176, 177
 Гапон Г. А. 48, 49, 51, 54—56
 Герцен А. И. 127
 Герценштейн М. Я. 135
 Гершенкрон Н. (Gerschenkron A.) 35, 169
 Гессен В. М. 17
 Голубова М. И. 61
 Горемыкин И. Л. 140
 Гоулдстон Р. (Goldston R.) 142, 151
 Грачев Н. П. 61
- Гурко В. И. 168
 Гучков А. И. 145
- Даниельсон Н. Ф. 27
 Даниэльс Р. (Daniels R.) 131
 Де Леон Д. (De Leon D.) 180
 Доссер З. Н. 80
 Дубровский С. М. 37
 Дунаев Е. А. 61
- Ейни Дж. (Yaney G.) 168—170
 Екатерина II 18
- Жиделев Н. А. 61
- Иванов Л. М. 30
- Каблуков Н. А. 27
 Казанцев М. В. 55
 Карпович М. (Karpovich M.) 127—129, 138, 153
 Кип Дж. (Keep J.) 14, 49—53, 58, 62, 63, 68, 76, 87, 90, 95, 96, 107, 149, 150, 153, 156, 176, 177
 Кирюхина Е. И. 92, 100
 Кларксон Дж. (Clarkson G.) 14, 33, 34, 63, 76, 87, 90, 141, 150, 151, 156
 Кнунянц (Радин) Б. М. 71—73
 Коковцов В. Н. 159—162, 172
 Комиссаров М. Г. 135
 Королева Н. Г. 155
 Котляревский С. А. 135
 Кочен Л. (Kochan L.) 14, 51, 52, 63, 69, 76, 88, 90, 96, 108, 141, 151
 Красиков П. А. 71
 Крыленко Н. В. 71
- Лакин М. Н. 61
 Лалальянц И. Х. 118
 Лауэ Т. фон (Laue Th. fon) 9—11, 14, 21, 23, 27, 36, 165, 172, 175
 Левин А. (Levin A.) 148

* Составлен только по авторскому тексту.

Ленин В. И. 4, 10, 18—20, 28, 29, 36, 38, 41, 44, 46, 53, 58, 59—61, 64, 65, 67, 69, 72—74, 79, 81—83, 85, 90, 91, 95, 97, 98, 108—110, 112, 113, 116, 119, 120, 121, 127, 133, 134, 136, 137, 143—145, 147, 149, 152, 154, 157, 167, 170, 179

Леонов К. И. 54

Лядов М. Н. 80

Маклаков В. А. 124—127, 129, 146

Мантинг Р. (Munting R.) 169

Мартов Ю. О. 64, 126

Масарик Т. 9

Маслов П. П. 107

Мелинджер Г. (Mehlinger H.) 165

Милоков П. Н. 124—127, 139—141, 143, 145, 152

Мурхед А. (Moorhead A.) 14

Николай II 18, 157, 164

Ногин В. П. 71

Парсонс Т. (Parsons T.) 11

Перри М. (Perrie M.) 14, 36, 37, 89, 96, 102, 108

Петрункевич И. И. 128, 135

Пешехонов А. В. 27

Петр I 21

Плеве В. К. 177

Полетаев Н. Г. 54

Постоловский Д. С. 71

Постышев П. П. 61

Прокопович С. Н. 28, 84

Пугачев Е. И. 32

Робинсон Дж. (Robinson G.) 32, 33, 36, 86, 90, 95, 104—107, 148, 162, 164

Ростоу У. (Rosfow W.) 11

Рыков А. И. 71

Савков В. М. 80

Самойлов Ф. Н. 61

Святополк-Мирский П. Д. 157, 177

Серебровский А. П. 54

Серый Ю. И. 30

Ситон-Уотсон Х. (Seton Watson H.) 162

Сноу Дж. (Snow G.) 159—161

Столыпин П. А. 24, 140, 142, 147, 167—171

Страховский Л. И. (Strakhovsky L. I.) 14, 170, 171

Струве П. Б. 134, 135

Так Р. (Tuck R.) 140—142

Токмаков Дж. (Tokmakoff G.) 14, 36, 38, 40, 142, 169—171

Томпсон Дж. (Thompson J.) 165

Тредголд Д. (Treadgold D.) 130, 131, 133, 134, 139, 140, 142, 148, 149, 151, 153

Трепов Д. Ф. 140, 147, 159

Туган-Барановский М. И. 28

Тэйлор Э. (Taylor E.) 69, 176

Уолкин Дж. (Walkin G.) 13, 14, 17, 26, 27, 33, 34, 58, 63, 67, 88, 90, 95, 149, 164

Фишер Дж. (Fisher G.) 129—131, 133, 134, 148, 153

Фриз Г. (Freeze H.) 131

Фрунзе М. В. 118

Ханцев Г. Г. 55

Харик А. Я. 54

Харкейв С. (Harcave S.) 58, 176

Хеймсон Л. (Haimson L.) 11, 14, 22

Хижняков В. В. 55

Хрусталева-Носарь Г. С. 68, 70

Черномордик С. И. 118

Чернявский М. (Cherniavsky M.) 131

Шацнер В. Л. 71, 80

Шапиро Л. (Shapiro L.) 14

Шарапов С. Ф. 22

Шаховской Д. И. 135

Шварц С. (Schwarz S.) 47—49, 52, 57, 62, 67, 68, 158, 159

Шелгунов В. А. 54

Шестаков А. В. 37, 118

Шефтель М. (Szeftel M.) 164, 165

Шидловский Н. В. 48, 52, 55, 56, 68, 70, 158, 159, 162, 172

Шипов Д. Н. 20, 64

Энгельс Ф. 80—81

Яковлев Н. Н. 79

Ярославский Е. М. 54

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ЧТО ПРИВЕЛО К ПЯТОМУ ГОДУ?	16
1. Теория «вестернизации»: борьба государства и «общества»	17
2. Концепция «революции извне»: усиленная индустриализация	21
3. Искусственные схемы теории «модернизации» и конкретно-историческая действительность	25
Глава II. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В ИЗОБРАЖЕНИИ БУРЖУАЗНЫХ И РЕФОРМИСТСКИХ АВТОРОВ	45
1. Стихийность и сознательность в рабочем движении	46
2. Соотношение политических и экономических форм борьбы	57
3. Происхождение и историческое значение Советов	66
4. Декабрьское вооруженное восстание	75
Глава III. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ — ТЕЗИС О «ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»	84
1. Характер крестьянского движения	85
2. Союз рабочего класса с крестьянством	104
Глава IV. КОНЦЕПЦИИ «ВНЕКЛАССОВОСТИ» РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА И РЕАЛЬНОСТЬ ИСТОРИИ	124
1. Социальная природа русского либерализма	127
2. Либералы и правительство	137
3. Либералы и революционная демократия	147

Глава V. БУРЖУАЗНЫЕ ТЕОРИИ «НАДКЛАССОВОСТИ»	
ПОЛИТИКИ САМОДЕРЖАВИЯ	155
1. Политика самодержавия до 17 октября 1905 г.	156
2. Самодержавие после 17 октября 1905 г.	163
3. Столыпинская аграрная реформа	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	174
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	181

Зырянов Павел Николаевич
Шелохаев Валентин Валентинович

**Первая русская революция
в американской и английской
буржуазной историографии**

Заведующий редакцией *В. С. Антонов*
Редактор *Ю. В. Мочалова*
Младший редактор *Е. Р. Зазульская*
Оформление художника *В. И. Харламова*
Художественный редактор *В. А. Захарченко*
Технический редактор *Е. А. Данилова*
Корректор *Ч. А. Скруль*

Сдано в набор 31 октября 1975 г. Подписано в печать 4 мая 1976 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Усл. печатных листов 9,66. Учетно-издательских листов 10,34. Тираж 5000 экз. А08091. Зак. № 75 Цена 1 р. 04 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Хохловский пер., 7.

1 р. 04 к.

Издательство ·Мысль·